

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

Осташова Оксана Игоревна

**ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX–XX ВВ.**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Бессонова Ольга Леонидовна

Донецк – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ	19
1.1 Основные положения теории оценки	19
1.1.1 Оценка как категория аксиологии и лингвистики	19
1.1.2 Определение оценки как лингвистической категории	22
1.1.3 Подходы к рассмотрению оценки	25
1.1.4 Связь категории оценки с другими категориями.....	32
1.2 Оценочное высказывание. Речевой акт оценки	40
1.2.1. Определение понятия «высказывание»	40
1.2.2 Определение понятия «оценочное высказывание».....	41
1.2.3 Оценочное высказывание как результат речевого акта оценки.....	44
1.3 Модель речевого акта оценки.....	46
1.4 Диахронический подход в исследовании дискурса	56
1.5 Коммуникация персонажей в художественном дискурсе: гендерный аспект.....	63
1.6 Характеристика материала исследования. Методы его анализа.....	71
Выводы к главе 1	75
ГЛАВА 2 СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX–XX ВЕКОВ	80
2.1 Тематика оценочных высказываний	80
2.1.1 Тематическая область «Человек».....	82
2.2.2 Тематическая область «Окружающий мир»	87
2.2 Характеристика оценочных высказываний по характеру оценок	89
2.3 Семантические типы ОВ в художественном дискурсе XIX–XX веков .	95
2.4 Структура оценочного высказывания.....	103

2.5 Синтаксические модели оценочного предиката и особенности языковой репрезентации оценочного отношения в художественных текстах XIX–XX веков	108
2.6 Типы субъекта оценки и средства его выражения в художественных текстах XIX–XX веков	118
2.7 Типы объекта оценки и средства его выражения в художественных текстах XIX–XX веков	124
Выводы к главе 2	129
ГЛАВА 3 КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX–XX ВЕКОВ.....	135
3.1 Типы актов оценки в речи персонажей художественного дискурса XIX–XX веков.....	136
3.1.1 Классификация РА с прямой оценкой	138
3.1.2 Особенности РА с сопутствующей оценкой.....	146
3.2 Модификация соотношения адресата и объекта оценки в оценочных речевых актах	148
3.3 Конфигурация коммуникативных адресантно-адресатных отношений в речи персонажей в художественном дискурсе XIX–XX веков: гендерный аспект	151
3.4.1 Гендерный аспект адресантно-адресантных отношений в положительно-оценочных речевых актах	155
3.4.2 Гендерный аспект адресантно-адресантных отношений в негативно-оценочных речевых актах	164
Выводы к главе 3	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	176
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	177
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	217
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	218

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена описанию структурно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей оценочных высказываний (далее ОВ) в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. В фокусе внимания работы находятся высказывания, функционирующие в монологической и диалогической речи персонажей художественных текстов XIX–XX веков, в рамках которых реализуется их оценочное суждение. Примерами таких высказываний могут служить следующие контексты: (1) *'He was a devil, that boy.'* [385, p. 67]; (2) *"I cannot see that London has any great advantage over the country, for my part, except the shops and public places. The country is a vast deal pleasanter, is it not, Mr. Bingley?"* [379, p. 53-54]. Первый контекст демонстрирует отрицательную оценку поведения человека, выраженную негативно-оценочным существительным *devil* в сочетании с глаголом-связкой *to be*. ОВ является достаточно категоричным и рациональным. Во втором контексте репрезентуется положительная оценка места, выраженная оценочным прилагательным в сравнительной степени *pleasanter* в сочетании с интенсификатором *a vast deal*. Данное ОВ можно охарактеризовать как эмоциональное и некатегоричное. Объем контекста, в котором функционирует ОВ, иногда не вписывается в рамки одного или двух предложений, потому что высказывание квалифицируется в рамках коммуникативной ситуации и контекст находит свою логическую завершенность в достижении коммуникативной цели.

Работа выполнена на стыке таких направлений современной лингвистики как дискурсивная лингвистика, прагмалингвистика, лингвистическая гендерология, лингвокультурология и коммуникативная лингвистика, что обуславливает полипарадигмальность данного исследования, предполагающего всесторонний анализ ОВ с учетом разных парадигм знаний.

В данном исследовании оценка рассматривается как антропоцентрическая категория, ориентированная на отражение ценностной сущности человека и его характеристик, а также объектов окружающей действительности в художественном дискурсе двух исследуемых исторических периодов, с точки зрения взглядов, интересов оценивающего субъекта или группы субъектов. Такой подход выводит на первое место коммуникативную деятельность человека, а язык называет ее главной конституирующей характеристикой и важнейшей составляющей.

Одним из способов реализации оценочного отношения является ОВ, которое в свете функционального и коммуникативного подходов, определяется, вслед за Н. И. Формановской, как интенционально обусловленное, грамматически и семантически организованное речевое образование, с помощью которого субъект выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации [302].

Художественный дискурс, выступающий источником эмпирического материала исследования, является отражением художественной коммуникации, а также одним из способов ее реализации. Субъектами художественного дискурса, с одной стороны, являются автор и читатель, а с другой стороны, персонажи – языковые личности – которые говорят и слушают, думают и действуют в придуманном мире текста в соответствие со своим ценностями и жизненными принципами. Художественный дискурс изображает способ познания и переживания мира человеком определенного общества и поэтому отражает универсалии культуры определенного исторического периода, которые можно установить и описать с помощью диахронического анализа.

В художественном диалоге, частью которого выступают ОВ, отображается непосредственная речевая коммуникация адресанта и адресата в совокупности с их личностными мотивами, установками, ценностными стереотипа и убеждениями. Гендерный параметр коммуникантов является

фактором социальной детерминации индивида и заметно влияет на восприятие им ценностной картины мира и, как следствие, на ее объективацию в речевом поведении. Считаем, что гендер, являясь компонентом коллективного и индивидуального сознания, проявляется в существовании определенных стереотипов поведения в процессе коммуникации, которые фиксируются на всех уровнях языка, а также тесно связана с формами выражения оценки.

Поэтому диахронический подход к исследованию оценки в художественном дискурсе позволяет не только проследить эволюцию языковых средств реализующих эту категорию, но и установить изменения в ценностной картине мира представителей общества XIX–XX веков, за счет анализа ценностных стереотипов и правил коммуникативного поведения.

Степень разработанности проблемы. В условиях постоянно меняющихся ценностных ориентиров в современном поликультурном социуме языковая категория оценки в силу своего универсального характера обладает стабильностью и несомненно богатым потенциалом для изучения.

Изначально проблема соотношения ценностей и оценок была неотъемлемой составляющей большинства трудов по философии (Л. В. Баяевой [17], О. Г. Дробницкого [88], Ч. В. Морриса [358], Г. Г. фон Райта [371], М. Хайдеггера [306] и др.) и логики (А. А. Ивина [99]).

Анализ теоретических источников свидетельствует о том, что в лингвистике представлены разные аспекты изучения оценки, существуют различные подходы к пониманию оценки, к определению объема данной категории, к проблеме типологий оценочных значений.

Многогранность и сложность разрабатываемого вопроса связана с тем, что проблема оценочности пересекается с множеством других проблем теоретического и прикладного характера: с проблемой соотношения языка и речи (М. М. Бахтин [23; 24], М. Я. Блох [34; 35], В. В. Дементьев [84; 85]), субъективного и объективного факторов в языке (Л. М. Васильев [54], Я. А. Волкова [61]), с вопросами типологии и структуры лексического

значения (Н. Н. Белова [26], С. С. Григорян [78], А. А. Зализняк [93]), с проблемами экспрессивности (Т. О. Биценко [33], Я. В. Гнездилова [73], В. Н. Гридин [79]), эмоциональности (В. Г. Гак [65; 66; 67], Л. Л. Ким [115], А. А. Зайнудилов [91], О. Н. Косторнова [139]), градуальности или градации (Д. Болинджер [343], Э. Сепир [364], С. Г. Ткаченко [290]).

В большинстве работ, посвященных оценке, описываются виды оценочных значений и средства их лексического выражения (Н. Д. Арутюнова [11; 13; 14; 15], О. Л. Бессонова [29; 30; 31; 342], Е. М. Вольф [62], Н. М. Кислицина [121], А. И. Приходько [238; 239], В. Н. Телия [283; 284; 285] и др.), различные аспекты оценочных высказываний (М. Я. Блох [34; 35; 36], К. А. Ключко [123], Л. И. Ключко [122], С. Н. Колесник [128], О. Г. Колесник [129], Г. Г. Кошель [140], Т. А. Крисанова [149], Г. Н. Кузенко [155], Н. В. Пазыч [225], З. К. Темиргазина [286], Ю. А. Фомина [301] и др.), особенности речевых актов оценки (В. М. Богусловский [40], А. Вежбицкая [55; 56], Е. М. Вольф [62], А. Н. Кожина [126], В. В. Лазарев [160], Дж. Серль [260; 261; 367] и др.).

Существуют работы, обобщающие роль оценки в построении дискурса (О. Г. Колесник [128], С. Конрад [348], Дж. Ченнел [347], Г. Томпсон [369] и др.), а также исследования, в фокусе которых рассматриваются особенности категории оценки, функционирующей в медиа дискурсе (М. Беднарек [341], К. В. Кокина [127] и др.), в публичном дискурсе (Л. Ю. Шипицина [327] и др.), в рекламном дискурсе (Л. А. Кочетова [143], А. А. Вара [53], А. А. Горячев [76], Л. М. Киричук [118] и др.), в художественном дискурсе (Я. А. Волкова [61]; Я. В. Бойко [42], Н. Н. Панченко [61] и др.), в мультимодальной речи (С. Ханстон [352; 353]), а также прагматические особенности оценки в разных коммуникативно-дискурсивных контекстах (Н. Н. Болдырев [43; 44], Дж. Мартин [357]).

Прагматические особенности ОВ рассматривались в работах: С. Г. Агаповой [2], Э. С. Азнауровой, [3], И. В. Бессоновой [28], Е. В. Бобыревой [37], Т. В. Булыгиной [51], В. В. Дементьева [84; 85],

Т. В. Дубровской [89], О. А. Евтушенко [90], Г. Н. Кенжебалиной [113], Е. В. Конопелько [135], Т. А. Космеды [137; 138] и др. Особенности ОВ широко исследуются на материале английского (И. В. Буяр [52], Е. Д. Гаврилова [63; 64], С. В. Гладько [72], Я. В. Гнездилова [73], Н. В. Гончарова [74], С. С. Григорян [78], Г. Ф. Иванова [97], Л. И. Ключко [122], Г. М. Кузенко [155] и др.), немецкого (Н. В. Вышивана [60], Е. Ю. Джандалиева [86], С. Н. Колесник [128], Л. Ю. Шипицина [327] и др.) языков. В ряде исследований изучается диахронический аспект ОВ (Э. Н. Акимова [4], Т. О. Биценко [33], Н. Г. Вара [53], Е. Ю. Ильинова [100], Л. А. Кочетова [143], Н. Н. Кошкарева [142], А. И. Москаленская [181] и др.).

Различные подходы к изучению понятия «дискурс» и «текст» представлены в работах таких известных лингвистов, как Н. Д. Арутюнова [10; 12; 13], Ф. С. Бацевич [25], И. А. Бехта [32], В. В. Богданов [39], Я. А. Бондаренко [45], А. В. Бондарко [46], В. Г. Бороботько [49; 50], В. С. Григорьева [77], Л. И. Гришаева [80], Т. ван Дейк [83], О. Л. Каменская [104], И. Т. Касавин [112], А. А. Кибрик [114], И. Т. Красавин [145], Е. С. Кубрякова [153], М. Л. Макаров [168], В. А. Маслова [172], Г. Г. Почепцов [237], Е. А. Селиванова [251], Г. Г. Слышкин [266], Н. И. Формановская [302], Л. А. Штакина [329] и др. В фокусе современных лингвистических исследований находится также изучение речевого поведения коммуникантов в различных типах дискурса (Н. Ф. Алефиренко [5; 6], А. Н. Баранов [21], Я. А. Бондаренко [45], Л. О. Гуслистая [82], И. А. Зимняя [94], О. С. Иссерс [102], С. И. Канонич [105], О. И. Криницкая [148], В. И. Лагутин [159] и др.). Гендерный аспект речевого поведения неоднократно был объектом исследования таких ученых, как М. Л. Авакова [1], Г. В. Барышникова [22], Н. Д. Борисенко [48], Е. Ю. Гёте [70], Е. А. Горошко [75], О. Л. Козачишина [124], А. В. Кирилина [116; 117] и др.

Несмотря на то, что особенности ОВ и специфика их функционирования в разных типах дискурса уже в значительной степени изучены и описаны, на современном этапе развития германистики отмечается лишь небольшое

количество работ, в которых проводится исследование ОВ в художественном дискурсе разных периодов (Е. Г. Никулина [193] – изучение эмоционально-оценочной лексики, Ю. С. Старостина [273; 274] – изучение негативной оценки). Вместе с тем отсутствуют многоаспектные исследования всего комплекса ОВ, выполненные на материале англоязычного художественного дискурса разных периодов.

Несмотря на то, что специфика функционирования ОВ в разных типах дискурса является достаточно изученной, на современном этапе развития германистики отсутствуют работы, в которых бы изучалась категория оценки с применением комплексного подхода.

Актуальность работы обусловлена комплексным подходом к изучению особенностей оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков, который раскрывает роль ОВ в реконструкции фрагментов англоязычной ценностной картины мира исследуемых периодов, репрезентируемой через призму речевой деятельности персонажей.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР № 20–1 вв/74 «Языковые структуры и значения в аспекте типологической, социальной и политической лингвистики» (номер государственной регистрации 0120D000009).

В качестве **объекта исследования** выступают ОВ в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. **Предметом исследования** являются особенности структуры, семантики и прагматики ОВ в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX с учетом гендерных характеристик коммуникантов.

Целью исследования является установление и комплексное описание эволюции, структурных, семантических и коммуникативно-прагматических особенностей оценочных высказываний в англоязычном художественном

дискурсе XIX–XX веков через призму гендерных различий коммуникантов. Реализация этой цели предусматривает решение следующих теоретических и исследовательских задач:

- очертить теоретическую базу и терминологический аппарат исследования ОВ в художественном дискурсе;
- определить критерии отбора ОВ из художественных тестов XIX–XX веков и сформировать корпус языкового материала исследования;
- осуществить тематическую классификацию ОВ;
- установить семантические типы ОВ, а также типы ОВ по характеру оценки, определить их продуктивность в исследуемых периодах;
- выявить структурные типы предложений, в которых реализуется оценка и определить их коммуникативную продуктивность в художественном дискурсе анализируемых периодов;
- определить типы субъекта (СО) и объекта оценки (ОО) в ОВ, установить компоненты структуры оценочного предиката (ОП), выявить частотность употребления различных средств выражения оценки в структуре ОП;
- разработать классификацию РА оценки с точки зрения прагматической цели говорящего и коммуникативной ситуации, описать их специфику в художественном дискурсе исследуемых периодов с учетом гендерных и статусных параметров.

Материал исследования составили 6113 ОВ со следующей структурой ОП: глагол-связка (*to be, to seem to look*) в сочетании с оценочным словом (прилагательным, существительным) или словосочетанием, содержащим слово с оценочной семой. Эмпирический материал исследования был получен путем сплошной выборки из монологической или диалогической речи персонажей англоязычных художественных текстов XIX–XX веков общим объемом 7200 страниц (3600 страниц в каждом периоде). Количество контекстов с ОВ в художественном дискурсе XIX века составляет 3978, а в художественном дискурсе XX века – 2135.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования используются следующие **методы и приемы анализа**: *описательный метод*, позволивший дать развернутое и детальное описание структурных, семантических и коммуникативно-прагматических особенностей ОВ в художественном дискурсе XIX–XX веков; *метод контекстуального анализа* использовался для осуществления тематической классификации ОВ, а также комплексного исследования средств выражения оценки в художественном дискурсе двух периодов; *сопоставительный метод* применялся для выявления общих и отличительных черт в структуре и семантике ОВ исследуемых периодов; при помощи *лингвокультурологического анализа* удалось выявить взаимосвязь структурных, семантических и коммуникативно-прагматических особенностей ОВ с ценностными реалиями и принципами общения в обществе указанных периодов; *метод гендерного анализа* использовался для установления и описания особенностей продуцирования и восприятия ОВ персонажами различных полов в художественном дискурсе; с помощью *метода непосредственных составляющих* были определены компоненты структуры ОВ; *прием количественного анализа* корпуса языкового материала помог установить основные тенденции эволюции категории оценки в художественном дискурсе XIX–XX веков.

Научная новизна работы заключается в том, в ней впервые осуществлено комплексное исследование структурных, семантических и коммуникативно-прагматических особенностей ОВ в художественном дискурсе XIX–XX веков. На основе разработанных критериев отбора сформирован корпус эмпирического материала, установлены ценностно-ориентированные объекты оценки в лингвокультурном сообществе двух исследуемых периодов, осуществлена тематическая классификация ОВ. Определена частотность семантических типов ОВ, установлены типы ОВ по характеру оценки в художественном дискурсе анализируемых периодов. Описана и сопоставлена в двух периодах коммуникативная продуктивность

структурных типов предложений, в которых реализуется оценка. Разработана типология субъектов и объектов оценки, установлены компоненты структуры ОП, выявлена частотность употребления различных средств выражения оценки в структуре ОП. Установлены средства, позволяющие скорректировать иллокутивную силу оценочного РА в художественном дискурсе исследуемых периодов. Описаны адресантно-адресатные конфигурации оценочных отношений в художественном дискурсе XIX–XX веков с учетом гендерных и статусных параметров коммуникантов.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном подходе к изучению ОВ в художественном дискурсе разных исторических периодов, интегрирующем диахронический ракурс исследования с идеями современной функциональной и гендерной лингвистики, лингвокультурологии, что является вкладом в теорию исторической гендерологии, функциональной лингвистики и межкультурной коммуникации. Уточненная и расширенная классификация РА оценки, предложенная в работе, является теоретическим вкладом в лингвопрагматику. Предложенная методика диахронического анализа представляет теоретическую и практическую ценность для исследования ОВ по широкому спектру параметров: структурных, семантических и прагматических. Теоретические обобщения, наблюдения и выводы, сформулированные в результате исследования, расширяют методологическую базу теории оценки и являются вкладом в дискуртологию и прагмалингвистику.

Практическая значимость полученных результатов заключается в их внедрении в учебные программы по подготовке бакалавров по направлениям 45.03.01 Филология (Профиль: Зарубежная филология (англ.)) и 45.03.02 Лингвистика (Теория и методика преподавания иностранных языков и культур (англ. язык)) на кафедре английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Материалы исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, стилистики английского языка,

теории межкультурной коммуникации, в спецкурсах по гендерной лингвистике, исторической гендерологии, лингвокультурологии, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. ОВ в англоязычном художественном дискурсе являются способом категоризации и аксиологической квалификации окружающей действительности. Обладая набором необходимых семантических признаков, ОВ является результатом интерпретации не только субъективного отношения к оцениваемому объекту, но и стереотипных оценочных представлений, характерных для англоязычного лингвокультурного сообщества.

2. ОВ вербализуют две тематические сферы: «Человек» и «Окружающий мир». Тематическая сфера «Человек» характеризуется высокой номинативной плотностью ОВ в англоязычном художественном дискурсе обоих анализируемых периодов. Это свидетельствует о том, что в фокусе оценочной деятельности чаще находится индивид и его характеристики. В англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков наибольшую коммуникативную значимость имеют ОВ группы «характер» и «внешность». Среди групп тематической сферы «Окружающий мир» в художественном дискурсе XIX века доминируют ОВ со значением «строение/место» и «погода». В англоязычном художественном дискурсе XX века преобладают тематические группы «событие» и «ситуация», что объясняется высокой вовлеченностью индивида в общественную жизнь.

3. Для англоязычного художественного дискурса XIX–XX веков характерно нарастание общей тенденции к превалированию эмоционально-оценочных высказываний над рационально-оценочными (в XIX веке – 50%, а в XX веке – 65%). Эмоциональные высказывания в XX веке отличаются большей экспрессивностью и категоричностью. Соотношение семантических типов ОВ в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков отражает различия в восприятии окружающей действительности представителей лингвокультурного сообщества, обусловленные изменениями в социокультурной, политической и

экономической обстановке в обществе. Для художественного дискурса XIX века характерно незначительное превалирование положительно-оценочных высказываний, в то время как в XX веке наблюдается явное преобладание негативно-оценочных высказываний.

4. В англоязычном художественном дискурсе отмечена тенденция к упрощению структуры ОВ. В художественном дискурсе XIX века оценочное отношение часто репрезентируется посредством ОВ, входящими в состав сложноподчиненного предложения. В художественном дискурсе XX века значительно преобладают ОВ со структурой простого предложения, что указывает на стремление коммуникантов к краткости, однозначности и транспарентности высказывания. ОВ с полной структурой (наличие глагола-связки и именной части) более частотны в англоязычном художественном дискурсе XIX века (92,5%), в то время как в XX веке отмечена тенденция к увеличению частотности ОВ с усечённой структурой (25%).

5. Оценочное отношение в структуре ОП может быть выражено морфолого-семантическими средствами и комбинированными средствами в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. Морфолого-семантические средства в художественном дискурсе XIX века незначительно превосходят (57%) комбинированные средства (43%). В англоязычном художественном дискурсе XX века наблюдается тенденция к увеличению номинативной плотности ОВ с морфолого-семантическими средствами выражения оценки. Для XIX века характерно использование аппроксиматоров и деинтенсификаторов для смягчения оценки. Напротив, в XX веке чаще используются интенсификаторы, иногда нелитературные и вульгарные, что обусловлено коммуникативными предпочтениями и намерениями лингвокультурного сообщества.

6. В художественном дискурсе двух исследуемых периодов преобладает индивидуальный СО, что свидетельствует о стремлении субъекта речи ориентироваться на собственные ценности и предпочтения при осуществлении оценочной деятельности. Совпадение СО с субъектом речи

подтверждает важность вовлечения СО в коммуникативную ситуацию. Как «предметный», так и «непредметный» ОО всегда эксплицируется либо отдельным словом в структуре ОВ (определенный), либо указанием на объект в контексте ОВ (дистантный).

7. В англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков РА с прямой оценкой превалируют над РА с сопутствующей оценкой, что обусловлено стремлением коммуникантов не только выразить свое оценочное отношение, но и осуществить определенное воздействие. РА похвалы и одобрения характеризуются высокой коммуникативной значимостью в художественном дискурсе XIX–XX веков. Для художественно дискурса XX века свойственно употребление РА оскорбления и укора, что говорит об ослаблении строгих норм и ограничений, свойственных канонам общения XIX века. Для англоязычного художественного дискурса XX века, в отличие от XIX века, свойственными являются открытость и прямолинейность в выражении оценки, о чем свидетельствует высокая частотность РА с прямым адресатом оценки.

8. Экспликация оценочного смысла соотносится с гендерным, социальным и психологическим аспектом личности адресанта и адресата ОВ, а структура и семантика ОВ обусловлена коммуникативной сферой, к которой относится коммуникативная ситуация, и социальной ролью коммуниканта. Отличия в структуре и семантике ОВ разных исторических периодов, а также корреляция прагматических особенностей ОВ с параметром гендера и социального статуса персонажей обусловлены особенностями коммуникативного поведения и ценностными реалиями картины мира лингвокультурного сообщества.

Достоверность результатов работы обеспечивается индуктивным методом ведения исследования: от конкретных языковых фактов к установлению системных отношений между ними и обобщению теоретических положений и выводов. Большой объем эмпирического материала в сочетании с комплексом адекватных методов его исследования

обуславливает четкое выполнение поставленных задач и получение корректных результатов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в выступлениях на двух Международных научных школах (XII Летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (г. Одесса, Украина, 2013 г.), XIII Зимней научной школе (г. Витебск, Беларусь, 2014 г.)), в докладах на Международной конференции XVII TESOL – Ukraine «English in Globalized World» (Каменец-Подольский, 2012 г.), на XIII Международной конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (г. Витебск, 2014 г.), на Международной научной конференции с распределенным участием «Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI ст.», посвященной 80-летию юбилею, В. В. Колесова (г. Донецк, 2014 г.), на Украинско-российской школе-конференции молодых ученых (г. Донецк, 2014 г.), на Международной научной конференции с распределенным участием «Мир. Человек. Язык», (Донецк – Санкт-Петербург – Кемерово – Павлодар – Грозный – Волгоград – Уральск, 2015 г.), на Международном лингвистическом семинаре «Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках» (г. Донецк, 2015 г.), на XVII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц» (г. Ростов-на-Дону, 2019 г.), на XVIII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц» (г. Краснодар – Донецк – Пятигорск), на I Международной научно-практической заочной интернет конференции «Актуальные вопросы теории и практики языковедческих исследований» (г. Краснодар, 2015 г.), на межвузовских конференциях «Современные проблемы и перспективы исследования романских и германских языков и литератур» (г. Донецк 2010, 2012, 2013, 2015, 2017), на научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Донецкого

национального университета по итогам научно-исследовательской работы 2009-2010 гг. и 2011-2012 гг. (г. Донецк, 2011, 2013), на научных семинарах кафедры английской филологии Донецкого национального университета (г. Донецк, 2014, 2015, 2019, 2020, 2021).

Основные положения диссертации изложены в 20 публикациях: 13 статьях в рецензируемых научных изданиях, среди которых 4 статьи в специализированных научных изданиях ВАК ДНР, 1 статья в специализированном научном издании ВАК РФ, 4 статьи в специализированных научных изданиях ВАК Украины; 4 статьи в зарубежных изданиях, а также 7 публикаций в сборниках материалов научных конференций разных уровней.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка использованной литературы (371), списка лексикографических источников (6) и списка источников текстового материала исследования (18). Общий объем работы составляет 219 страниц. Основной текст диссертационного исследования включает 172 страницы.

Во **введении** определена степень разработанности изучаемой проблемы, обоснована актуальность исследования, сформулированы его цель, задачи и положения, выносимые на защиту, определены объект, предмет исследования, дана характеристика языкового материала и методологической базы, сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Представлены данные об апробации результатов исследования, описана структура работы.

Первая глава диссертации «Теоретические основы диахронического исследования категории оценки» включает базовые теоретические положения исследования, в главе определяется связь оценки с другими категориями, описаны различные подходы к рассмотрению оценки, раскрываются суть основных понятий, составившие терминологический аппарат работы, уточняется определение оценочного высказывания и его

соотношение с речевым актом оценки, обосновывается диахронический подход к изучению оценки в дискурсе, также очерчиваются гендерные особенности коммуникации персонажей в художественном дискурсе. В данной главе также сформулированы критерии отбора языкового материала и описана методика его анализа.

Во **второй главе** «Структурно-семантические особенности оценочного высказывания в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков» описывается тематика оценочных высказываний, приводятся классификации оценочных высказываний по характеру оценки и по семантическому типу оценочного значения в высказывании, исследуются структура оценочного высказывания и определяются синтаксические модели оценочного предиката, дается классификация субъекта и объекта оценки, а также описываются средства их реализации в художественном дискурсе

В **третьей главе** «Коммуникативно-прагматические особенности оценочного высказывания в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков» представлены типы речевых актов оценки в речи персонажей художественных текстов XIX–XX веков и описаны их особенности. Установлены модификации соотношения адресата и объекта оценки, а также очерчены конфигурации адресантно-адресатных отношения в гендерном аспекте.

Заключение содержит основные результаты проведенного исследования, а также определение дальнейших перспектив работы.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

Глава 1 включает трактовку основных понятий, составивших терминологический аппарата исследования, в ней определяется связь оценки с другими категориями, описываются различные подходы к рассмотрению оценки, дискурса и текста, уточняется определение оценочного высказывания и его соотношение с речевым актом оценки, обосновывается диахронический подход к изучению оценки в дискурсе, а также очерчиваются гендерные особенности коммуникации персонажей в художественном дискурсе. В данной главе также сформулированы критерии отбора языкового материала и описана методика его анализа.

1.1 Основные положения теории оценки

Обзор научных работ по проблеме свидетельствует о том, что категория оценки, будучи сложным и многогранным явлением, обладает богатым потенциалом для изучения. Так, на раннем этапе оценка определяется как аксиологическая категория и интерпретируется в соотношении с понятием ценности в работах по философии (Л. В. Баева [18], О. Г. Дробницкий [88], Ч. В. Моррис [358], Г. Г. фон Райт [371], М. Хайдеггер [306]) и логики (А. А. Ивин [99]). Антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределила изучение языка в качестве зеркала базовой системы ценностей лингвокультурного сообщества и важнейшего источника информации о ней. Поэтому языковая оценка рассматривается в работе как антропоцентрическая категория, отражающая интересы представителей лингвокультурного сообщества и не существующая в отрыве от них.

1.1.1 Оценка как категория аксиологии и лингвистики

Оценка является универсальной категорией, так как она присуща всем языкам на разных этапах их развития. Подтверждением этого тезиса является

мнение Г. В. Кошанского о том, что «оценка находится везде, где происходит любое столкновение субъекта познания с объективным миром» [132, с. 141].

Категория оценка относится к универсальным философским категориям, которая долгое время изучалась с позиций формальной аксиологии, в рамках которой она трактовалась как «положительное или отрицательное свойство предмета с признанием или непризнанием его ценности» [258] и предполагала анализ аксиологических модальностей, основанных на понимании понятий «добра» и «зла».

В фокусе философского направления аксиологии находится проблема природы ценностей, их место в реальности. В философском словаре предложено следующее толкование понятия «ценность»: «социально-специфические определения объектов мира окружающей действительности, выявляющие их положительные и отрицательные значения для человека и общества (добро и зло, прекрасное и безобразное, благо, заключенные в явлениях природы и общественной жизни)» [376, с. 534].

В настоящем исследовании ценность определяется вслед за О. Л. Бессоновой, как «положительная или отрицательная ценностная значимость объектов окружающей действительности для человека, класса, группы, общества и в целом, обусловлена не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных взаимоотношений» [241]. Ценности объективируют интересы субъекта, и в его сознания функционируют как повседневные ориентиры в социальной и предметной действительности, в обозначениях практического отношения субъекта к окружающим явлениям и предметам [248, с. 47]. Кроме материальных ценностей существуют духовные и моральные ценности, которые являются неотъемлемой частью языковой картины мира.

Новейший философский словарь предлагает такое толкование оценки: «способ установления значимости чего-либо для действующего субъекта» [373]. В данной дефиниции подчеркивается обусловленность оценки уровнем

культуры, социальной позицией, интеллектуальным и нравственным развитием человека, который оценивает. Очевидно, что в процессе оценочной деятельности субъект не просто описывает предметы и явления окружающего мира, а оценивает их (одобряет или осуждает), опираясь на принятые в данном социуме представления о нормативном характере положения дел, так как любые отношения в обществе регулируются системой норм, а также на свой личный опыт.

Необходимо отметить, что связь лингвоаксиологической категории оценки и философской категории ценности проявляется непосредственно в рассмотрении оценки как явления социально закрепленного. Так, по мнению Н. С. Ильющенко, в человеческом коллективе оценка обусловлена общепринятыми эталонами в интеллектуальной, социальной и моральной сферах, а также социально-сложившимися нормами и представлениями о хорошем и дурном [101, с. 74].

В логике оценка толкуется как суждение про ценности [99]. Оценить значит высказать мнение, суждение о ценности или значении кого-то/чего-то. Исходя из этого определения, оценка – это аксиологическая понятийная категория, связанная с оценочной деятельностью человека. В процессе познания окружающего мира человек постигает объекты и явления материального и духовного мира, осознает их ценность, и относит признаки, присущие объекту, к категории позитивных или негативных качеств [126]. Как отмечает В. В. Виноградов, «способы умственного отражения предметного мира определяются не только свойствами самих предметов, но и материальными условиями жизни людей, их деятельностью, направленностью их практических интересов, уровнем их развития» [57, с. 312].

Также нет единогласного мнения среди исследователей по поводу соотношения в структуре оценки объективного компонента (дескриптивного, связанного с референцией), который ориентирован на свойства объекта оценки, и субъективного (связанного с прагматической интенцией говорящего), отображающего отношение субъекта к объекту оценки [241].

Для данного исследования важной является концепция Н. Д. Арутюновой, согласно которой субъективный и объективный факторы взаимодействуют в оценке и затрагивают как объект, так и субъект оценки [12]. Так, субъект выражает оценочное отношение основываясь не только на собственных чувствах, эмоциях и мыслях, но и на социальных стереотипах. Объект может оцениваться как в полной совокупности его объективных материальных качеств, так и в аспекте тех качеств, которые более интересны субъекту оценки в момент общения.

Оценочное значение всегда противопоставляется дескриптивному, фиксирующему черты объективного мира. Многие лингвисты (Н. Д. Арутюнова [14], Е. М. Вольф [62], А. Н. Кожина [126], Т. А. Космеда [137; 138], З. К. Темиргазина [286] и др.) утверждают, что оценочное значение определяется реальными характеристиками предмета в той мере, в которой оно мотивируется ними. Оценочное значение – это информация, отражающая ценностное отношение субъекта речи к свойствам определенного объекта окружающего мира, выделенным относительно того или иного аспекта [283, с. 54].

Результаты изучения оценки в философии и логике являются основой для изучения языковой категории оценки, а именно, определения её онтологической сущности, установления средств выражения и описания специфики их функционирования.

1.1.2 Определение оценки как лингвистической категории

На наш взгляд, определение категории оценки требует уточнения, так как многие лингвисты предлагают свои дефиниции, фокусируясь на разных сторонах феномена оценки.

Большинство лингвистов предлагают рассматривать категорию оценку сквозь призму логико-философского понятия ценности, т.к. именно система ценностей предопределяет смысл жизни человека в мире. Так, С. Н. Попова и Е. Н. Синкевич предлагают наиболее общее определение оценки в ракурсе аксиологического подхода, в котором данная категория трактуется как

осознание ценности [274, с. 8]. Р. М. Якушина, в свою очередь, дает более содержательное определение категории оценки. По мнению исследовательницы, оценка выражает отношение представителей лингвокультурного сообщества к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности, с точки зрения соответствия или несоответствия его свойств определенным ценностным критериям» [334, с. 6].

Обращаясь к анализу когнитивной природы языковой оценки, необходимо подчеркнуть, что именно при помощи оценок человек познает окружающий его мир. В рамках этого подхода Г. В. Колшанский трактует оценку как мыслительную операцию, произведенную субъектом над предметом высказывания [131, с. 28]. Иными словами, оценка предопределяет процесс познания, активизирует познавательную деятельность и направляет ее в то русло, которое соотносится с желаниями и интересами субъекта. Существование у субъекта специфических потребностей и наличие заинтересованности в них считаются неотъемлемыми условиями когнитивного процесса, подразумевающего отражение мира окружающей действительности. По мнению Ю. С. Старостиной, познание объективного мира становится бессмысленным и даже невозможным, если у человека отсутствуют какие-либо интересы или потребности [273].

Согласно мнению В. М. Богуславского, категория оценки реализуется в языке как познавательная деятельность особого вида. В основе такой деятельности находятся знания и факты, принадлежащие научной и наивной картинам мира, поэтому оценка строится на осмыслении этноспецифического познавательного опыта определенного народа в исследуемый исторический период [40]. Иными словами, определяя степень релевантности или нерелевантности предметов, явлений, фактов окружающей действительности, человек выстраивает свои взаимоотношения с окружающим миром, соотнося его природу со своими предпочтениями и

интересами, самоидентифицирует себя в своей собственной картине мира, а также конкретизирует место других людей в ней.

Большинство лингвистов, формулируя определение категории оценки, признают ее неразрывную связь с прагматической функцией языка. Так, М. Н. Кожина под оценкой понимает «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [374]. Е. В. Шевченко и Н. Е. Кузнецов в своем толковании оценки признают ее прагматическую сущность. Оценка, по мнению ученых, является процессом и результатом определения степени значимости объекта субъектом с учетом способности последнего удовлетворять его интересы или потребности, т. е. оценивание приравнивается к определению прагматической значимости объекта [158, с. 71].

А. А. Кирюшкина утверждает, что главной коммуникативной функцией оценки выступает не сообщение объективной информации, а трансляция оценочного отношения говорящего с целью вызвать эмоциональную реакцию и даже ответные действия адресата [120, с. 111]. А. П. Загнитко также говорит, что оценка – это непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые или мнимые действия, признаки реальных объектов, а также объектов внутреннего и внешнего мира говорящего [91, с. 101].

В основу нашей работы положено понимание оценки, сформулированное А. В. Куниным. В его понимании категория оценки подразумевает субъективно-объективное или объективно-субъективное отношение человека к объекту, представленное эксплицитно или имплицитно языковыми средствами [157]. Стоит отметить, что в фокусе данной дефиниции находится взаимосвязь субъективного и объективного факторов оценки. Субъективный компонент оценочного суждения отражает отрицательное или положительное отношение субъекта к ОО, в то время как

объективный компонент подразумевает те специфические свойства предмета или явления, которые мотивируют оценку.

1.1.3 Подходы к рассмотрению оценки

В лингвистике существует большое количество эмпирических данных и определены различные подходы к исследованию оценочной семантики. основополагающие научные труды в этой области принадлежат Н. Д. Арутюновой [14] и Е. М. Вольф [62]. Е. М. Вольф в своем научном труде «Функциональная семантика оценки» рассматривает данную категорию как один из видов модальности, в то время как Н. Д. Арутюнова трактует оценку как логическую категорию, используя методы коммуникативного и логического анализа. Многоаспектность семантики оценки предопределила наличие большого разнообразия исследовательских подходов для изучения оценочного значения.

Интерес для данной работы представляют следующие исследовательские подходы к изучению специфики оценки: логико-философский (Дж. Мур [182], Л. А. Сергеева [258], Р. Хэр [311]); семантический или денотативный (Н. Д. Арутюнова [11; 13; 14]); коммуникативный, называемый также прагматическим, или иллокутивным (Р. Хэр [311], Ч. Стивенсон [277]); функционально-семантический (Е. М. Вольф [62], Т. В. Маркелова [171]); функционально-прагматический (В. Н. Телия [285], В. Г. Гак [65; 66]); когнитивный (Т. В. Писанова [226]) и др.

Объектом логико-философского подхода к исследованию оценки является связь и корреляция языковых и аксиологических структур, которая проявляется в процессе анализа их языковых употреблений. Основы методики логико-философского подхода к изучению оценки была разработана английским лингвистом Дж. Муром [182]. В его концепции, которая является разновидностью интуитивизма, «хорошее» интерпретируется как понятие целостное, неделимое на другие составляющие. Т. е. для ОП характерно фокусирование на одном естественном свойстве предмета [182].

Теория Дж. Мура была расширена в дальнейшем Р. Хэаром [311]. Основным тезисом концепции Р. Хэара считается разведение оценочного и дескриптивного значений, на том основании, что оценка не тождественна естественным свойствам оцениваемого предмета или явления. По мнению лингвиста, индивидуальные характеристика объекта лишь мотивируют оценку, и поэтому сводятся к основанию оценки или ее критериям, и следовательно, не могут входить в состав семантического значения оценочного прилагательного [311].

Денотативный подход также был достаточно долгое время востребованным в лингвистике. В ракурсе семантических теорий оценки исследуется предметное значение оценочных прилагательных, а также разрабатываются проблемы, связанные с различными аспектами поведения человека. Кроме этого, денотативный подход инициировал анализ таких концептов, как «добро», «зло», «долг» / «обязанность», «желание», «удовольствие», «воля», «действие» и т. д.

Н. Д. Арутюнова, являясь одним из самых ярких представителей этого подхода, описывает категорию оценки с помощью логического анализа. Исследовательница характеризует оценочное значение как нормативное и полагает, что оно усложнено за счет телеологических свойств. Поэтому «хорошее» всегда соответствует модели идеализированного микро или макромира и интерпретируется в качестве основополагающей цели жизнедеятельности человека. «Плохое», напротив, не соответствует описанной выше модели по одному из параметров [12, с. 59].

В свете прагматического (коммуникативного или иллокутивного) подхода, который сменил денотативный в лингвистике, интерпретация оценочных смыслов стала производиться через коммуникативные цели анализируемых РА. Основной задачей данного подхода было определение корреляции употребления оценочных предикатов с коммуникативными целями речевых актов. Представители данного направления полагали, что

оценочное значение обусловлено коммуникативным предназначением речи, т. е. устанавливается от текста к слову.

Представители коммуникативного подхода также задавались вопросом разграничения оценочного и дескриптивного значения слова, что привело к полемике, которая разделила лингвистов на два лагеря: Ч. Стивенсона, Р. Хэара, с одной стороны, и Дж. Серля, с другой стороны. Дж. Серль считал, что дескриптивное и оценочное значение можно дифференцировать по иллюкутивной силе анализируемых высказываний [367, с. 183]. Однако, Р. Хэар и Ч. Стивенсон полагали, что оценочное значение предикатов обусловлено не только коммуникативной целью высказывания, но и эмоциональной сферой говорящего.

Ч. Стивенсон отмечал, что основной функцией ценностных суждений является не сообщение о фактах, а воздействие на адресата, определенное влияние на него [368, с. 16]. В свою очередь, П. Ноуэлл-Смит подчеркивает, что слова с оценочным значением могут выражать вкусы и предпочтения, обосновывать решения и выбор субъекта. По мнению ученого, оценочные суждения могут выступать частью коммуникативной ситуации похвалы или порицания, совета, выговора или предупреждения [361].

Следует отметить, что взаимосвязь значения ОП с коммуникативной интенцией говорящего и его эмоциональным состоянием объясняет выбор прагматического подхода к исследованию оценочных значений в речи. В современном языкознании появилось много интересных работ, посвященных прагматике оценки (Б. И. Банару [19], В. И. Карасик [107], И. Н. Пьянзина [242] и др.).

Сторонники функционально-семантического направления лингвистики (Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова и др.) изучают категорию оценки с позиций функциональной семантики и предметом исследования считают разноуровневые языковые средства, характеризующиеся оценочной семантикой. В рамках данного подхода, оценка считается особым видом аксиологической модальности, которая накладывается на дескриптивное

содержание предложения, поэтому лингвисты предпринимают попытки установить и описать связь оценочного значения с позицией говорящего. Так, например, Е. М. Вольф подчеркивает, что оценка в контексте ее функционирования характеризуется неразрывной связью семантической и прагматической составляющих. Семантика оценки, при этом, соотносится с конкретным значением языковых единиц или высказывания в целом, а прагматический аспект оценки подразумевает условия, в которых реализуется оценка, т.е. особенности коммуникативной ситуации [62, с. 203].

Главной целью изучения категории оценки в рамках функционально-прагматического подхода является выявление и описание особенностей функционирования оценочной лексики в речи. Внутри данного направления лингвистики разрабатывается проблема соотношения коннотации и оценки в разных семантических структурах. Так, например, такие исследователи, как В. Г. Гак [65; 66], В. Н. Телия [285], В. И. Шаховский [322; 321] утверждают, что между оценкой и коннотативным аспектом лексического значения слова существует неделимая связь.

В. Н. Телия предлагает термин «оценочная коннотация», который определяется как компонент значения слова, устанавливающий ценность объекта, связанный с чувствами. По мнению ученой, это становится возможным, так как коннотация представляет собой категорию субъективной модальности, связанную с говорящим, что наделяет ее прагматическим значением. К тому же, социально-речевой характер коннотации, а также эмоционально-оценочное или рационально-оценочное свойство коннотации придают ей особый смысл, который традиционно называется экспрессивной или оценочной функцией языковой единицы [285].

По мнению Л. А. Новикова, функции оценочных значений соотносятся с областью прагматики, что выражает сущность категории оценки, ее конструктивное начало. Поскольку содержание знака включает в себя такие имманентные характеристики, как семантическая, структурная и прагматическая, то можно предположить, что оценка также будет частью

содержания знака. Таким образом, «прагматический аспект значения является в лексической семантике специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц; оценочным, эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [194, с. 459]. Поэтому Ю. Д. Апресян [7] и другие лингвисты предпринимают попытки лексикографического описания оценочных коннотативных компонентов.

Оценка также можно рассматривать через призму познавательной деятельности человека, как ее интеллектуально-логическое зерно. Сторонники такого лингвистического подхода убеждены в том, что в любом высказывании просматривается оценка, так как ее главной характеристикой является рациональность. Так, Г. В. Колшанский, например, полагает, что познавательный акт по своей природе включает в себя «оценочный момент», а оценка присутствует в любой ситуации, в которой познающий субъект соприкасается с объективным миром [132, с. 121].

Такие представители интеллектуально-логического подхода, как Г. Г. Кошель и С. С. Хидекель, трактуют оценку как обязательный компонент структуры значения слова. Ученые выделяют три разновидности оценочного значения: положительное, отрицательное и нейтральное. Нейтральная (нулевая) оценка воспринимается, по мнению исследовательниц, как норма, отправная точка для считывания и интерпретации оценочных отклонений в положительную или отрицательную сторону. Что касается двух других типов оценочного значения, то их стоит рассматривать как полярные при квалификации определенного объекта. Иными словами, положительная и отрицательная типы оценки выражают соответственно одобрительное или неодобрительное отношение к свойствам оцениваемого объекта, а нулевая оценка дает оценочно-нейтральную характеристику тому, что оценивается [309, с. 11]. Поэтому сторонники интеллектуально-логического подхода к исследованию оценки называют ее «имманентной величиной» [179, с. 56].

Еще одним специфическим подходом к исследованию оценки является когнитивный подход, который предполагает изучение вопроса о том, какую роль человеческий опыт играет для полноценного функционирования языка, а также предусматривает анализ структур знаний, присущих носителям языка, и систематизацию способов обобщения и представления этих знаний [154, с. 32].

Т. В. Писанова подчеркивает важность применения когнитивного подхода для изучения аксиологического устройства языка, так как главной целью этого подхода является раскрытие и описание специфики знаний и представлений о системе ценностей, как универсальных, так и национальнокультурных. Лингвист считает, что совокупность знаний и представлений о системе общечеловеческих и этноспецифических ценностей, пропущенных сквозь призму национального сознания, способствует формированию семантической базы для оценочного значения [226, с. 22]. Лингвокогнитивная теория частных оценок, предложенная исследовательницей, включает в себя ключевые механизмы семантической дифференциации универсальных и специфических черт оценочной семантики. Иными словами, анализ когнитивного потенциала частнооценочных значений, позволяет раскрыть специфику закономерной связи между аксиологическими концептами и концептами культуры [226].

Р. М. Якушина в своем определении оценки отмечает ее динамичность, в связи с тем, что данный языковой феномен имеет тесную связь с культурой и историей определенного этноса. Согласно исследовательнице, динамические изменения свойственны как внутривидовому аспекту оценки, так и лексико-семантическим единицам с оценочной семантикой [334].

Следует отметить, что оценка может также рассматриваться как текстовая, так и дискурсивная категория. Особенностью оценки как текстовой категории является ее знаковая природа. Оценка выступает понятийной универсалией, содержащей ценностное отношение определенного этноса, которая предопределяет содержание того или иного

текста. При этом основные качества текста выражаются посредством текстовой категории оценки, так как текст составляют языковые элементы, объединенные общей семантикой оценки. В формальном отношении оценка репрезентуется в тексте совокупностью разноуровневых средств, вербализующих оценочные смыслы в их взаимодействии. В современной лингвистике существует много работ, посвященных описанию особенностей функционирования оценочных высказываний в различных типах текстов и дискурсов (С. С. Григорян [78], Н. Н. Миронова [179], Ю. А. Сальникова [248], М. Г. Тер-Григорьян [287], С. Н. Шакирова [320] и др.).

Согласно В. Г. Гаку, оценка проявляется в тексте посредством двух основных функций: прагматической и компенсационной. Прагматическая функция состоит в формировании интенции слушателя, в желании убедить или только заинтересовать, «зацепить» внимание собеседника. Вторая функция связана с компенсацией информационной недостаточности, то есть ОВ дает возможность слушателю понять позицию или реакцию говорящего, если тот не дает достаточно информации [66, с. 88].

В современной лингвистике оценка изучается в лингвокультурологическом аспекте (О. Л. Бессонова [30], А. А. Матвеева [173], А. И. Приходько [239], Е. Н. Скаженик [263] и др.), так как данная категория относится к интенциональному аспекту языка [239, с. 22]. Т. е. воссоздание концептуальной картины мира в сознании говорящего осложняется следующими факторами: эстетическими, нравственными, социальными и культурологическими.

Несмотря на большое количество лингвистических теорий, подходов и накопленных эмпирических данных относительно онтологической сущности оценки и оценочной семантики, эта категория характеризуется неиссякаемым интересом языковедов, которые вновь и вновь возвращаются к ее изучению, предлагая новые толкования природы оценки и рассматривая ее в свете новых лингвистических парадигм. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что оценка является неотъемлемой частью эмоциональной, ментальной и

духовной сфер человека, его системы ценностей, она также обуславливает процессы восприятия и познания мира; то есть обладает тесной связью практически со всеми аспектами жизнедеятельности человека.

Детальное рассмотрение общих положений теории оценки, а также различных подходов к исследованию этой категории в лингвистических студиях позволило определить базовые подходы для анализа оценочной семантики в соответствии с целью и задачами данного исследования. В основу данного исследования положены принципы функционального-семантического и коммуникативного подходов изучения оценки, так как структурные особенности ОВ определяются не только его семантическим содержанием, но и прагматической интенцией говорящего. Как подчеркивает Л. А. Новиков «прагматическое значение, входя в структуру лексического значения наряду с сигнификативным, качественно отличается от последнего, тем что выражает отношение к объекту путем выбора вполне определенного знака из группы знаков с одинаковым семантическим содержанием» [194, с. 460]. Кроме этого, для анализа и правильной интерпретации оценочных структур, функционирующих в художественном дискурсе, первостепенное значение имеет человеческий фактор, который подразумевает изучение концептуальной и ценностной картин мира коммуникантов.

1.1.4 Связь категории оценки с другими категориями

Е. М. Вольф [62], И. Л. Муханов [184], А. А. Шмелева [328] и другие исследователи указывают на тесную связь оценки с такими категориями, как оценочность (эмотивность), эмоциональность, экспрессивность и интенсивность, поэтому считаем, что изучение оценки не может быть полным без сопоставительного анализа этих лингвистических категорий. Так, И. И. Туранский уточняет, что вышеупомянутые категории сопряжены в языке и их границы расположены близко по отношению к друг другу, но также встречаются случаи взаимного наложения областей применения этих категорий [296, с. 109].

Несмотря на огромное количество работ посвященных исследованию данных функциональных категорий, среди лингвистов нет единого мнения по поводу их дефиниций.

Говоря о соотношении оценки и эмотивности стоит в первую очередь обратиться к мнению Е. М. Вольф, которая считает, что оценочность тождественна эмотивности, которую необходимо понимать вне связи с представлением об эмоциях и эмоциональности в прямом смысле. По мнению исследовательницы, эмотивность (оценочность) – это параметр субъектно-объектной взаимозависимости, который подразумевает субъективную хорошую или плохую характеристику ОО вне зависимости от реальных свойств оцениваемого объекта» [62, с. 37–39]. В сущности, эмотивность представляет собой элемент ОВ, которому свойственна субъективность. Иными словами, эмотивность содержится в любом оценочном выражении, отражая присутствие СО. Следовательно, именно эмотивность обуславливает аксиологический знак ОВ – положительный или отрицательный. Эту точку зрения разделяют такие ученые, как Н. Е. Кузнецова [157], Е. В. Шевченко [157], А. А. Шмелева [328], а также ряд других исследователей.

Напротив, в работах В. И. Шаховского [323] и В. И. Карасика [106] дается совершенно другое определение эмотивности, в котором это категория трактуется через выражение эмоций, т. е. отождествляется с эмоциональностью без непосредственной связи с категорией оценки.

Е. Н. Банин и В. А. Банин, в свою очередь, утверждают, что необходимо разграничивать понятия эмотивности и оценочности. Согласно их теории, эмотивность соотносится с эмоциональным переживанием определенного факта, события или явления субъектом. В то время как оценочность подразумевает определенное аксиологическое отношение (положительное или отрицательное) говорящего к определенному объекту, а не к сообщаемой информации.

О. Н. Касторнова также признает взаимозависимость понятий «оценка», «оценочность» и «эмотивность», но не считает их идентичными или тождественными. В ее понимании, оценка и оценочность имеют похожие функции и строятся на сравнении, однако, имеют определенные различия. Если оценка представляет собой позитивную или негативную характеристику определенного объекта, то формы проявления оценочности более разнообразны. О. Н. Касторова утверждает, что оценочность всегда является продолжением оценки, которая субъективна в той или иной степени. Также оценка неотделима от эмотивности, потому что акт оценки предполагает эмоциональный эффект. [109, с. 121–122].

Что касается соотношения понятий эмоциональности и эмотивности, то, вслед за В. И. Шаховским, считаем, что эмоциональность является психологической категорией, а эмотивность – языковой. Т. е. в процессе языкового опосредования эмоциональность как бы трансформируется в эмотивность [321, с. 13]. Как справедливо замечает Е. Н. Токарева, эмоции представлены, как будто «закодированы» в лексико-семантическом пространстве языка, а в речи происходит непосредственное выражение эмоций посредством разноуровневых единиц, присущим тому или иному языку [294, с. 41]. В. Г. Гак разделяет мнение Е. Н. Токаревой и уточняет набор языковых и речевых средств, с помощью которых выражаются эмоции. По мнению ученого, к ним относятся междометия, эмоционально-оценочная лексика, эмотивные предложения, интонационные контуры [66, с. 87].

В. Е. Шевченко и Е. Н. Кузнецова также полагают, что эмоциональность входит в сферу лингвистической семантики. Лингвисты трактуют данную категорию как свойство семантической структуры слова. В тоже время, Е. Н. Кузнецова и В. Е. Шевченко обращаются к термину «эмоциональная оценка», которая, по их мнению, находит свое выражение в словах, семантическая структура которых включает эмоциональное отношение (значение) наряду с предметно-логическим значением [156].

Некоторые исследователи (Л. Л. Ким [115], Н. А. Лукьянова [166] и др.) предполагают, что дифференцирование понятий эмоциональности и оценочности является невозможным. Они аргументируют свою позицию тем, что наличие эмоциональности в лексическом значении слова непременно предполагает присутствие оценочности и наоборот. По мнению сторонников этой теории, параметры оценки и эмоции идентичны, а оценка всегда вмещает в себя определенную эмоцию.

И. Л. Муханов также подтверждает, что сопряженность эмоций и оценок в высказывании вполне транспарентна в силу природной связи этих понятий. По мнению ученого, субъективная оценка обычно характеризуется эмоциональностью в речи, причем оценка уже изначально сопряжена с определенной эмоцией: положительная оценка сопровождается положительными эмоциями, а отрицательная оценка – негативными. Необходимо отметить, что в сознании представителей определенного этнокультурного сообщества зафиксирована неразрывная связь оценки с конкретной эмоцией. Это особенность, по мнению ученого, дает возможность спрогнозировать эмоции, когда оценка выражена безэмоционально, а также позволяет обнаружить оценочное отношение субъекта, в случаях, когда выражаются только эмоции [184, с. 69-70].

Вместе с тем, в лингвистике существует мнение (Э. С. Азнаурова [3], Г. Г. Кошель [140] и др.), что эмоциональность и оценочность следует рассматривать, как две обособленных составляющих семантической структуры слова, причем эмоциональный компонент часто совмещается с оценочным, но их совместное нахождение необязательно.

На наш взгляд, категория оценки коррелирует с эмоциональностью, но не идентична с ней. Полагаем, что оценки не существует без эмоций, поскольку в эмоциях происходит качественная оценка характера внешних воздействий и, собственно, окружающей действительности. Мы также разделяем мнение О. Н. Кастирновой, которая считает, что в случае

вербализации оценочного суждения разум будет первичным, а эмоции будут служить сопутствующим фактором [109].

Еще одной категорией, которая соотносится с оценкой, является экспрессивность. В лингвистике существуют различные взгляды на природу экспрессивности и предлагаются различные подходы к ее определению. По мнению Ш. Балли, категория экспрессивности неотделима от коммуникативной цели высказывания, так как, в первую очередь, подразумевает воздействие на адресата [18].

Е. М. Вольф в своей работе также рассматривается экспрессивность как свойство высказывания, но, считает, что она выражается исключительно интонацией, и, соответственно, реализуется только в восклицательной форме предложения. Экспрессивность, по мнению исследовательницы, является более узким понятием, в сравнении с эмоциональностью и оценкой. Согласно данной теории, экспрессивность и эмоциональная оценка коррелируют, но не тождественны друг другу. Оценка не предполагает постоянного наличия экспрессивного элемента, так как эти два аспекта независимы друг от друга [62].

М. Я. Блох четко разграничивает экспрессивность и эмоциональность на том основании, что эти категории относятся к разным сферам речевой деятельности. Так, эмоциональность является характеристикой говорящего и является инструментом самовыражения, в то время как экспрессивность подразумевает воздействие на собеседника [36, с. 122]. Другими словами, эмоциональность отражает личность и внутреннее состояние говорящего, а экспрессивность всегда ориентирована вовне и коррелирует с коммуникативной интенцией говорящего.

В речи экспрессивность реализуется с помощью экспрессивно окрашенной лексики, в семантической структуре которой, по мнению В. Н. Телии, содержится компонент, способный вызвать или усилить эмоциональное восприятие адресата. Этим компонентом может быть, например, образная внутренняя форма слова или его звуко-символическая

огласовка [284.]. Исходя из этого, экспрессивность представляется в большей степени стилистической категорией, а оценочность и эмоциональность – лексико-грамматическими.

Можно сделать вывод, что экспрессивность, в широком смысле, трактуется как речевая категория, проявляющаяся в создании интенциональных значений, а, в узком смысле, понимается как функциональная категория, которая выражает экспрессивно-оценочный потенциал высказывания и демонстрирует степень проявления того или иного оценочного признака.

Таким образом, эмоциональность, оценочность и экспрессивность могут не только сосуществовать с друг другом в высказывании, но и реализовываться самостоятельно или в различных сочетаниях. Все эти три компонента значения слова (эмоциональный, оценочный и экспрессивный) входят в коннотативный компонент семантической структуры слова. В понимании И. В. Арнольд, коннотация является прагматической информацией или субъективным элементом лексического значения социального, исторического, эстетического характера [9]. Однако стоит отметить, что оценка может быть частью и денотативного значения слова [342].

Что касается категории интенсивности, то она рассматривается исследователями в соотношении с категорией экспрессивности, а именно, в качестве меры степени экспрессивности, ее количества [258]. Согласно мнению И. И. Туранского, интенсивность следует считать риторической категорией из-за большого количества причин. Во-первых, интенсивность предполагает использование выразительных средств языка, которые влияют на реципиента. Во-вторых, эта категория напрямую соотносится со степенью экспрессивности, выразительности и образности высказывания, и способствует увеличению воздействующей силы на адресата. Кроме этого, интенсивность отражает интенцию говорящего выразить себя убедительно,

стимулировать ответную реакцию, действие партнера по коммуникации с помощью определенных языковых средств [296, с. 113].

Мнения лингвистов о проблеме корреляции категорий оценки и модальности также являются неоднозначными.

В первую очередь, стоит отметить, что в лингвистике различают объективную и субъективную модальность. Объективная модальность выражает соотношение сообщаемой информации с действительностью, и поэтому является категорией обязательной для любого предложения, потому что формирует его. В отличие от объективной модальности, субъективная модальность репрезентирует отношение говорящего к сообщаемой информации и является факультативной категорией. В предложении субъективная модальность может быть представлена разноуровневыми языковыми средствами: модальными глаголами или частицами, вводными словами, междометиями, особым порядком слов, определенными конструкциями и даже интонацией.

По мнению Л. М. Васильева, модальность шире семантической категории оценки, в том случае, если модальность трактуется как способ отражения объективного мира, а оценка воспринимается как один из способов его познания [54, с. 57]. Согласно другому мнению, оценка шире категории модальности, так как она пересекается в своем значении с большей сигнификативной областью, чем категория модальности. Иными словами, модальные оттенки значения слов возникают на основе оценочных значений в процессе интерпретационной деятельности человека [183; 249].

В отличие от таких категорий, как темпоральность и локальность, которые принято считать текстообразующими, так как они способствуют единству, цельности ситуации в речевом общении или связывают ситуации при смене места и времени, оценка создает интенциональный контекст, «текст в тексте». Как отмечает Л. А. Сергеева, оценка определяет «модус» обозначаемой ситуации и поэтому может характеризоваться различными модальностями, например, может иметь разную степень категоричности,

представляться в модусах желания, долженствования, необходимости, а также может соответствовать субъективной оценке, а может предлагаться в качестве общепризнанного мнения [258, с. 71]. Следовательно, модальные признаки относятся к периферийной зоне оценочного значения, а понятие модальности определяется в узком смысле, как значение возможности, невозможности, необходимости и т. п.

В свою очередь, Е. М. Вольф убеждена, что оценку можно рассматривать как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [62, с. 11]. Оценочная модальность, в отличие от модальности объективно-временной, не является частью дескриптивного плана содержания высказывания, а выражает отношение ко всему, что воспринимается как объективная действительность, независимо от СО. Таким образом, оценочная модальность – это тесная связь, которая устанавливается между ценностной установкой говорящего / слушающего и обозначаемой реалией, характеризуемой отрицательно или положительно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) «в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел» в той или иной картине мира, находящимся в основе оценочной нормы» [283, с. 22–23].

Существуют и другие взгляды на характер взаимодействия оценки и модальности. Так, Т. В. Маркелова отмечает существенные различия между этими понятийными категориями, в силу их неодинаковых характеристик. По ее мнению, функционально-семантическому полю модальности свойственен моноцентризм, в то время как функционально-семантическое поле оценки характеризуется полицентризмом. Кроме этого, Т. В. Маркелова считает, что категории оценки и модальности отличаются и в системно-структурном аспекте, на том основании, что в высказывании, которое является одним из основных средств выражения оценочного значения, обязательно присутствуют такие уникальные семантические компоненты, как шкала оценки и оценочный стереотип [171, с. 84].

Таким образом, модальность и оценка в лингвистической науке могут исследоваться как категории, перекрестные по своему содержанию, а также как языковые категории, которые совсем не пересекаются, кроме этого, могут интерпретироваться в широком или узком смыслах.

Разнообразие мнений лингвистов в отношении проблемы соотношения оценки с различными лингвистическими категориями (эмотивность, эмоциональность, экспрессивность, интенсивность и модальность) говорит о неиссякаемом интересе к вопросам оценки в языке, к проблеме ее онтологической природы и положения относительно других значимых категорий, а также является доказательством теории динамичности оценочной категории в современной языковедческой парадигме.

1.2 Оценочное высказывание. Речевой акт оценки

1.2.1. Определение понятия «высказывание»

В начале считаем необходимым уточнить разницу между такими лингвистическими понятиями, как «предложение» и «высказывание», которые являются одновременно очень близкими и принципиально различными. Разница между этими понятиями основывается на общеизвестном противопоставлении языка и речи. Язык рассматривается как средство общения, существующее в сознании целого народа, и поэтому носит абстрактный характер, в то время как речь – материальна и конкретна, так как является непосредственным результатом реализации языка в текстах. По мнению ряда лингвистов, предложение, именуемое языковой единицей синтаксического уровня языка реализуется в высказывании (речевой единице языка) в конкретной коммуникативной ситуации и каждый раз воссоздается заново.

Согласно А. В. Падучевой, предложение является компонентом смысла высказывания, выступает концептом ситуации и положения вещей [224, с. 36]. М. М. Бахтин также отмечает, что предложение представляет собой значимый элемент целого высказывания, которое приобретает свой окончательный смысл в определенных условиях речевого общения [23].

Любое высказывание от предложения отличает вовлеченность в ситуацию, контекст, поэтому многие лингвисты сходятся во мнении и определяют высказывание как коммуникативный акт, сформированный человеком в определенной ситуации с определенными целями [133, с. 67–68]. Высказывание, по мнению М. Я. Блоха, представляет собой ситуативно (контекстуально) обусловленное, ситуативно связанное речевое проявление [36].

В свою очередь, А. А. Леонтьев определяет высказывание как минимальную содержательную единицу речи и соотносит его с психической категорией действия [162], то есть высказывание является, по сути, выражением познавательного процесса и представляет собой информативно необходимую единицу общения.

Г. В. Колшанский подчеркивает, что высказывание имеет свою содержательную и грамматическую определенность и является минимальным отрезком, из которого строится реальная коммуникация (текст) [133, с. 60]. Н. А. Слюсарева также утверждает, что коммуникативная функция языка реализуется в высказывании [267, с. 75], поэтому коммуникативность – это глобально организующее, специфическое качество содержания высказывания» [238, с. 43]. Поэтому единственным релевантным и доминирующим признаком грамматической конструкции высказывания, независимо от конкретных средств его организации, является содержательная завершенность (предикация) и коммуникативная полноценность.

Н. И. Формановская уточняет определение термина «высказывание», подчеркивая, что высказывание – это «лексически наполненная, интонированная единица речевого уровня, включенная в широкий контекст фоновых знаний и национально-ментальных стереотипов» [302, с. 48].

1.2.2 Определение понятия «оценочное высказывание»

ОВ является наиболее распространенным и эффективным способом квалификации действительности, которые эксплицируются речевыми

средствами. В современной лингвистике отсутствует однозначный ответ на вопрос, что такое ОВ.

Многие лингвисты считают, что оценка, в общем, определяется как мыслительная операция, во время которой устанавливается как некоторый объект окружающей действительности воспринимается СО. Существует три разновидности субъективного оценочного отношения: объект воспринимается как ценность (имеет положительное значение), антиценность (характеризуется отрицательным значением) или же неценность (нет ни положительного, ни отрицательного значения). В результате данной оценочной операции формируется ОВ – высказывание, дающее оценочную квалификацию определённому предмету или явлению. Т. В. Маркелова уточняет, что главной целью ОВ является выражение ценностного отношения субъекта к объекту, которое можно квалифицировать как одобрение или неодобрение, угрозу, похвалу и т. д. [171].

Ю. С. Старостина полагает, что оценочное суждение представляет собой высказывание, с помощью которого субъект выражает свое положительное или отрицательное отношение к окружающей действительности, соответствующее совокупности объективных и субъективных факторов. При этом, по мнению исследовательницы, оценка является главным коммуникативным смыслом такого высказывания, субъект выражает свою ценностную ориентацию, продуцируя оценочные суждения, в которых оценочные слова являются рематическими элементами высказывания [273, с. 13].

Н. В. Ильина и М. Я. Блох в своей статье также четко указывают на то, что не любая конструкция, включающая в свою структуру лексическую единицу оценочной семантики, может быть квалифицирована как оценочная, а только та, в которой эта единица находится в предикативной позиции (см. пример (3) *'Uncle Dan–yonder,' answered Em'ly, nodding at the boat-house. – 'Yes. I mean him. He must be very good, I should think?* [383, p. 27]). Так, в других случаях, по мнению лингвистов, оценка презентуется как давно

известный факт, а не приписывается субъектом согласно коммуникативным задачам высказывания [36, с. 15].

Тем не менее, оценочная позиция субъекта не всегда соответствует лексическому наполнению высказывания. Для достоверной интерпретации оценочного суждения нужно учитывать все лингвистические и экстралингвистические характеристики высказывания в их совокупности. К экстралингвистическим факторам высказывания необходимо отнести прагматические параметры коммуникативной ситуации (место и время действия, количество коммуникантов, их отношение к друг другу, их социально-психологические характеристики и т. д.), а также правила речевой коммуникации, соответствующие национальным нормам общения, принятым в определенный исторический период в определенном лингвокультурном сообществе.

В речи ОВ выполняют важные прагматические функции, поскольку они позволяют детерминировать субъектно-объектные отношения, квалифицировать СР через его суждения, определять уровень его знаний и личностное отношение к объекту, который оценивается. В этой связи, В. Г. Гак отмечает, что говорящий с помощью ОВ не только передает свое оценочное суждение, но и активизирует свои эмоции и чувства партнеров по коммуникации, пытаясь убедить их или заинтересовать. В связи с этим, в высказывании наблюдается превалирование эмоционально-оценочного компонента над номинативным [66]. Поэтому главное коммуникативное назначение ОВ заключается не в сообщении объективной информации, а в передаче чувств, отношения субъекта, чтобы вызвать тем самым эмоциональную реакцию и даже активные действия адресата собеседника [368].

А. И. Приходько трактует ОВ как семантико-прагматический тип высказывания, который не только представляет информацию о положении дел, но и передает чувства, мысли, отношение СО к действительности. При этом, оценочное суждение всегда включает средства связи высказывания с ситуацией и средства описания последней [238, с. 86].

В рамках данного исследования, в свете функционально-коммуникативного подхода, вслед за Н. И. Формановской [302], ОВ определяется как интенционально обусловленное, грамматически и семантически организованное речевое образование, с помощью которого субъект выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации. Компоненты ОВ коррелируют с обязательными компонентами оценочного предложения, которое выражается следующей формулой: «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [62, с. 6].

1.2.3 Оценочное высказывание как результат речевого акта оценки

Для современного функционально-ориентированного подхода в языкознании характерно понимание высказываний как целенаправленных речевых действий, которые используются для достижения определенных коммуникативных целей [171]. Так, Е. В. Падучева считает, что высказывание является речевым образованием, которое создается в ходе речевого акта и рассматривается в контексте этого речевого акта [224, с. 29].

Высказывание всегда продуцируется в рамках ситуации, обусловленной контекстом, определяет информационно-смысловое содержание фрагмента коммуникации, и создает сложную взаимосвязь и взаимозависимость смысла конкретного высказывания и общего смысла коммуникации (текста), которая каждый раз наполняет формальную структуру предложения специфическим смыслом [133, с. 68].

В прагматике базовое определение понятия речевой акт сформулировано Н. Д. Арутюновой на основе теории речевых актов Т. ван Дейка [83]. Согласно данному подходу, речевой акт трактуется как целенаправленное речевое действие, производимое согласно правилам и принципам речевого поведения, присущим данному обществу [372, с. 412].

Н. Ф. Алефиренко уточняет определение речевого акта с точки зрения теории художественной коммуникации и дискурса. По мнению ученого, речевой акт – это отдельное высказывание, суггестивно направленное на

адресата, отображающее ситуативный фрагмент художественной коммуникации [6, с. 18].

В своем определении Ф. С. Бацевич соотносит такие понятия как «речевой акт», «высказывание» и «предложение». По мнению исследователя, речевые акты – это пограничные составляющие процессов коммуникации, динамические элементы взаимодействия говорящих в процессах интеракции, имеющие форму конкретных предложений (высказываний) [25, с. 16]. Иными словами, понятие «речевой акт» совпадает с производством конкретного предложения (высказывания) в условиях речевой коммуникации.

А. И. Приходько рассматривает высказывание и речевой акт как различные стороны процесса коммуникативной деятельности. Причем речевой акт определяется исследовательницей как «минимальная единица речевой деятельности», а высказывание, по ее мнению, являет собой «минимальную единицу речи». Как отмечает лингвист, высказывание выступает содержанием речевого акта, поэтому их формы и объем могут совпадать [238, с. 40].

Однако ряд ученых (Н. Д. Арутюнова [13; 15], Ф. С. Бацевич [25], В. Г. Гак [67], Т. ван Дейк [83], Дж. Остин [226], Дж. Серль [260; 261], И. П. Сусов [208] и др.) считают, что высказывание является средством реализации речевого акта, который может отождествляться с предложением или совокупностью предложений.

Поскольку высказывание, по сути, определяет содержание оценочного речевого акта, а прагматичный тип высказывания обусловлен коммуникативной целью речевого акта, то логично предположить, что корректная интерпретация определенного речевого акта оценки должна основываться на анализе высказывания, в котором реализуется оценочное значение. Вслед за В. П. Новиковым считаем, что РА оценки – комплекс речевых и психоментальных действий при кодировании, передаче и декодировании оценочного сообщения, инициированных адресантом и осуществленных коммуникантами в контексте определенной ситуации [195, с. 67].

Поэтому в рамках данного исследования, ОВ, в основе которого лежит оценочное сообщение, продуцируемое и передаваемое адресантом адресату, отождествляется с речевым актом оценки (далее РА).

1.3 Модель речевого акта оценки

1.3.1 РА оценки характеризуется тем, что в основе переданного и полученного оценочного сообщения лежит ОВ с определенной структурой. Вслед за Е. М. Вольф считаем, что категория оценки является видом модальности, которая наслаивается на дескриптивный (пропозициональный) смысл высказывания в целом, отражая отношение говорящего к его содержанию и соотнося высказывания с окружающей действительностью [62].

В современной лингвистической науке при изучении категории модальности исходным положением считается то, что каждое высказывание / предложение содержит пропозицию (диктум) и модальную рамку (модус). Пропозиция определяется как «объективная семантическая константа» высказывания [372, с. 415], как основной смысл утвердительного предложения. Модальная рамка является составной частью высказывания, в которой описание объективного положения дел соотносится с ситуацией общения.

Согласно теории Е. М. Вольф, модальная рамка ОВ имеет сложную структуру, в которую входят ряд обязательных (субъект оценки (СО), оценочный предикат (ОП) и объект оценки (ОО)) и факультативных элементов. Стоит отметить, что любой структурный элемент может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно. При этом, наличие этих элементов в пропозициональной структуре ОВ обусловлено реальными условиями коммуникации и коммуникативными целями говорящего [62].

Под СО в работе понимается конкретизированная языковая личность ((см. пример (4) *'As you haven't met the girl,' he said, 'why are you being so spiteful?'* [394, p. 7]) или группу языковых личностей (см. пример (5) *'People say the Gormons were neither butchers nor bakers, but very respectable coach-*

builders' [389, p. 23]), которые выражают свое позитивное или негативное отношение к определенному объекту окружающей действительности с позиций определенных ценностных критериев.

Субъект, оценивая определенный объект окружающего мира, берет за основу, с одной стороны, стереотипные представления общества об этом объекте и существующую шкалу оценок, а с другой стороны, свои собственные представления о нем (чувства, мнения, знания и представления). Поэтому можно утверждать, что стандарты ценностей определенного СО, в той или иной мере, отражают ценностную картину мира лингвокультурного сообщества той или другой эпохи или определенного исторического периода.

Считаем логичным предположить, что объект является источником возникновения оценки. Под ОО понимаем лицо (см. пример (6) *'I don't dote on Handy,' said Mor, 'but at least she's cheerful, and she's good for Demoyte.'* [394, p. 12]), предмет ((см. пример (7) *Their gowns are so pretty. I never in my life saw anything more elegant than their dresses* [379, p. 45]), место (см. пример (8) *But the clinic is prosperous, it's like a gold mine* [385, p. 106]) или событие (см. пример (9) *'I've just seen a news item that's come over Reuters. He's been killed in a local rising in Haiti.' 'Really? How awful!'* [394, p. 10]), которому СО приписываются определенные ценности в процессе акта оценки. Следовательно, содержание и характер оценочного суждения всегда обусловлены конкретными качествами ОО. Однако, набор этих качества нельзя просто приравнять к описательной характеристике определенного объекта, поскольку оценочная деятельность всегда коррелирует с социально сложившимися нормами и представлениями о добре и зле, и результаты этой деятельности реализуются только в процессе общения. Следовательно, оценки, чаще всего, отражают социальную значимость объектов окружающей действительности, и поэтому особенности оценки в ОВ стоит изучать исходя не только из свойств ОО, но и в связи с конкретными социальными воззрениями коммуницирующих субъектов.

В процессе формирования оценочного суждения и его реализации в определенной коммуникативной ситуации происходит единение субъекта и объекта высказывания ОВ. По сути, субъект, оценивая определенный объект по какому-либо качеству, признаку, свойству «как будто «вписывается» в объект, оставляя в его языковом отражении свой аксиологический автограф, а объект «разворачивается» относительно точки зрения субъекта и его измерения в диапазоне некоторой оценочной шкалы» [295, с. 25].

ОП являет собой оценочное отношение СО к оцениваемому объекту, которое имеет значение «хороший» / «плохой». Специфической чертой ОП, в том числе и актуализированного с его помощью оцениваемого отношения к ОО, является многовекторность и широкая направленность его связей на другие элементы оцениваемой структуры, а именно возможность ориентации на несколько параметров (критериев, мотивировок) оценки.

Одним из имплицитных элементов оценочного высказывания является аксиологическая шкала, которая может быть представлена в виде различных моделей. В нашем исследовании мы придерживаемся аксиологической модели, разработанной Н. Д. Арутюновой [13; 14], О. Л. Бессоновой [30], Е. М. Вольф [62], Д. Болинжером [343], А. Вежбицкой [56], Э. Сепиром [364]. Согласно этой модели, норма оценки содержится не в середине шкалы, а совпадает с ее положительным краем. Таким образом, норма приобретает аксиологическую функцию и воспринимается как нечто «нормальное», а значит «положительное», тогда как оценочные слова со значением «отклонения от нормы» воспринимаются как «негативные» [29, с. 13–14].

Бесспорно, каждому лингвокультурному сообществу свойственна своя собственная ценностная картина мира, вмещающая в себя особую оценочную шкалу, которая служит аксиологическим ориентиром для всех представителей данного сообщества. Вместе с тем, мы не разделяем позицию И. И. Кремих, которая утверждает, что оценка объектов окружающей действительности является не индивидуальной, а исключительно общественной, включенной в систему коллективных ценностей,

предопределенных практической деятельностью и общественной практикой [147, с. 20]. По нашему мнению, собственная оценочная шкала для каждого индивида всегда имеет большее значение, так как она возникает в результате соприкосновения и дальнейшего совмещения общих, социально-обусловленных (внешних) ценностей с сугубо индивидуальными (внутренними) ценностными критериями.

Еще одним имплицитным элементом модальной структуры ОВ является оценочный стереотип, который представляет стандартный набор признаков, присущий тому или иному объекту действительности, общий для всех или большинства членов данного социума. Следует отметить, что стереотипные представления являются имплицитными и способствуют созданию психологической основы оценочного суждения. Картина мира каждого коммуниканта включает в себя стандартное представление о конкретном объекте с соответствующими качественными и количественными параметрами [238, с. 24; 164, с. 66]. Как справедливо отмечает Е. М. Вольф, стереотипные представления о вещах опираются на информацию из функциональной сферы восприятия, а также соотносятся с ассоциативными связями индивида [62].

Одним из факультативных и имплицитных элементов модальной рамки является мотив оценки, который в основном носит объективный характер и формируется под влиянием качеств, присущих объекту, а также культурно-исторических фактов. Нужно отметить, что оценочное значение предопределяется объективными свойствами предмета настолько, насколько оно ими мотивируется. Н. Д. Арутюнова, развивая данное утверждение, считает, что мотив оценки включает как реальные свойства ОО, так и факты и прогнозы, связанные с ним, а также закономерности восприятия и реакцию СО на определенный объект [13]. Например, (10) *The room into which he led her was frowsy and the large wooden bed against the wall made her shudder. 'This is dreadfully sordid, isn't it?' she said to Charlie the first time she met him there* [392, p. 10]).

Н. А. Лукьянова считает, что мотив оценки иногда предполагает взаимодействие денотативного и коннотативного аспектов значения слова. Исследовательница полагает, что для эмоциональной оценки мотивом может быть, как реальный признак предмета, так социальная оценка этого предмета говорящим, и даже образ, появляющийся в сознании СО при квалификации данного объекта [166]. Необходимо отметить, что мотив оценки не находится в казуальных отношениях или в отношениях логического вывода с самой оценкой, хотя они прибывают в постоянном взаимодействии в сознании людей [13].

Основание оценки – это то, с точки зрения чего СО осуждает или одобряет действия, поступки определенного лица, те образцы или идеалы, с которыми субъект сравнивает. Основанием оценки может быть какое-то чувство, стандарты, идеалы, убеждения, знания субъектом определенных норм поведения и т. п. Итак, основание оценки отражает стандарт ценностей СО и выступает обоснованием оценки. Несмотря на значимость основания оценки для оценочной деятельности субъекта этот компонент не находит явного выражения в ОВ в большинстве случаев [241, с. 28].

Кроме названных компонентов Е. М. Вольф выделяет аспект оценки, который соотносится с дескриптивными свойствами объекта, входящими в оценочный стереотип [62, с. 61]. Аспект оценки, по нашему мнению, соотносится с теми характеристиками объекта, которые оцениваются. Поэтому считаем возможным выделить следующие аспекты оценки: этический (см. пример (11)), эстетический (см. пример (12)), интеллектуальный (см. пример (13)), утилитарный (см. пример (14)), телеологический (см. пример (15)) и др.

(11) *How evil he was to-night: possessed by ill-humour at being detained so long from her; irritated by the mention of some name, because he thought it belonged to a more successful lover* [388, p. 98].

(12) *Fleur said: 'Don't you think that boy's mother is the most beautiful woman of her age you've ever seen?'* [387, p. 25]

(13) *She was curiously examining a sketch-book when he returned with the coffee. 'There's nothing new in it,' he said, 'and nothing very interesting'* [390, p. 791].

(14) *Oh! Mr. Wingfield thinks the vicinity of Brunswick Square decidedly the most favourable as to air* [380, p. 52].

(15) *Think how useful you are going to make yourself to both of us, and you will soon be as happy, Laura, as the day is long* [382, p. 456].

Еще одним компонентом оценочной структуры является мотивировка. Согласно мнению многих лингвистов, она не входит в модальную рамку ОБ в качестве отдельного элемента и составляет факультативный компонент оценочной структуры. Е. М. Вольф подчеркивает, что, как правило, мотивировка находится вне ОБ, а именно в другом предложении в пределах широкого контекста (пример (16) “*Sir James seems determined to do everything you wish,*” said Celia, as they were driving home from an inspection of the new building-site. “He is a good creature, and more sensible than any one would imagine,” said Dorothea, inconsiderately. “*You mean that he appears silly.*” “*No, no, but he does not talk equally well on all subjects.*” [384, p. 23]). Этот факт подтверждает необязательный характер этого компонента в структуре ОБ [62, с. 118].

Однако, если в высказывании не указан аспект оценки посредством частнооценочного предиката, то в мотивировках могут содержаться слова, показывающие, по каким аспектам дается оценка [62, с. 119]. Примером может служить контекст (17) ‘*We were very happy*’ said my mother. ‘Mr. Copperfield was only too good to me.... He (Mr. Copperfield) was very kind to me, and took a great deal of notice of me, and paid me a good deal of attention, and at last proposed to me. And I accepted him. And so we were married,’ said my mother simply [383, p. 9].

Кроме этого, мотивировки могут сопровождать общеоценочные предикаты, эксплицируя оценочные стереотипы или указывая на квазистереотипы, т. е. на те признаки, которые говорящий хочет представить как стереотипные (пример (18) ‘*What have they been doing?*’ I asked. ‘*Oh,*

nothing much. Only redecorating and changing the furniture in the rooms in the east wing, which I thought we would use for ours. As Frith says, it's much more wonderful cheerful on that side of the house, and it has a lovely view of the rose garden [393, p. 8]).

Мотивировка в ОВ представляет собой субъективный, часто надуманный повод, с помощью которого, говорящий часто оправдывает свои действия и поступки, приводя их в соответствие с нормами поведения в обществе и со своими личностными нормативами, например: (19) *Clever sons, clever mothers. I went a good deal into that, at one time. However, my dear, I have always said that people should do as they like in these things, up to a certain point. I couldn't, as your guardian, have consented to a bad match. But Casaubon stands well: his position is good. I am afraid Chettam will be hurt, though, and Mrs. Cadwallader will blame me"* [384, p. 37]. Поэтому очевидно, что мотивировки оценки являются разновидностью аргументов [62, с. 121].

Таким образом, для корректной интерпретации ОВ необходимо учитывать весь спектр фоновых знаний, т.е. всю совокупность сведений материально- и культурно-исторического, географического и прагматического характера, которые свойственны представителям данного лингвокультурного сообщества [16, с. 49].

1.3.2 При анализе содержания ОВ с точки зрения его использования в РА, необходимо разграничить такие понятия, как пропозициональное содержание высказывания и его иллокутивная сила [367].

В понимании Н. Д. Арутюновой, пропозиция – это стабильное семантическое ядро высказывания, которое обозначает действительное или возможное положение вещей [10]. Под иллокутивной силой высказывания понимается коммуникативное намерение говорящего и совокупность условий, необходимых для его реализации. По мнению И. П. Сусова, иллокутивные силы, которые содержат в себе интенцию говорящего, декодируются адресатом и именуется прагматической составляющей

пропозиционального содержания высказывания, или его прагматическим значением [280].

Согласно теории А. В. Падучевой, в любом речевом акте высказывания различается три разных акта, совершаемых говорящим: а) акт произнесения предложения (локутивный акт); б) пропозициональный акт, включающий в себя акт референции (привлечение в зону рассмотрения определенных объектов) и акт предикации (приписывание качеств этим объектам); в) иллокутивный акт, который заключается в реализации коммуникативного намерения говорящего (выражение утверждения, обещания, просьбы, приказа, рекомендации и др.). Кроме того, высказывание может также предполагать осуществление воздействия на слушателя (т. е. может обидеть, испугать, обрадовать и др.), то есть может иметь также перлокутивный эффект [224, с. 23].

Поэтому, ориентация адресата только на пропозициональное содержание высказывания или речевого акта не всегда позволяет узнать адекватные намерения адресанта, то есть определить коммуникативный смысл высказывания. Это понятие трактуется А. В. Бондарко как информация, которая передается говорящим и воспринимается слушателем на основе содержания высказывания. Коммуникативный смысл высказывания выражается языковыми средствами и взаимодействует с контекстом и речевой ситуацией с существующими в данных условиях речи опытом и знаниями говорящего, со всем тем, что входит в понятие дискурс [46].

По мнению Ф. С. Бацевича, коммуникативный смысл – это информационный компонент сообщения, который формируется как суммарная семантическая, синтаксическая и прагматическая доминанта коммуникативных стратегий всех участников кооперативного общения в пределах определенного контекста и ситуации с применением вербальных, невербальных и паравербальных средств [25, с. 18].

Исходя из определения коммуникативного смысла, пропозициональное содержание высказывания задает высказыванию примерное коммуникативное направление, а «вычитка» адресатом помогает определить настоящее коммуникативное намерение адресанта, что происходит с опорой на импликатуры дискурса конкретного сообщения [25, с. 101]. Согласно теории П. Грайса, импликатуры дискурса всегда выводятся коммуникантами из контекста общения благодаря знанию коммуникативных принципов, максимум, постулатов и конвенций общения [349].

Для рассмотрения информационной структуры высказывания следует принимать во внимание не только позицию слушателя, но и говорящего, в частности, наличие общих фоновых знаний, пресуппозицию, а также тип дискурса, который служит средством репрезентации упомянутых категорий.

Понятие пресуппозиции употребляется в широком и узком смысле. Данное понятие в широком смысле связано с когнитивными «мирами» участников общения и толкуется как разновидность логического следования, когнитивного вывода определенного суждения; общий фонд знаний участников общения о мире, его организацию, место человека в нем, и т. п. [25, с. 102]. Как отмечает В. В. Красных, пресуппозиция является своеобразной зоной пересечения когнитивных пространств участников коммуникации, которая актуализируется в процессе общения [146].

Пресуппозицию в узком смысле в современной лингвистике определяют как имплицитный компонент смысла сообщения (высказывания, речевого акта), который должен быть истинным, чтобы сообщение (высказывания, речевой акт) в целом не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в определенном контексте [25, с. 103]. Т. е. это понятие касается коммуникативных смыслов, которыми обмениваются участники интеракции с использованием средств естественного языка.

Ученые разграничивают семантические и прагматические пресуппозиции. Семантическая пресуппозиция – это семантический компонент сообщения (высказывания, суждения, речевого акта),

неистинность которого в определенной ситуации превращает сообщение в аномальное или неуместное. Прагматическая пресуппозиция определяется как компонент сообщения, речевого жанра, дискурса, связанный с субъективным фактором межличностного общения, отсутствие или незнание которого превращают сообщения в неуместные, провокационные, такие, которые не соответствуют условиям успешности и т. д. [25, с. 106–107].

В свою очередь, Ю. Д. Апресян и О. Н. Селиверстова разграничивают пары понятий «тема / рема» и «данное / новое», выходя за пределы анализа высказывания, включая семантические потенции языковых единиц в качестве определяющего фактора. Тема и рема являются категориями высказывания, которые определяют разделение коммуникативной единицы на то, о чем говорится (тема), и то, что сообщается о теме (рема), которыми и обусловлена интонационная схема высказывания. Тогда как данное / новое, прежде всего определяется через наличие / отсутствие определенной информации в сознании слушателя сообщения [7; 252; 253].

1.3.3 Анализируя речевую деятельность как такую, которая порождается непосредственно человеком и осуществляется для него, невозможно обойтись без учета человеческого фактора. Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, механизмы речи, являясь усовершенствованным функциональным использованием языка, отражая практику его использования миллиардами носителей, все еще представляют собой действия и операции, которые приводятся в движение волей и разумом говорящих, а потому зависят от их индивидуальных способностей» [151, с. 10]. Общение участников речевого акта в значительной степени зависит от прагматических факторов, среди которых видное место занимают факторы адресанта (говорящего) и адресата (слушателя).

Адресант – это субъект высказывания, производит определенное информационное сообщение, которое кодируется мозгом и органами произношения, в результате чего передается физический сигнал. Адресанту принадлежит центральное место в любой ситуации общения, так как он

сознательно порождает сообщение определенного содержания, формирует тип общения и его цель, определяет значимость высказывания, дает оценку ситуации в целом, выражает свое отношение к данной информации, сообщает о чем-либо [298]. Поэтому сообщение имеет очевидную прагматическую направленность. Оно содержит, с одной стороны, информацию о фрагменте действительности, а с другой стороны, представляет собой реализацию коммуникативной интенции его автора (адресанта).

Главной целью воздействия на адресата является корректировка его поведения, изменение структур и сценариев сознания, психологических состояний, оценок и тому подобное [251, с. 32]. Н. Д. Арутюнова отмечает способы воздействия ОВ на адресата речи: оно может побудить слушателя к действию, выражать ему похвалу или осуждать чьи-то поступки [13]. Однако А. П. Загнитко подчеркивает особую роль говорящего или группы говорящих при создании ОВ, так как оценка обусловлена их интересами и взглядами, и только в соотношении с ними ОВ может рассматриваться как истинное или ложное [91, с. 101].

Таким образом, важнейшим свойством ОВ является непрерывное взаимодействие и взаимосвязь объективного и субъективного факторов, которые влияют на признаки и способы выражения оценочного предиката. Семантические, структурные и функциональные особенности оценочных высказываний определяются влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, которые, соответственно, диктуют набор эксплицитных элементов оценочной модальной рамки и определяют характер оценочных смыслов оценочного высказывания.

1.4 Диахронический подход в исследовании дискурса

В фокусе диахронических исследований обычно находятся проблемы изменения различных аспектов языковых единиц, а также особенности их функционирования в разные исторические периоды. Вопросы исторической семантики, фонетики, грамматики и словообразования начали упорно

изучаться представителями исторического языкознания, считавшегося ведущим направлением лингвистики в XIX веке, а также в первой четверти XX века.

В современных лингвистических студиях сохраняется устойчивый интерес к изучению разноуровневых языковых единиц в историческом аспекте. Однако, появляются диахронические исследования, в ракурсе которых рассматриваются особенности текстов или дискурсов, единиц, которые находятся выше уровня предложения [56; 143; 193; 344; 354 и др.]. Вместе с тем, изучение дискурса как совокупности текстов, объединенных общей ситуативной, тематической и прагматической составляющей, осложняется отсутствием детально разработанной методики его исследования из-за существующих теоретических и методологических противоречий.

Проблема изучения текста в диахроническом аспекте впервые была упомянута в научных трудах отечественного лингвиста В. В. Виноградова. Исследователь считает, что в лингвистической науке необходимо разработать историческую типологию композиционных форм речи как «систем языковых объединений, встречающихся в ткани литературно-художественных произведений конкретной эпохи [58, с. 70]. Согласно В. В. Виноградову, предмет изучения диахронических исследований текста состоит в определении динамических изменений композиционных жанров прагматической речи. Задачей исследований такого рода является установление закономерностей в построении художественных текстов как систем языковых отношений [58, с. 71].

Интересным является тот факт, что появление исследований в области исторической лингвистики текста не способствовали возникновению нового научного направления в языкознании. Это можно объяснить ограниченным материалом исследования и фокусом внимания исследователей на структуре текста, а не на его содержании. Что касается материала для диахронических исследований, то им служили только художественные тексты, созданные в различные исторические периоды. Это факт свидетельствует о том, что ученые

оставались в рамках литературной традиции и не пытались расширить материал исследования за счет текстовых форм, обслуживающих другие практические потребности и интересы общества. Также исследователи не уделяли внимание изучению содержания текстовых образцов, что не позволяло проследить эволюцию языкового сознания общества.

Еще одной причиной, объясняющей слабую разработанность методики изучения дискурса в диахроническом аспекте, может быть, по нашему мнению, сложность в разграничении понятий «текст» и «дискурс», а также их определение в языкознании. В большинстве лингвистических исследований, дискурс определяется как связный текст в совокупности с факторами, влияющими на его восприятие и порождение; как актуализация различных видов текста, взятого в событийном плане [143]. В то время как под текстом понимается абстрактная, формальная конструкция, не имеющая связи с конкретной коммуникативной ситуацией.

Согласно Н. Н. Мироновой, в современных лингвистических студиях существует два толкования дискурса: «дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях» и дискурс как дискурсивная практика [178, с. 12]. В. Е. Чернявская также предлагает два определения понятия «дискурс»: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [318, с. 14]. Н. Д. Арутюнова трактует дискурс как речь, «вписанную» в коммуникативную ситуацию, как вид речевой коммуникации, как единицу общения [372, с. 136–137].

В. В. Богданова полагает, что дискурс включает две неравнозначные составляющие: речь и текст. Дискурс, по мнению ученого, определяется как «все, что говорится и пишется носителями языка, а термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» [38, с. 5]. По мнению В. Г. Бороботько, дискурс трактуется как текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений и их

объединений в более крупные единства, имеющие внутреннюю смысловую связь, что дает возможность воспринимать его как неделимое образование [50, с. 8]. Н. И. Формановская считает, что текст противопоставлен дискурсу по тому же принципу, что и предложение противопоставлено высказыванию [302, с. 60]. И. П. Сусов утверждает, что дискурсом называется последовательность связанных между собой речевых актов. Высказывание или совокупность высказываний, продуцируемых партнерами по коммуникации, превращается в текст только в том случае, если фиксируется на письме (или с помощью звукозаписывающего аппарата). Текст, согласно мнению ученого, является «информационным следом» состоявшегося дискурса [280, с. 40].

Проанализировав определения, представленные выше, считаем, что текст представляет собой лингвистический компонент дискурса со своим структурно-смысловым единством и фиксацией речевого общения. В отличие от текста, дискурс стоит трактовать как базовый компонент деятельностной среды, воспринимаемый в совокупности с его экстралингвистическими характеристиками. Иными словами, сущность дискурса состоит в актуализации различных видов текста в событийном плане, связанного с ситуацией общения [98].

Рассматривая дихотомию текста и дискурса, некоторые ученые полагают, что дискурс, являющийся «речью, погруженной в жизнь» [372, с. 136–137], не может быть предметом диахронического анализа, потому что этот термин невозможно применять к древним текстам, не имеющих непосредственной связи с «живой», реальной жизнью.

Однако в лингвистике существует другая точка зрения на эту проблему. Так, Е. С. Кубрякова склонна полагать, что, изучение древних текстов может помочь в установлении некоторых дискурсивных особенностей использования языка в определенном историческом контексте [152]. По мнению Е. С. Кубряковой, наблюдая процесс повествования и изучая его

логику, исследователь может восстановить ход протекания деятельности, которая в обычном случае непосредственно наблюдается [154].

В фокусе предлагаемого диахронического подхода находится исследование текста в совокупности всех его характеристик, обусловленных условиями и целями коммуникации, т.е. в аспекте его дискурсивности. Такой подход подразумевает синхронный анализ текстового фрагмента в социокультурном контексте той эпохи, в которой он был создан.

В лингвистической науке есть работы, в которых диахроническое исследование дискурса осуществляется по принципам ретроспективного взгляда на текст, созданный в определенный исторический период. Т.е. изучение дискурса предполагает изучение особенностей текста с учетом «особенностей социокультурного контекста его создания» [4]. Однако такая трактовка диахронического подхода не соответствует воззрениями Ф. де Соссюра, который полагал, что «диахроническая лингвистика будет изучать отношения, связывающие элементы в порядке последовательностей, но не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, — элементы, заменяющиеся одни другими, но не образующие системы» [271].

Для данного исследования интерес представляет также взгляд И. А. Бодуэна де Куртене на диахронические исследования и диахронию в целом. Лингвист определяет диахронию как процесс эволюции, а не как набор синхронических состояний, сменяющих друг друга в процессе развития языка. Ученый справедливо отмечает, что «спокойствие, остановка, застой — явления кажущиеся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [41].

В современных лингвистических студиях существует два основных подхода к изучению дискурса в диахронии. Первый из них является логическим продолжением исторической лингвистики и сводится к описанию изменений грамматических категорий и форм, моделей словообразования и синтаксических структур во времени, а также языковых единиц. Второй подход связан с коммуникативно-дискурсивной парадигмой, которая активно

развивается в лингвистической науке в последние десятилетия, и предполагает изучение сложной природы человеческого общения.

Художественные тексты создаются на основе определенных канонов коммуникативного поведения и дискурсивных практик, характерных для лингвокультурного сообщества на определенном этапе его развития. Поэтому можно сделать вывод, что именно социокультурный контекст функционирования художественном дискурса обуславливает его динамику изменения и развития как сложного коммуникативного образования. По мнению А. П. Загнитко, текст как духовный конструкт может интерпретироваться с помощью модели построения бытия, функционирования и эволюции картины мира, что отображает языковое сознание всех субъектов определенного единства [91].

В этой связи, необходимо отметить, что дискурс, независимо от его типа и характерных особенностей, включает в себя исторически устойчивые и исторически изменчивые элементы. Главной функцией исторически устойчивых элементов является обеспечение стабильности дискурса, его узнаваемости, индивидуальности и принципиальной выделимости. Что касается исторически изменчивых элементов, то они отражают приспособляемость дискурса к меняющейся социокультурной ситуации. Объектом диахронических исследований дискурса являются тексты, расположенные на временной оси в хронологическом порядке. При этом каждый из данных текстовых фрагментов можно воспринимать, согласно концепции Б. М. Гаспарова, как «частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [69].

В рамках этого исследования считаем, что дискурс, будучи одновременно процессом и продуктом коммуникативной деятельности, выступает результатом взаимодействия трех факторов: социального, языкового и индивидуального. Эволюция языковых категорий в художественном дискурсе предопределяется не только социокультурным

контекстом его создания и функционирования, но и внутренними механизмами развития языка.

Объектом данного исследования является категория оценки, которая, как отмечает Н. Д. Арутюнова, является социально обусловленной, так как природа оценки всегда соответствует природе человека, ведь «оценивается то, что необходимо (физически и духовно) человеку и человечеству в определенный промежуток времени» [14, с. 6], а интерпретация оценки зависит от норм, установленных в том или ином обществе – социальные интересы, мода и престижность формируют и деформируют оценку [14; 62]. Т. е. познавая природные свойства объектов и воспроизводя их значимость, субъект затрагивает вопрос социальных отношений, поскольку ценность вещи или явления значительно зависит от общественного мнения. Каждая историческая конкретная общественная форма может характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает как инстанция наиболее высокого уровня социальной регуляции.

Исходя из выше изложенного считаем, что метод исторической реконструкции, предложенный и детально разработанный Е. С. Кубряковой [154], является одним из эффективных методов анализа художественного дискурса, рассматриваемого как результат художественной коммуникации и поэтому вмещающего в себя характеристики не только адресанта, но и социальных групп, которым он адресован, а также признаки коммуникативной ситуации, внутри которой он производится и актуализируется. Дополнительную информацию о социокультурной ситуации, в которой создается и функционирует определенный дискурс, можно обнаружить в смежных областях знаний, таких как историография, культурология, социология и т. д.

Применяя диахронический подход в данной работе, предпринимаем попытку установить и описать изменения семантики, структуры и коммуникативно-прагматической нагрузки ОВ, а также проследить эволюцию языковых средств реализации категории оценки в

художественном дискурсе анализируемых периодов. Данный подход позволяет воссоздать особенности функционирования ОВ в исследуемых периодах, а также зависимость продуцируемой оценочности в диалогической и монологической речи от гендерных и статусных параметров говорящего персонажа, а также выявить особенности дискурсивной практики лингвокультурного сообщества на отдельном синхронном срезе с целью установления исторически устойчивых элементов, а также исторически изменчивых элементов, свидетельствующих об эволюции дискурсивной культуры отдельной этно-культурной группы.

Таким образом, в художественном дискурсе традиционно изображаются различные способы познания, квалификации и концептуализации окружающей действительности представителем определенного лингвокультурного сообщества. Благодаря множеству выразительных и изобразительных средств дискурс способствует эффективному усвоению и детальному пониманию мировоззренческих универсалий культуры определенной страны или народа в конкретный исторический период [229, с. 75]. Важно помнить о том, что дискурс включает диахронический и синхронический срезы, воспринимаемые по-разному на определенном этапе развития языка и социума, но тесно связанные между собой как соотношение процесса и результата.

1.5 Коммуникация персонажей в художественном дискурсе: гендерный аспект

В современной лингвистике в основе изучения художественного дискурса лежит деятельностная онтологическая картина речевого общения, что не только дает возможность углубиться в содержание художественной коммуникации, но и разъяснить феномен применения людьми естественного языка – орудие социального влияния и взаимодействия в обстоятельствах конкретной ситуации коммуникации на основе системы социальных правил, постулатов, стратегий [251].

В этой связи хотелось бы начать с некоторых определений дискурса. Е. Ф. Киров, например, сравнивает дискурс с жизнью, на том основании, что он состоит из отдельных (дискретных) событий, которые требуют языкового оформления [119, с. 34]. Также в лингвистике существует мнение, что дискурс можно трактовать как совместную социальную деятельность, где разговор является основной формой коммуникации, соединяющей язык, индивидуумов, использующих этот язык, и контекст (ситуацию), в рамках которого происходит разговор» [176, с. 92].

Большинство лингвистов, специализирующихся на исследовании текстов, полагают, что правильная интерпретация сущности цельного текста возможна только с учетом таких факторов, как: социокультурный, когнитивный, коммуникативный и лингвистический [318]. Дискурс неразрывно связан с ситуацией, детерминирующей основополагающие характеристики порождения высказывания / текста, в соответствии с системой когнитивных и коммуникативно-прагматических интенций адресанта, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле «тип дискурса предопределяет коммуникативный процесс, способствующий созданию определенной структуры – текста» [372, с. 136–137].

Художественный дискурс понимается здесь как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [14, с. 136], как «коммуникативное событие, порождающее текст, соотносящееся, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, и, во-вторых, с конкретными моделями-образцами, прототипами текстопорождения и восприятия» [317, с. 106], как «процесс речевой деятельности говорящего (монолог) / говорящих (диалог), в котором представлена не только информация о «положении дел в мире» (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и т. п. смыслов [302, с. 61].

Понятие художественной коммуникации соотносится с понятием дискурса как часть и целое. Художественная коммуникация – это акт общения посредством или на основе художественного произведения. Она служит для передачи информации в пределах своеобразных диалогов имплицитного и эксплицитного характера между автором, читателем и персонажами [230, с. 211]. Исходя из этого, художественный текст нужно рассматривать только с коммуникативных позиций, поскольку его возможность быть информативной системой с образным содержанием является бесспорной [244, с. 10].

Художественный дискурс, по нашему мнению, является отражением художественной коммуникации с одной стороны, а также одним из способов ее реализации, с другой. Подтверждением этого служит тот факт, что произведение, написанное много лет назад, переживается как настоящее и продолжает влиять на современную жизнь, а информация, которую несет художественный дискурс, как отмечает В. Г. Зинченко, остается актуальной [95].

Исследователи художественной коммуникации отмечают определенное сходство между свойствами художественного текста и речевого коммуникативного акта. Например, В. В. Виноградов определяет художественное произведение как специфическую форму речевой коммуникации, самый сложный способ функционирования языка [59].

Структура художественного текста характеризуется субъектно-речевой двуплановостью, которая отображается в двух плоскостях: авторская и персонажная речь. Согласно теории М. М. Бахтина, «мир» текста как целого, включает отдельные, в определенной степени, автономные миры, которые находятся в разных содержательных плоскостях, и называются ученым «текстовые субъектные сферы» персонажной и неперсонажной речи. Исследователь утверждает, что персонажи коммуницируют как участники изображенной жизни исходя из своих социальных, психологических и других характеристик, в то время как автор находится за рамками мира, придуманного

им [24, с. 311]. Л. Н. Чурилина, в свою очередь, считает, что персонажно-субъектная речевая деятельность является сферой внутритекстовой виртуальной коммуникации (говорящего и слушающего), реализуемой посредством текстов, созданных определенными персонажами [319].

Следовательно, художественный дискурс можно охарактеризовать как двусторонний динамический процесс, построенный на взаимодействии автора и читателя, подчиненный определенным правилам, принятым в данном лингвокультурном сообществе. Данная взаимосвязь просматривается в трех параметрах дискурса: во-первых, в лингвистическом, так как дискурс состоит из языковых единиц, грамматических структур и стилистических средств; во-вторых, в межперсональном, так как дискурс направлен на человека во вне – реального или потенциального; в-третьих, в культурном, так как дискурс является отражением различных видов деятельности и особенностей мышления, свойственных для определенной культуры [229, с. 92].

Вслед за Д. В. Плисак считаем, что внутри текста есть две разновидности художественной коммуникации: реальная и изображенная (вымышленная). Реальная коммуникация происходит по линии «автор – текст – читатель», а изображенная – воспроизводит непосредственное общение персонажей в тексте и выступает в роли аналога реальной коммуникации [230, с. 210]. Однако такой вид коммуникации рассматривается в качестве производного, вторичного, модифицированного явления.

Некоторые лингвисты убеждены, что язык персонажей в художественном произведении нельзя приравнивать к «живой» разговорной речи, характеризующейся спонтанностью, на том основании, что главной особенностью художественной речи считается авторское своеобразие и индивидуальность [264, с. 310]. Кроме этого, существует мнение, что индивидуальный стиль автора оказывает непосредственное влияние на степень идентичности разговорных ситуаций в художественном диалоге. Также, необходимо обращать внимание на различия коммуникативных

условий этих форм диалога, поскольку, очевидно, что внешние свойства диалога в реальной ситуации общения нельзя переложить на художественный диалог.

По наблюдению А. М. Баранова, диалог является едва ли не самой важной областью проявления языковых закономерностей, в которой отражается сложная картина взаимодействия коммуникантов [21]. Так, в художественном диалоге отображается непосредственный контакт коммуникантов в процессе общения. Основу персонажной речи художественных произведений составляет модель и опыт человеческого общения, поэтому коммуникативное взаимодействие действующих лиц структурируется так же, как и реальная коммуникация и выступает, по мнению Т. Ф. Плехановой, в роли ее аналога. Максимальное приближение художественного диалога к естественному осуществляется путем включения в текст описания невербальных аспектов коммуникации (мимики, движений, жестов и т. д.), который представляется в форме авторского рассказа, и является параллельным эмоционально-психическому состоянию коммуникантов. Тем самым, создается эффект виртуального видения всех атрибутов диалога [229].

В. И. Лагутин утверждает, что специфика персонажной речи в том, что она не является высказываниями персонажей в ситуации общения. В данном случае человеком, производящим высказывание, является автор произведения, который создает речь персонажей в соответствии с собственным опытом реального общения [159]. В то же время, высказывания персонажей не являются готовым образцом повседневного общения, поскольку персонажная речь учитывает законы художественной литературы в целом и языка художественного произведения, в частности [48]. Иными словами, диалогу, изображенному в художественном произведении, свойственен двойственный характер, так как предполагается, что диалогическая речь всегда построена по аналогии с живой речью, но обработана автором произведения.

Ряд языковедов, в том числе Т. А. Милёхина, утверждают, что художественный диалог в произведениях выступает «концентрированным отображением характерных признаков живой разговорной речи». По мнению исследовательницы, одной из главных задач автора художественного произведения является правдивое изображение ситуаций из жизни, что автоматически приводит к максимальному сближению художественного диалога и разговорной ситуации в реальной жизни. Исходя из этого, художественный диалог можно определить, как специфическое языковое явление, стоящее между устной и письменной формами языка, между разговорным языком и художественным стилем [178].

Ю. С. Старостина рассматривает персонажные диалоги в драме как аналог стилизованной разговорной речи, которая в рамках художественного произведения подверглась письменной обработке и, в результате, потеряла определенные особенности произношения, индивидуальный темп, ритмику, свойственные разговорной речи. Поэтому, по мнению лингвиста, стилизованную разговорную речь безусловно стоит отнести к вторичным и модифицированным явлениям [274, с. 15].

Согласно мнению некоторых зарубежных лингвистов (D. Burton [346], E. Hess-Luttich [356]), художественному диалогу характерны те же свойства, что и для естественной разговорной речи, так как персонажи художественных произведений коммуницируют в рамках прагматической ситуации, равнозначной разговорному дискурсу. Поэтому целесообразно, изучать художественный диалог не только в аспекте авторского общения с читателем, а также как вариант разговорного дискурса.

Рассматривая диалогическую и монологическую речь персонажей как источник материала исследования, отметим, что изображенная речь персонажей отражает фрагменты их картины мира, их точку зрения на изображаемую действительность. Иными словами, персонаж художественного текста выступает носителем и пользователем

«присвоенного» языка (термин Ю. С. Степанова), «создателем текстов, отражающих его индивидуальную картину мира» [275].

Обращение к персонажу как к своеобразной «модели человека» отмечается в целом ряде научных работ [71; 110 и др.] В этих работах персонажу принадлежит статус относительно самостоятельной личности, поскольку с помощью литературного героя автор выражает свое видение человека и его особенностей. Исходя из этого, возможно предположить, что литературный герой является моделью реального человека [71, с. 5].

Персонажей художественного произведения мы рассматриваем, вслед за Ю. Н. Карауловым, в качестве модели языковой личности, которая говорит и слушает, думает и действует в воображаемом мире, созданном автором текста [108]. К. Ф. Седов также отмечает, что художественный дискурс выступает отражением особенностей языковой личности и имеет интерактивную структуру, проявляется во взаимодействии его актантов, их диалоге. В художественном диалоге отображается непосредственный контакт коммуникантов в процессе общения, поэтому возникает возможность наблюдать личность в совокупности с комплексом ее мотивов, установок, навыков, ценностей, убеждений [249].

Содержание и структура любой коммуникации определяется ценностными ориентирами, нормами и идеалами коммуникантов, поскольку они оказывают существенное влияние на совершение речесихических действий как в плане мотивации, так и в плане содержания [262]. Человек как субъект речевой деятельности воспринимает и осмысливает мир вокруг, оценивает речевые факты в своей повседневной речевой практике.

Что касается ценностей, то необходимо различать коллективные и индивидуальные ценности. Коллективные ценности отражают опыт жизнедеятельности определенной социальной общности, а индивид как представитель этого лингвокультурологического сообщества, берет их за основу в процессе собственного оценивания. Индивидуальные ценности являются личным отображением коллективных ценностей, то есть

результатом их интерпретации личностью в силу индивидуального восприятия действительности, социальной принадлежности, гендерных, возрастных и морально-культурных особенностей [183].

Для выражения оценочного отношения в художественном дискурсе, кроме социолингвистического и лингвокультурологического аспектов высказывания, большое значение имеют индивидуальные экстралингвистические характеристики субъекта. К таким характеристикам относятся: определенное отношение к объекту, психические особенности субъекта, его социальный статус, профессиональные навыки, возрастные параметры, даже настроение в конкретный момент реализации оценки. Важно, что во время коммуникативного взаимодействия индивид пытается найти наиболее адекватный режим передачи и восприятия информации, поскольку существуют разные способы выражения одного и того же смысла. Выбор адекватного коммуникативного поведения зависит от целого ряда социально-психологических и коммуникативно-прагматических факторов, предопределяющих общение.

Гендерный параметр языковой личности является фактором социальной детерминации индивида и заметно влияет на восприятие им ценностной картины мира и, как следствие, на ее объективацию в речевом поведении. По мнению лингвистов, гендер – это социальный конструкт, набор характеристик, определенных культурой общества, который идентифицирует социальное поведение мужчин и женщин, а также отношения между ними [30].

Гендер выступает компонентом коллективного и индивидуального сознания, что проявляется в существовании определенных стереотипов поведения в процессе коммуникации. О. Л. Бессонова отмечает, что гендерные стереотипы отражают совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, свойственных представителям разных полов в рамках данной культуры [30]. Гендерная стереотипизация, по мнению А. В. Кирилиной, фиксируется на всех уровнях языка, а также тесно связана с формами выражения оценки [116].

В фокусе данного исследования находятся контексты речевого взаимодействия персонажей художественного текста – адресанта (говорящего) и адресата (слушающего), а также монологическая речь персонажа, характеризующаяся прагматическим потенциалом. При этом адресант продуцирует высказывание в определенной коммуникативной ситуации, на основе общей с адресатом денотативной ситуации, принимая во внимание свои интенции, эмоции, оценки. Для полноты исследования необходимо учитывать существующие психологические отличия между мужчинами и женщинами, дифференцировать гендерные роли персонажей, а также учитывать гендерные стереотипы коммуникативного поведения, которые существенно влияют на речепорождающую и оценочную деятельность.

Таким образом, художественный дискурс создается автором для передачи информации читателю и для коммуникативного взаимодействия с ним, а с другой стороны, в художественном дискурсе отображается общение персонажей, с помощью которого изображается картина мира и ценностные реалии определенной эпохи.

1.6 Характеристика материала исследования. Методы его анализа

Основополагающей для нашего исследования является антропоцентрическая парадигма, которая, по мнению В. А. Масловой, «позволяет охватить не только когнитивную лингвистику, но и лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, психолингвистику и другие области, в центре которых состоит человек» [171, с. 10].

Современная наука о языке основывается на антропоцентрическом подходе, который позволяет раскрыть содержательную сторону языка в значительной степени, учитывая роль человека в формировании языковых смыслов и значений, в определении выбора конкретных языковых средств их передачи [44, с. 55]. В ракурсе данной научной парадигмы, представление о человеке является точкой отсчета всех лингвистических исследований, а

язык выступает продуктом культуры, ее важной составляющей и условием существования, а также как фактор формирования культурных кодов.

В современных лингвистических студиях также прослеживается устойчивый интерес к изучению функциональной стороны языка, поскольку «адекватное познание языковой системы возможно только в ходе ее непосредственной реализации» [154]. Функционализм в лингвистике позволяет исследовать язык как совокупность языковых единиц, смысл которых объективируется в актах коммуникации.

Любое художественное произведение трактуется как продукт творческого процесса, «существует в виде набора языковых знаков, зафиксированных на бумаге, что определяет его следующие свойства: спонтанность сообщения и установка на долгосрочное пользование» [48, с. 36]. Художественные произведения представляют собой образное отражение действительности, причем характер восприятия картины мира обусловлен «эмоционально-смысловой доминантой», которую В. П. Белянин определяет, как «систему когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности, служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [27].

При этом И. Р. Гальперин также отмечает, что основной функцией стиля художественной речи является создание чувственного восприятия действительности средствами образно-эстетичной трансформации языка [68]. Иными словами, главное предназначение языка художественных произведений состоит в отражении эпохи путем использования языковых средств. Необходимо помнить, что в художественном тексте передается не только личная информация, но и социальная, поэтому он воссоздает духовно-национальные потенции.

Именно язык дает возможность человеку выразить свое отношение к окружающему миру в наиболее яркой и образной форме, т. е. выразить свою оценку. Являясь антропоцентрической категорией, оценка направлена на отражение ценностной сущности предмета или явления, с точки зрения

взглядов, интересов лица или социума в целом [342, с. 78]. Оценка, по своей сути, является социально закрепленным явлением, так как напрямую зависит от норм, принятых в том или ином обществе или социальной группе в определенный временной период.

На этапе современного развития языкознания также возникает тенденция к исследованию проблем, связанных с раскрытием природы языковых явлений в диахроническом аспекте для установления векторов их развития и направлений эволюции. Указанное выше полностью соотносится с изучением категории оценки в англоязычном художественном дискурсе.

Данная работа выполнена на стыке таких направлений современной лингвистики как аксиология, прагмалингвистика, гендерология и коммуникативная лингвистика, что обуславливает полипарадигмальность данного исследования, предполагающего всесторонний анализ ОВ с учетом разных парадигм знаний.

Подготовительный этап предусматривает изучение современного состояния исследований категории оценки, художественного дискурса как сферы функционирования ОВ, уточнение терминологического аппарата исследования, выбор художественных текстов исследуемых периодов.

Корпус эмпирического материала исследования составляют 6113 контекстов с ОВ, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных художественных текстов XIX и XX веков объемом 7200 страниц (3600 страниц – XIX век, 3600 страниц – XX век). Количество контекстов с ОВ в художественном дискурсе XIX века составляет 3978, а в художественном дискурсе XX века – 2135. Такое количественное отличие свидетельствует о бóльшей частотности ОВ в художественном дискурсе XIX века.

Отбор эмпирического материала исследования проводился с учетом следующих критериев:

1. Семантический план содержания высказываний составляет оценка, которая интерпретируется как «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший / плохой» [62, с. 5-6]. Так, в примере (20) *Wicked and cruel*

boy! I said [380, p. 5] субъектом оценки является говорящий, который вербализуется в контексте ОВ с помощью личного местоимения *I*. Объектом оценки является мальчик, а именно его поведение / поступок, который оценивается СО негативно с помощью оценочных прилагательных *wicked* и *cruel*.

2. Высказывание характеризуется прямой узуальной оценкой, то есть оценочная сема (позитивная (см. пример (21)) или негативная (см. пример (22)) является ингерентной частью денотативного или коннотативного значения ОП

(21) *Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell* [391, p. 106].

(22) *I've just seen a news item that's come over Reuters. He's been killed in a local rising in Haiti. 'Really? How awful!* [395, p. 16].

3. Лексическая единица оценочной семантики находится в предикативной позиции и приписывается субъектом согласно смысловым задачам высказывания ((23) *He was a splendid listener, sympathetic and reticent about himself* [387, p. 61]

4. Инвариантным компонентом синтаксической структура ОВ является глагол-связка (*to be, to look, to seem* и др.), который стоит перед именной частью ОВ и служит сигналом, предупреждающим, что релевантная информация содержится в следующем компоненте высказывания. Кроме того, связка своей грамматической форме и семантике уточняет значимость именного компонента, актуализирует в нем значение предикативного признака (см. пример (25) *Maxim glanced up from his letters. 'What sort of job have they made of the east wing?' he said. Very nice indeed, sir, it seems to me* [393, p. 29]).

5. ОВ представляет собой часть монологической (см. пример (26)) или диалогической речи (см. пример (27)) персонажей художественных произведений, то есть характеризуется прагматическим потенциалом и воплощает в себе воздействующую функцию языка.

(26) *'It was never bewitching,' she said, laughing. 'It never could have been bewitching, Davy. Now I know it wasn't!'* [383, p. 9]

(27) *'Poor Maxim,' she thought: 'he went through a ghastly time, and I hope he will forget about it.'* [393, p. 47]

6. Объем ОВ иногда не вписывается в рамки одного или нескольких предложений, потому что оно квалифицируется в рамках коммуникативной ситуации, то есть высказывания не ограничивается в аспекте языковой выраженности и находит свою логическую завершенность в достижении коммуникативной цели. Кроме того, ОВ возможно адекватно интерпретировать исключительно в рамках контекста, в котором они продуцируются и актуализируются, так как их интерпретация, как правило, требует уточнения и пояснения оснований или позиций, с которых дается оценка, а также знания общего фона коммуникации, ситуативного контекста.

Выводы к главе 1

1. Оценка – универсальная понятийная категория, которая изучалась долгое время только в свете логики, философии и формальной аксиологии как положительное или отрицательное свойство предмета с признанием или непризнанием его ценности. В современных лингвистических студиях категория оценки стала значимым объектом таких лингвистических направлений как когнитивная лингвистика, лексическая семантика, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика, функциональная семантика и дискурсология.

2. Большинство лингвистов трактуют оценку через логико-философское понятие ценности, так как именно система ценностей составляет и обуславливает сущность жизни человека в мире. Вслед за А. А. Ивиным считаем, что ценность – это позитивная или негативная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, детерминируемая не их свойствами, а степенью их вовлеченности

в сферу жизнедеятельности человека, его интересами, потребностями, социальными отношениями.

3. Под категорией оценки в работе понимается субъективно-объективное или объективно-субъективное отношение субъекта к объекту, представленное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно (А. В. Кунин). В данном исследовании оценка рассматривается как антропоцентрическая категория, ориентированная на отражение ценностной сущности человека и его характеристик, а также объектов окружающей действительности в художественном дискурсе двух исследуемых исторических периодов, с точки зрения взглядов, интересов оценивающего субъекта или группы субъектов. Эмотивность, экспрессивность, интенсивность, градуальность, модальность – лингвистические категории, которые не зависят друг от друга, но тяготеющие друг к другу и связанные с оценкой.

4. Средства выражения оценки имеют некоторые различия, что связано, во-первых, с индивидуальностью, этноспецифической и ментальной принадлежностью говорящего, а также с оценочными стереотипами присущими определенной языковой картине мира, которые детерминируют прагматический характер оценки. Ценностная ориентация субъекта проявляется в продуцируемых им оценочных суждениях, речевые элементы которых содержат оценочные смыслы.

5. ОВ является одним из способов реализации оценочного значения и в свете функционально-коммуникативного подхода определяется как интенционально обусловленное, грамматически и семантически и организованное речевое образование, с помощью которого субъект выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации. ОВ отождествляется с оценочным РА на том основании, что любое ОВ отражает пропозициональное содержание РА.

6. ОВ, лежащее в основе РА оценки, имеет определенную структуру, которую можно представить в виде модальной рамки, включающей базовые и факультативные элементы. К базовым элементам относится СО, ОО, а также

ОП, посредством которого выражается положительное или отрицательное оценочное значение. Для правильной интерпретации оценочных РА нужно учитывать не только пропозициональное содержание ОВ, посредством которого оно реализуется, но и его иллокутивную силу – интенцию говорящего и декодируемую адресатом. Исходя из этого, эффективность коммуникации зависит не только от содержания речевого сообщения, от коммуникативной ситуации, но и от участников речевого акта – адресанта (говорящего) и адресата (слушающего).

7. Понятие дискурса и текста тесно связаны, они существуют в совокупности в рамках реального речевого произведения. Текст – это сторона речевого произведения, ориентирована на язык (лингвистическая сфера), а дискурс – направлен на мир (экстралингвистическая сфера). В дискурсе отчетливо проявляется личность адресанта, его убеждения, эмоции, оценки, намерения, в то время как в тексте эти параметры вербализируются. Дискурс – ориентирован на концептуальную сферу речевой деятельности, в то время как текст – на вербальную. Иными словами, дискурс рассматривается как текст в совокупности с коммуникативно-прагматическими условиями его реализации, то есть он определяется культурно-историческим и социальным контекстом. В силу традиции художественный дискурс отображает способ познания и квалификации мира представителем определенного общества. Благодаря совокупности изобразительных и выразительных средств художественный дискурс является эффективным способом описания мировоззрений и универсалий культуры социума в определенный исторического период.

8. Художественный дискурс отражает правила коммуникативного поведения и дискурсивные практики, характерные для определенного лингвокультурного сообщества на том или ином этапе развития. Поэтому динамические изменения особенностей художественного дискурса как сложного коммуникативного образования в значительной степени обусловлены его связью с социокультурным контекстом функционирования.

Художественный дискурс, являясь отражением художественной коммуникации и одним из способов ее реализации, отображает способ познания и переживания мира представителем определенного лингвокультурологического сообщества, отражает универсалии культуры определенного исторического периода, которые можно установить и описать с помощью диахронического анализа. Диахронический подход к исследованию оценки в художественном дискурсе позволяет не только проследить эволюцию языковых средств, реализующих эту категорию, но и установить изменения в ценностной картине мира представителей лингвокультурного сообщества в изучаемый период.

9. Контекстом, который раскрывает содержание ОВ, является художественный диалог, выступающий в роли аналога реальной коммуникации, с помощью которой изображаются ценностные реалии определенной эпохи. Субъектами художественного диалога являются персонажи – «властители и пользователи присвоенного языка». В нашем исследовании считаем возможным рассматривать персонажей художественного произведения в качестве отдельных языковых личностей, которые осуществляют свою познавательную, коммуникативную и оценочную деятельность в воображаемом мире, созданном автором текста. Все персонажи имеют определенный социально-культурный статус, наделены биолого-физиологическими и психологическими характеристиками, что, безусловно, влияет на продуцирование и восприятие ОВ. Важным фактором, влияющим на коммуникативное поведение, восприятие ценностной картины мира и ее объективация в речевом сообщении, является гендерный параметр. В данном исследовании гендер, вслед за А. В. Кирилиной, понимается как социальный конструкт, который идентифицирует социальное поведение мужчин и женщин, а также отношения между ними

10. Основными критериями отбора эмпирического материала являются функционирование ОВ в монологической или диалогической речи персонажей

англоязычных художественных текстов XIX–XX веков и нахождение лексической единицы с оценочной семантикой в предикативной позиции по отношению к глаголу-связке (*to be, to seem, to look*) в структуре ОВ. Объем контекста, в котором функционирует ОВ, иногда не вписывается в рамки одного или двух предложений, потому что высказывание квалифицируется в рамках коммуникативной ситуации и контекст находит свою логическую завершенность в достижении коммуникативной цели. Методика анализа ОВ базируется на использовании методов описательного, контекстуального, гендерного, сопоставительного, лингвокультурологического, количественного анализа.

Основные положения главы отражены в публикациях автора [203; 204; 205; 206; 210; 212].

ГЛАВА 2

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX–XX ВЕКОВ

В настоящей главе производится классификация оценочных высказываний по их тематике, характеру оценки, а также по семантическому типу оценочного значения в высказывании, исследуется структура оценочного высказывания и устанавливаются синтаксические модели оценочного предиката, осуществляется классификация субъекта и объекта оценки, а также описываются средства их реализации в художественном дискурсе.

2.1 Тематика оценочных высказываний

Особенностью художественной речи как коммуникативного произведения, имеющего эстетическое значение, является ее антропоцентризм, культурологическая значимость и возможность воплощения в образном виде моделируемой автором особой художественной картины мира.

Любой художественный текст можно определить, как коммуникативно-направленное произведение, обладающее своей уникальной эстетической ценностью и отличающееся своим своеобразием. Оригинальность художественного текста заключается в его культурологической значимости, антропоцентричности и способности воплощать в образной форме особую художественную картину мира, моделируемую автором. Поэтому в художественном произведении всегда отражается ценностный мир национальной культуры с ее историческими особенностями, некий присущий лишь этой культуре образ.

Ценностный мир любой национальной культуры отражается в особом виде ментальности, характерном для каждой нации, и существует как объективная реальность [334]. Под ментальностью, вслед за А. Я. Гуревичем,

в работе понимаем «не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [81, с. 59]. Иными словами, ментальность отражает вкусы, интересы, привычки, коллективные стереотипы и шаблоны, включая ценностные ориентиры и предпочтения.

Языковая оценка направлена на человека и зависит от его индивидуальных экстралингвистических и лингвистических свойств, которые во многом обусловлены социально-культурологическими факторами, которые являются достаточно динамичными и изменяются во времени. Непостоянство социальных норм способствует изменчивости ценностной картины мира и, как следствие, характера и основания оценочных суждений.

Очевидно, что в языке художественных текстов ценностная картина мира воссоздается с помощью взаимосвязанных оценочных суждений, которые соотносятся с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепризнанными суждениями здравого смысла в определенный период развития лингвокультурного сообщества [106]. Для анализа динамики ценностей в картинах мира двух исследуемых периодов обратимся к тематической характеристике ОВ, которая наглядно отражает интересы и стереотипы общества двух периодов.

Оценка, по своей сути, является человеческой категорией, т.к. она тесно связана с человеком и затрагивает его психическую, физическую и социальную природу, а также соприкасается со всем тем, что так или иначе связано с конкретным человеком или его сущностью. Кроме этого, в сферу оценки попадают все аспекты действительности, которые отражают интересы человека и в определенной степени нужны ему.

Анализ ОВ, представленных в художественном дискурсе XIX–XX веков, позволил выделить две тематические области, на которые направлена оценка персонажей рассматриваемых художественных произведений, а именно сфера «Человек» и сфера «Окружающий мир» (см. табл. 2.1).

**Тематические области ОВ в англоязычном художественном дискурсе
XIX-XX веков**

№	Тематическая область	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Человек	2864	72	1388	65
2.	Окружающий мир	1114	28	747	35
	<i>Всего</i>	<i>3978</i>	<i>100</i>	<i>2135</i>	<i>100</i>

Из таблицы 2.1 видно, что в художественном дискурсе XIX–XX века преобладают ОВ, вербализирующие тематическую область «Человек».

Рассмотрим данные тематические области ОВ подробнее.

2.1.1 Тематическая область «Человек»

Среди ОВ, функционирующих как в XIX, так и в XX веке преобладает тематическая область, связанная с человеком и его особенностями. К этой группе относится 2864 контекста, отобранных из художественных текстов XIX века, (72% от всего корпуса эмпирического материала исследования) и 1388 контекстов из XX века (65% от всего корпуса эмпирического материала исследования).

ОВ, относящиеся к тематической области «Человек», разделяются, в свою очередь, на 11 групп, которые соотносятся с основными характеристиками человека как индивида, обладающего определенными социально-культурными и психологическими характеристиками: «внешность», «характер», «способности», «поведение», «профессиональная деятельность», «материальное положение», «статус», «здоровье», «эмоциональное состояние», «развлечения/занятия», «межличностные отношения» (см. табл. 2.2).

Количественная характеристика ОВ, репрезентующих тематическую область «Человек» в художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Тематическая группа	Период		XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%		
1.	Характер	1260	44	305	22		
2.	Внешность	601	21	250	18		
3.	Способности	287	10	139	10		
4.	Поведение	286	10	362	26		
5.	Межличностные отношения	143	5	41	3		
6.	Развлечения / занятия	97	3,4	28	2		
7.	Эмоциональное состояние	66	2,3	90	6,5		
8.	Материальное положение	43	1,5	60	4,4		
9.	Здоровье	34	1,2	18	1,3		
10.	Статус	29	1	28	2		
11.	Профессиональная деятельность	18	0,6	67	4,8		
	Всего	2864	100	1388	100		

Из таблицы 2.2 видно, что в художественном дискурсе XIX и XX века набор тематических групп совпадает, однако, их продуктивность обнаруживает различия в двух исследуемых периодах.

Тематическая группа «характер» является наиболее многочисленной в художественном дискурсе XIX века (1260 контекста или 44% в общем корпусе ОВ тематической области «Человек») и заметно преобладает по сравнению с другими тематическими группами. Необходимо отметить, что часто характер персонажей оценивается с помощью положительно-оценочных прилагательных типа *good-humored, kind, amiable, friendly, agreeable* и др., а негативная оценка характера маркируется негативно-оценочными прилагательными типа *selfish, heartless, arrogant, conceited* и др.

Данный факт свидетельствует о том, что в художественном дискурсе XIX века внимание сосредотачивается на личности и ее умении взаимодействовать со средой и законами того времени.

В художественном дискурсе XX века тематическая группа «характер» также является самой продуктивной (305 контекстов с ОВ), хотя в процентном соотношении (22%) она в 2 раза уступает выше рассмотренной аналогичной тематической группе (44%). Такая тенденция говорит о том, что черты характера индивида постепенно утрачивают, очевидно, свою значимость для общества XX века.

Анализ корпуса эмпирического материала показывает, что для XX века более значимой тематической группой становится «поведение», в которой отражается взаимосвязь человека и общества, проявляется борьба индивидуальных и общественных ценностей. Данная тематическая группа составляет 20% и значительно превосходит в процентном отношении аналогичную группу в XIX веке, которая составляет лишь 8% от эмпирического материала исследования. Интересно, что в XX веке часто встречаются ОВ типа (28) *You are such a flirt* [391, p. 213] или (29) *You damned swine* [385, p. 97], в которых приводится категоричная негативная оценка поведения человека, сопровождающаяся высокой степенью эмоциональности.

ОВ, принадлежащие группе «внешность», занимают второе место по продуктивности в XIX веке (601 контекст – 21%) и третье место в художественном дискурсе XX века (250 контекстов – 18%), что говорит о равной значимости этой категории для ценностной картины мира двух исследуемых периодов. Очевидно, что внешний облик собеседника привлекает внимание и инициирует оценку в процессе коммуникации: (30) *'You're extremely good-looking and extremely elegant; in yourself you're quite exceptional. You appear to have the vaguest ideas about your earthly possessions; but from what I can make out you're not embarrassed with an income'* [389, p. 234].

Вместе с тем, обнаруживаются определенные особенности в оценке внешности. Так, в художественном дискурсе XIX века характерно

оценивание внешности через призму возраста, например (31) *He knows that he is a very handsome young man, and a great favourite wherever he goes* [378, p. 33]. ОВ типа (31) часто встречаются в диалогах и монологах персонажей. Для ОВ художественного дискурса XX века является характерным оценивание внешности с помощью аффективных прилагательных типа *splendid, stunning, rotten, disgusting* и др., что свидетельствует о сиюминутном чувстве восторга или, наоборот, отвращения при виде собеседника, либо с помощью сравнений, например: (32) *You are beautiful as a Greek god* [387, p. 123].

В корпусе эмпирического материала XX века встречаются контексты, в которых дается детальная оценка внешности, вследствие этого внешность воспринимается как конструкт: (33) *Mouth too large, face too pudding, nose too fleshy. Thank God, I've got good eyes and good legs. Exquisite legs. ... Damn it all, I don't look so bad* [391, p. 55]. Однако в художественном дискурсе XIX века наблюдается уверенность в том, что неприятная внешность человек может компенсироваться социально важными чертами характера: (34) *Miss Campbell always was absolutely plain – but extremely elegant and amiable* [378, p. 80].

Для художественного дискурса XIX века также характерен повышенный интерес способностям индивида (287 контекстов – 10%), а именно к его умственным способностям, которые часто оцениваются в монологах и диалогах персонажей. Этот факт, очевидно, свидетельствует о высокой ценности этого качества в обществе того времени, так как ум и интеллигентность соотносились с моралью и моральным кодексом социальных отношений. Умственные способности в художественном дискурсе XIX века обычно оцениваются положительно с помощью прилагательных, типа *clever, intelligent* и др., в то время как в художественном дискурсе XX века чаще используются негативно-оценочные существительные *fool, idiot* и др.

В художественном дискурсе XIX века почти не встречаются высказывания, посредством которых оцениваются профессиональные навыки человека (18 контекстов с ОВ – 0,6%), хотя в художественном тексте детально описана жизнь представителей таких профессий как гувернантка или учительница. Зачастую в ОВ, где встречаются существительные, называющие профессию, человек оценивается по характеру (см. (35)) или, например, умственным способностям (см. (36)).

(35) *Miss Eyre has been ... a kind and careful teacher to Adele* [380, p. 232].

(36) *'Indeed', cried Rosamond, 'she is clever enough to be a governess in a high family, papa'* [380, p. 707].

В художественном дискурсе XX века возрастает доля ОВ, направленных на оценку эмоционального состояния (90 контекстов – 6,5%) в сравнении с художественным дискурсом XIX века (66 контекстов – 2,3%). Этот факт говорит о том, что в художественном дискурсе XX века укрепляется тенденция распознавания и оценивания эмоционального состояния, вызванного контактом индивида с обществом, который зачастую бывает негативным.

Проанализировав тематическую группу ОВ «развлечения / занятия», важно отметить, что в XIX и XX веке популярными являются разные занятия. В XIX веке, в основном, оцениваются такие творческие занятия как рисование, игра на пианино, пение, чтение, иногда ходьба и прогулки (например, (37) *Her performance on the pianoforte is exquisite* [379, p. 48], а в фокусе художественного дискурса XX века находятся разные разновидности спорта, а также рисование (например, (38) *The man of the monocle and bottle spoke suddenly out of the sky above Rosemary. 'You are a ripping swimmer.' She demurred* [385, p. 10].

Что касается других тематических групп, то они характеризуются почти одинаковой коммуникативной значимостью в художественном дискурсе исследуемых периодов и не имеют характерных особенностей, требующих описания.

2.2.2 Тематическая область «Окружающий мир»

К тематической области «Окружающий мир» относятся ОВ, отражающие оценку объектов и явлений, которые существуют независимо от оценивающего субъекта, но так или иначе влияют на его жизнь. Внутри данной тематической области выделены 10 подгрупп: «предметы обихода», «одежда», «еда / напитки», «строения / места», «природа», «погода», «период времени», «событие», «мероприятие», «ситуация».

ОВ, относящиеся к сфере «Окружающий мир», насчитывают 1114 контекстов (28% от всего эмпирического материала исследования) в художественном дискурсе XIX веке и 747 контекстов (35% от всего эмпирического материала исследования) в художественном дискурсе XX века (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

**Количественная характеристика оценочных высказываний,
репрезентующих тематическую область «Окружающий мир»
в художественном дискурсе XIX–XX веков**

№	Тематическая группа	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Строения / места	212	19	97	13
2.	Погода	178	16	23	3
3.	Мероприятия	145	13	82	11
4.	Период времени	134	12	67	9
5.	Природа	123	11	37	5
6.	Еда/напитки	89	8	30	4
7.	События	89	8	164	22
8.	Предметы обихода	67	6	53	7
9.	Одежда	44	4	45	6
10.	Ситуации	33	3	149	20
	Всего	1114	100	747	100

Из таблицы 2.3 видно, что набор тематических групп ОВ в художественном дискурсе XIX и XX века совпадает, но продуктивность этих подгрупп различается.

Количественный анализ показал, что в художественном дискурсе XIX века наибольшее количество ОВ (212 контекстов – 19%) относится к тематической группе «строения/места». Необходимо отметить, что в корпусе текстового материала XX века эта группа является также продуктивной и занимает третье место по количеству (97 контекстов – 13%). Персонажи художественных произведений часто оценивают красоту и удобства дома ((39) *'Great pleasure, ma'm. Charming house.' 'It is too large for me. I keep it on for my dear husband's sake. I know he would have wished--he wishes it so.'* [386, p. 85]), сада ((40) *'You garden smells so good and looks so pretty in the afternoon sunlight'* [381, p. 105]) или отдельной комнаты ((41) *What a stunning room this is!* [393, p. 7]), которые являются для англичан значимыми лингвокультурологическими концептами.

В художественном дискурсе XIX и XX веков отмечены случаи оценки не только единичных построек, но и городов, поселений, например: (42) *Thornfield is a pleasant place in summer, is it not?* [380, p. 475]. Повышенный интерес к оценке мест и строений может быть объяснен культом собственности, который существовал в английском обществе XIX века.

Тематические группы «события» и «ситуация» широко представлены в художественном дискурсе XX века и составляют 164 контекста (22%) и 149 контекстов (20%) соответственно. Продуктивность ОВ, входящих в эти группы, объясняется высокой вовлеченностью индивида в социальную жизнь и желанием оценить обстоятельства (см. (43)), в которые он попадает и события (см. (44)), происходящие вокруг него.

(43) *She had understood quickly that as the wife of the Government bacteriologist she was of no particular consequence. It made her very angry. "It's too absurd," she told her husband* [392, p. 12].

(44) *I'm not ashamed about last night – it was the nicest thing that ever happened to me and even if I never saw you again, Mon Capitaine, I would be glad it happened [385, p. 230].*

Интересным является тот факт, что в художественном дискурсе XIX века часто встречается оценка погоды, которая является значимым лингвокультурным концептом англоязычной картины мира. ОВ этой тематической группы занимают второе место по продуктивности (178 контекстов – 16%) в художественном дискурсе этого исследуемого периода. Материал исследования показывает, что погода имеет большое влияние на жизнь людей того времени, из-за нее могут срываться планы или мероприятия. Примером может служить контекст (45) *“It is the most severe and cold day today! He will not come.” – ‘Such a sad loss to our party today!’* [378, p. 58].

Среди ОВ, отобранных из художественного дискурса XIX века, значимой, с точки зрения частотности, является тематическая группа «мероприятия» (145 контекстов – 13%), которая подразумевает оценку различных светских мероприятий. Например: (46) *‘This is a luxury large party,’ – said she* [379, p. 412].

Таким образом, проведенное исследование помогло установить ценностно-ориентированные объекты оценки в обществе двух исследуемых периодов, а также описать тематику и частотность ОВ.

2.2 Характеристика оценочных высказываний по характеру оценок

Совершенно очевидно, что деление ОВ по аксиологическому характеру оценки выступает одной из важнейших классификаций. На основе аксиологического критерия оценочные значения делятся на положительное (мелиоративное) и отрицательное (пейоративное) [62]. Одобрение получают те действия или характеристики, которые имеют положительный статус, а неодобрение – те, которые вызывают негативное отношение в сложившемся социальном контексте.

Важным при анализе эмпирического материала исследования являлся этап разделения ОВ на положительные и отрицательные. Это позволило впоследствии рассмотреть изменения системного оценочного значения в речи и составить первичное представление о ценностной картине мира субъекта / субъектов высказывания в исследуемых периодах.

Однако, каждый объект окружающей действительности (вещь, человек, событие, факт и т. д.) характеризуется совокупностью аксиологически значимых свойств, которые невозможно однозначно определить по числу и составу. В процессе оценочной деятельности объект может рассматриваться субъектом как совокупность свойств, причем какие-то свойства, оцениваются положительно, а какие-то – отрицательно. В результате такой деятельности объект признается «хорошим» или «плохим», однако не до конца понятно, как соотносятся свойства, получившие разную аксиологическую характеристику между собой, и какой фактор является решающим для субъекта. Интересно, что в разных лингвокультурах обязательно сочетаются как общие, так и специфические для каждого общества качества, интерпретация которых возможна только с учётом данных о его истории, морали, традициях и т.д. [55; 97].

В работе уже упоминалось, что средством выражения оценки в структуре ОВ, составляющих корпус эмпирического материала исследования, являются существительные и прилагательные, семантическое значение которых включает один или несколько компонентов, выражающих оценочное отношение к объекту. Анализ оценочной лексики требует четкого понимания места оценочного компонента в семантической структуре значения слова. Так, если оценочный признак входит в денотат, то лексема признается оценочной, а если оценочный признак является коннотативной семой значения, то исследуемое слово квалифицируется как оценочно-коннотативное, то есть – с оценочной коннотацией [342].

Посредством метода контекстуального анализа и метода словарных дефиниций удалось выделить следующие группы ОВ, согласно характеру оценки (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4

Типы оценочного высказывания по характеру оценки в художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Период Тип	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Положительно-оценочный	1790	45	769	36
2.	Негативно-оценочный	1670	42	1131	53
3.	С комбинированной оценкой	518	13	235	11
	<i>Всего</i>	<i>3987</i>	<i>100</i>	<i>2135</i>	<i>100</i>

Согласно данным, представленным в таблице 2.4, в художественном дискурсе XIX века наблюдается более высокая частотность положительно-оценочных высказываний (1790 контекстов – 45%), хотя количественная разница данных ОВ невелика.

В художественном дискурсе XX века на первое место выходят высказывания с негативной оценкой (1131 контекст – 53%), которые заметно превосходят положительно-оценочные высказывания (769 контекстов – 36%), что связано с негативными социальными, политическими изменениями в обществе XX века. Представители этого периода становятся более критичными, конфликтными и эмоциональными.

Материал исследования позволил выделить группу ОВ с комбинированной оценкой (518 контекстов – 13% в художественном дискурсе XIX века и 235 контекстов – 11% в художественном дискурсе XX веке), в которых одновременно представлена как положительная, так и отрицательная оценка различных аспектов человека.

(47) *Miss Campbell always was absolutely plain – but extremely elegant and amiable* [378, p. 80].

Так, в примере (47) внешность СО оценивается негативно с помощью оценочного прилагательного *plain* в сочетании с интенсификатором *absolutely*, однако негативное отношение к внешности компенсируется за счет положительно отношения к ее характеру, вкусу и манерам, выраженного прилагательными *elegant* и *amiable* в сочетании с интенсификатором *extremely*.

Возвращаясь к анализу ОВ, принадлежащим, к двум более продуктивным группам, стоит отметить, что в качестве базовых индикаторов положительной и отрицательной типов оценки в работе были выбраны общеоценочные прилагательные *good* и *bad*, а также их синонимы, характеризующиеся разной аффективностью, эмоциональностью и стилистической нагрузкой.

(48) *As the story concluded Dohmler sat back in the focal armchair of the middle class and said to himself sharply, “Pleasant!”* [385, p. 192].

(49) *‘It’s dreadful, isn’t it? – What? Death?’* [392, p. 119].

В примере (48) используется общеоценочное прилагательное *pleasant*, которое выступает более эмоциональным синоним *good*, в то время как в примере (49) можно наблюдать общеоценочное прилагательное *dreadful*, которое является более аффективным синонимом *bad*.

Если объект оценивается по совокупности свойств и оценочный признак представлен в ОП словом с категориальной семантикой, то оценка является общей:

(50) *He was amazing! He seemed kind and charming – his voice promised that he would take care of her, and that a little later he would open up whole new worlds for her* [385, p. 25].

Если же оценивается только один аспектов объекта и оценочный признак выражен словом с дифференциальной семантикой, то имеем дело с частной оценкой:

(51) *Her talent of painting is quite exquisite* [394, p. 148].

Общеоценочным единицам свойственна информативная недостаточность, потому что они вербализуют результат аксиологический

анализа неназванных положительных и отрицательных признаков, т.е. представляют собой холистическую оценку (термин Е. М. Вольф). Поэтому общеоценочные предикаты могут использоваться без ограничений по отношению к любым типам объектов.

Информативная недостаточность часто компенсируется за счет описания объекта, отражающего основание и мотив оценки. Примером может служить контекст (52) *Thornfield Hall is quite a ruin: it was burnt down just about harvest-time. A dreadful calamity! Such an immense quantity of valuable property destroyed* [380, p. 617].

Смысловая неполнота общеоценочных предикатов предопределяется нестабильностью набора свойств объекта, которые подлежат оценке. Кроме этого, допустимое многообразие качеств объектов, высокая степень их изменчивости, отсутствие строгого набора свойств, соотносимых с эталонами и нормами, принятыми в обществе, значительно расширяют круг объектов, к которым можно применять общие оценки.

Частным оценкам, наоборот, не свойственна универсальность. По своей природе, частотно-оценочные предикаты классифицируются как номинативно-оценочные, так как в них оценочный признак сопряжен с дескриптивным, который, по сути, вербализируют логическое основание оценки: (53) *It's a shame! You penniless!* [380, p. 741]

В работах многих лингвистов, занимающихся проблемой классификации оценок [14; 62; 171;] отмечено, что если объект оценивается путем его сравнения с другими, то оценка признается сравнительной – (см. (54)), если безотносительно к другим – абсолютной (см. (55)).

(54) *Lizzy is not a bit better than others* [379, p. 7].

(55) *It was frantic folly to do so, Jane* [380, p. 796].

Абсолютные оценки являются проще по форме выражения, однако, они характеризуются сложной семантикой, так как всегда включают имплицитное сравнение с нормой, с эталоном, результат которого и вербализуется в оценочном суждении.

Данная классификация дает возможность говорить о структуре ОВ различного рода, и, в свою очередь, о различии в семантике, так как в абсолютной оценке имеется имплицитное сравнение и предполагается существование какой-либо пресуппозиции, которая связана с объектом оценки, определенного заранее сформированного представления о нем.

Необходимо заметить, что в языке существуют слова, обладающие социально закрепленной отрицательной или положительной оценочностью, признак которых может интенсифицироваться в большей или меньшей степени в определенном контексте. В таких случаях обычно речь идет об использовании стилистических синонимов, которые способствуют усилению или ослаблению эмотивности и экспрессивности, репрезентуемых ими признаков.

Интересно, что оценочные семантические поля противоположные по аксиологическому знаку могут накладываться, перекрывая друг на друга или существовать обособленно в речи. В случае, если субъект выражает принципиальную, не подлежащую сомнению и противоречию оценку, то мы имеем дело с категоричным оценочным суждением (см. пример (56)):

(56) "*Madness!*" she exclaimed. "You would not live three months there. I'm certain" [380, p. 796].

Однако, слова-деинтенсификаторы и слова-аппроксиматоры могут ослабить или нивелировать положительную оценку (см. (57)) или смягчить отрицательную (см. (58)).

(57) He is *rather* a good man [386, p. 245].

(58) It's *almost* hopeless to become a good actress [391, p. 205].

Анализ примеров, в которых ОВ не воспринимаются как категоричные, позволяет сделать вывод, что границы противоположных по знаку оценочных полей, могут быть достаточно размытыми и иметь четких границ, как в примерах с категоричной оценкой.

2.3 Семантические типы ОВ в художественном дискурсе XIX–XX веков

Для данного исследования принципиально важно определить соотношение эмоционального и рационального компонентов оценочного значения в сложной семантической структуре высказывания, а также сформулировать основные различия эмоционально-оценочных и рационально-оценочных высказываний в контексте, а также их соотношение в художественном дискурсе XIX–XX веков.

Семантическая специфика ОВ зависит от того, какое начало лежит в основе оценочного суждения об объекте, рациональное или эмоциональное [62]. Поэтому одним из значимых вопросов для аксиологии и теории оценок является определение первичного фактора в оценке. Эмотивисты считают, что эмоции являются первичными для оценки, так как они представляют собой непосредственную реакцию субъекта на событие, действие, и в результате определяют специфику оценки. Для объективистов свойственно полагать, в эмоциях скрыты суждения, и поэтому оценочное отношение и чувства определяются направленностью суждений о состоянии дел. Иными словами, изменение мнения влечет за собой смену эмоций.

На наш взгляд, умственная деятельность подразумевает взаимодействие эмоционального (чувственного) и рационального (логического) аспектов процесса квалификации действительности и вербализуется языковыми средствами в форме высказывания. В. М. Богуславский, считает, что главная функция акта оценки как специфического процесса познания является эмоциональное отношение к ОО [40, с. 21]. Иными словами, чувственность не отделима от процесса познания окружающей действительности и представляет собой источник тех знаний об объективном мире, на которых строится рациональное мышление.

Однако В. Н. Телия убеждена, что рациональная и эмоциональная виды оценок имеют тесную онтологическую связь, но в языковом выражении они относятся к двум семантическими противоположным полюсам. По мнению

исследовательницы, рациональная оценка связана с дескриптивным значением слова и являет собой мнение о ценности свойств объекта, обозначенных как объективная данность. Эмоциональная оценка, напротив, коррелирует со стимулом в той или иной «внутренней форме» (или форме «внешней»), включенный в языковую сущность (слово, текст и т. д.) [285, с. 32].

Следовательно, говорящий, продуцируя рациональную оценку, имеет намерение сравнить объект с определенными эталонами и нормами, и потом указать на соответствие или несоответствие этого объекта его представлениям. Рациональная оценка предполагает обращение к существенным характеристикам, которые определяют специфику оцениваемого объекта, в то время как, особенностью эмоциональной оценки является эмоциональная вовлеченность и впечатления говорящего, иными словами, переживание отношения к ОО. Поэтому эмоциональная оценка подразумевает не столько выявление реальных ценностных свойств объекта, сколько его субъективно-личностное восприятие [342].

Очевидно, что корреляция между рациональной и эмоциональной оценочными составляющими высказывания меняется в зависимости от ситуативного контекста, и поэтому дифференцировать два вида оценок почти невозможно. В связи с этим стоит отметить, что для языкового выражения оценки важен как рациональный, так и эмоциональный аспект, и, поэтому, разграничение чисто эмоциональных и чисто рациональных оценок является скорее условным.

Все же, анализ эмпирического материала исследования показал, что в семантике ОВ можно выделить более значимый компонент – эмоциональный или рациональный. Более того, эмоциональные и рациональные оценки имеют определенный набор лингвистических и экстралингвистических маркеров, которые помогают определить тип оценки в контексте.

Для начала, ОВ с более выраженным эмоциональным и рациональным компонентом можно противопоставить друг другу по параметру «субъективность – объективность». Эмоциональная оценка непосредственно

связана с индивидуальной позицией субъекта (см. (59)), в то время как рациональная оценка обусловлена, в большей степени, социальными стереотипами, общественно закрепленными нормами (см. (60)). Ср.:

(59) *What a brilliant man you are!* [382, p. 67]

(60) *Sometimes I think I'm the most selfish person in the world* [385, p. 127]

Степень предварительной обдуманности можно считать вторым параметром для отличия эмоциональной и рациональной оценок в художественном дискурсе. Эмоциональная оценка является ситуативной, так как возникает одновременно с реакцией на события, явления или факты, и обусловлена их реальными свойствами. Как утверждает Е. В. Луганская, эмоция – это одна из форм оценивания объекта окружающей действительности субъектом, и поэтому она отражает отношение субъекта к внешнему миру посредством проявления непосредственной реакции на внутренний или внешний раздражитель. В основе этого отношения лежит степень удовлетворенности субъекта и его потребностей, а не объективные свойства ОО [164].

Следовательно, эмоциональная оценка всегда имеет связь с ситуацией, в которой реализуется, и ее основанием является непосредственное «переживание» объекта: (61) *“What an emotional little thing you are,” he said, but he was pleased and touched to see her tears* [391, p. 34]. Таким образом, эмоциональная оценка является более прагматично ориентированной, так как именно эмоции определяют поведение говорящего в процессе коммуникации. Субъективный характер чувств связан с избирательностью восприятия окружающего мира.

Для высказывания рационально-оценочного типа, наоборот, свойственна высокая степень обдуманности, меньшая спонтанность, поскольку в основе таких оценок лежит заранее сформированное мнение об объекте, а не чувство, возникшее в момент речи. Например: (62) *He is very amiable, and I love him tenderly* [393, p. 24]

Эмоциональная и рациональная оценки предполагают различный перлокутивный эффект, функционируя в речевых актах, обращенных непосредственно к собеседнику. Если говорить о негативных эмоционально-оценочных высказываниях, которые часто возникают спонтанно, без предварительного обдумывания, то они не рассчитаны на определенный эффект:

(63) *'I don't know what you mean by that! I'm sure she'll see no harm in me but what you tell her. I'm better than he says, Miss Archer,' the Countess went on. 'I'm only rather an idiot and a bore.'* [389, p. 237].

В примере (63), говорящий, испытывая эмоциональное напряжение, пытается максимально выразить захлестывающие его эмоции, поэтому, скорее всего, не задумывается о встречной реакции партнера по коммуникации. Поэтому ситуация общения, в которой реализуется негативно-эмоциональное ОВ, характеризуется высокой степенью конфликтности.

Положительное эмоционально-оценочное высказывание всегда ориентировано на изменение эмоционального состояния партнера по коммуникации, и как результат, его хорошее расположение (см. пример (64) *"Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell." "Oh, thanks"* [391, с. 106]).

Главной особенностью негативно-оценочных и положительно-оценочных высказываний рационального типа выступает ее ориентированность на адресата, а именно воздействие на него: (65) *You are a very strange creature by a way of a friend! – always wanting me to play and sing before anybody and everybody* [379, с. 30]. Так, в примере (65) коммуникант, продуцируя негативно-оценочное высказывание, рассчитывает на определенную реакцию партнера по коммуникации (в этом случае, ОО) – будь то согласие с высказанной позицией или обоснованный контраргумент. Стоит отметить, что коммуникация в таких РА, как правило, строится по принципу речевого сотрудничества.

Иногда представляется сложным разграничить ОВ рационального и эмоционального типа, так как они основаны на органическом единстве эмоций и рационально-оценочных суждений. Вслед за С. С. Хидекель и Г. Г. Кошель [309] мы относим высказывания с таким типом оценочного отношения к эмоционально-рациональной (эмоционально-интеллектуальной) группе. Например: (66) *You are an angel* [388, с. 63].

Использование существительного *angel* в контексте (33) является ярким примером того, как слово с нейтральным денотативным значением ‘*a spirit who is believed to be a servant of God, and is sent by God to deliver a message or perform a task* [377] приобретает положительную оценочную коннотацию в контексте (‘*a person who is very good and kind*’ [377]). Суть семантической мотивированности состоит в сравнении двух объектов по общему для них признаку (в нашем случае, *доброта* и *чистота*), при этом признак не называется прямо, а выражается через образ-символ, который существует в языковом сознании представителей данного лингвокультурологического сообщества как воплощение этого признака.

Анализ корпуса языкового материала исследования свидетельствует о следующем соотношении типов оценки в англоязычных художественных текстах XIX–XX веков (см. табл. 2.5).

Таблица 2.5

Семантические типы оценочных высказываний в художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Период Тип	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Эмоционально-оценочный	1989	50	1388	65
2.	Рационально-оценочный	1591	40	534	25
3.	С эмоционально-рациональной оценкой	398	10	213	10
	<i>Всего</i>	<i>3978</i>	<i>100</i>	<i>2135</i>	<i>100</i>

В художественных текстах XIX–XX веков чаще представлены высказывания со значением эмоциональной оценки, причем их насыщенность возрастает в XX веке (с 50% в XIX в. до 65% в XX в.). Это объясняется, тем, что в диалогической речи персонажей оценка носит ситуативный характер, и, в большинстве случаев, направлена на изменение эмоционального состояния собеседника. Более широкая представленность эмоциональной оценки в художественном дискурсе XX века, объясняется личностно-ориентированным подходом в обществе, а также пристальным вниманием к эмоциональному состоянию отдельного человека. Кроме этого, ОВ эмоционального типа отличаются большей степенью категоричности и экспрессивности в текстах XX века.

Продуктивность ОВ рационального типа выше в художественном дискурсе XIX века (от 40% в XIX в. до 25% в XX в.), что объясняется существованием в обществе набора ценностей, основывающихся на строгом кодексе поведения и общения. Для рациональной оценки в художественном дискурсе XIX века характерна меньшая субъективность и категоричность, она мотивирована нормами и стандартами, закрепленными в обществе.

Эмоционально-рациональная оценка представлена равнозначно в художественном дискурсе исследуемых периодов (10% в XIX и XIX вв.).

Характеристики эмоционального и рационального типов оценки, описанные выше, выражаются определенными лингвистическими маркерами в англоязычном художественном дискурсе исследуемых периодов. Прежде всего, к такого рода маркерам принадлежат лексические и стилистические средства, являющиеся частью структуры ОВ.

Так, одним из особых свойств эмоциональной оценки является непосредственная реакция субъекта на ОО, поэтому ОВ эмоционального типа, в первую очередь, характеризуются использованием междометий и аффективных прилагательных. Это свойственно оценочным высказываниям обоих периодов: (67) *Ah, Fleur! You are such a buty!* [387, p. 19]; (68) *Oh, my dear! He is so excessively handsome* [379, p. 17].

Другим неотъемлемым свойством эмоциональной оценки является быстрая реакция коммуникантов, выражающая заинтересованность, возмущение, неприятие и т. д. к оцениваемому объекту, что выражается при помощи сочетания интенсификаторов, типа *so, such, very, how, quite* с ОП. Такой способ выражения эмоциональной оценки является одинаково продуктивным для художественного дискурса как XIX века, так и XX века: (69) *I always liked old George. He's so droll* [387, p. 194]; (70) *He is such a disagreeable man, that it would be quite a misfortune to be liked by him* [380, p. 23–24].

Необходимо отметить, что использование интенсификаторов, междометий и аффективных прилагательных позволяет наиболее полно передать эмоциональное состояние СО, а также в значительной степени увеличивает категоричность всего высказывания.

Эмоциональная оценка предполагает движение признака по оценочной шкале в сторону нарастания его степени, в то время как при рациональной оценке наблюдается движение признака в противоположном направлении. Поэтому ОВ, тяготеющие к рациональности, характеризуются использованием оценочных предикатов в сочетании с деинтенсификаторами, такими как *a bit, a little, almost*. Например: (71) *It would be a bit awkward for you to see her just this once now that Jon's father is dead?* [387, p. 244]; (72) *Lizzy is not a bit better than the others* [379, p. 7].

Еще одним средством выражения рациональной оценки, характерной для ОВ, функционирующих в художественном дискурсе XX века, является использование аксиологических предикатов мнения типа *to think, to suppose*, а также вводных конструкций *in my opinion, to my mind*. Таким способом не только снижается категоричность оценки, но и подчеркивается, что основанием рациональной оценки является мнение, а не переживание. Например: (73) *I think that woman's beautiful* [387, p. 20–21].

Для ОВ рационального типа, отобранных из текстов XIX века, на ряду с аксиологическими предикатами мнения, наблюдается также использование

вводных слов – *surely, certainly*, а также вводных конструкций *to be sure, for sure*. Тем самым еще больше снижается категоричность и субъективность высказывания. Например: (74) *You are over-scrupulous, surely* [379, p. 7].

Другим лингвистическим маркером оценочного высказывания эмоционального типа является определенная синтаксическая структура. Для выражения эмоциональной оценки в художественных текстах XIX и XX веков используются восклицательные предложения, подчеркивающие ситуативность оценки: (75) *Oh my dear! How marvelous!* [391, p. 175]; (76) *Her hair is so untidy, so blowsy!* [379, p. 44].

Еще одним средством выражения эмоциональной оценки является использование конструкций усеченного типа, в которых опущен или глагол связка, или ОО. Однако это характерно, в большей степени, для ОВ, функционирующих в художественных текстах XX века. Например: (77) “*You unsociable devil.” George’s eyes seemed to answer.* [387, p. 11].

ОВ эмоционального типа основаны на чувстве субъекта, вызванного ОО, и поэтому характеризуются субъективностью, спонтанностью и направлены на изменение эмоционального состояния собеседника. Основанием для рациональных ОВ является заранее сформированное мнение субъекта об объекте оценки, поэтому им свойственна объективность и обдуманность. Эмоционально-рациональной оценке присуще органическое единство эмоций и рационально-оценочных суждений.

В языковом материале исследования представлены все типы оценок. В художественном дискурсе XIX века количественная разница между ОВ эмоционального и рационального типа является незначительной (эмоциональная оценка – 50%, рациональная оценка – 40%). В художественном дискурсе XX века превалирует эмоциональная оценка (65%), тогда как рациональные ОВ составляют всего лишь 25%.

Каждый тип оценки выражен в художественном дискурсе исследуемых периодов присущими только ему лексическими и синтаксическими средствами. Предикат эмоционального ОВ выражается аффективным

прилагательным или существительным, прилагательным в сочетании со словом-интенсификатором, также иногда используются междометия. В рациональных ОВ предикат репрезентируется прилагательным в сочетании с деинтенсификаторами, собственно оценочная часть может вводиться аксиологическим предикатом. В отличие от рациональной, эмоциональная оценка часто вербализуется в восклицательных предложениях. Большинство элементов оценочной рамки эмоционального высказывания выражается имплицитно. Эксплицитно выражены в большинстве случаев только ОО и сам оценочный элемент. Рациональная оценка, как правило, объективируется с помощью полных распространенных предложений.

2.4 Структура оценочного высказывания

Любое высказывание имеет свою содержательную и грамматическую определенность и является минимальным отрезком, из которого строится реальная коммуникация (текст). ОВ соответствует следующей формуле: А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой [62]. Однако не всегда позицию оценивающего субъекта возможно идентифицировать, исходя только из лексического выражения оценки в ОП.

Для комплексного анализа структуры ОВ и установления корреляции между компонентами пропозициональной структуры оценочного предложения и передачи оценочного смысла в контексте ситуации, считаем необходимым установить структурные типы предложений, в которых реализуется оценочное отношение в художественном дискурсе.

Анализ эмпирического материала исследования показал, что оценочное отношение может быть выражено ОВ, представляющим отдельное простое предложение, а также ОВ, которое входит в состав сложного предложения (см. табл. 2.6).

В художественном дискурсе XIX и XX веков преобладают ОВ со структурой простого двусоставного предложения: (78) *That is surely an attractive trait* [392, p. 107], что составляет 45% в художественном дискурсе

XIX века и 63% – в художественном дискурсе XX века. Данный тип занимает ведущее положение в корпусе ОВ исследования двух исторических периодов, так как он отличается многообразием структурных моделей и неограниченными возможностями выражения оценочного смысла.

Таблица 2.6

Синтаксические типы оценочных высказываний в художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Тип	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Простой	1790	45	1345	63
2.	Сложносочиненный	597	15	256	12
3.	Сложноподчиненный	1591	40	534	25
	<i>Всего</i>	<i>3978</i>	<i>100</i>	<i>2135</i>	<i>100</i>

Среди простых двусоставных предложений большей частотностью отличаются повествовательные невосклицательные предложения, с помощью которых говорящий передает мелиоративную (см. (79)) или пейоративную (см. (80)) оценку объекта.

(79) *She seems a very pleasant young woman* [379, p. 49].

(80) *He was a devil, that boy* [385, p. 371].

В вышеуказанных контекстах оценка передается лексическими единицами *pleasant* (см. пример (79)) и *devil* (см. пример (80)), которые имеют положительно-оценочную или негативно-оценочную узуальную сему соответственно и определяют аксиологическую направленность ОВ. Однако, не всегда оценочную позицию субъекта возможно идентифицировать исходя только из лексического наполнения высказывания. Корректная интерпретация оценки зависит от всего комплекса лингвистических и экстралингвистических характеристик оценочного суждения, а именно от структуры предложения и контекста, в котором функционирует ОВ.

В первой части ОВ в контексте (81) *A handsome romantic girl, she'd been, but penniless* [379, p. 123] девушка характеризуется положительно, с помощью прилагательных *handsome, romantic*, но в целом ОВ имеет пейоративное оценочное значение из-за прилагательного *penniless*, которое для ценностных реалий общества XIX века имело резко негативное значение.

Добавим, что повествовательные восклицательные предложения используются в художественном дискурсе XIX–XX веков, чтобы подчеркнуть спонтанность и ситуативность оценки, например:

(82) *Oh my dear! How marvelous!* [391, p. 175];

(83) *Her gown is so untidy, so blowsy!* [379, p. 76].

Кроме повествовательных предложений, встречаются также вопросительные оценочные предложения, которые, в основном, выполняют определенную прагматическую функцию. Например, в контексте (84) *Is not she an angel in every gesture?* [378, p. 249] говорящий как бы вовлекает слушающего в разговор, ищет поддержки своего оценочного мнения. В примере (85) *She's extremely beautiful, Jane, isn't she?* [380, p. 417] используется разделительный вопрос, который снижает категоричность ОВ в целом.

Анализ эмпирического материала исследования показал, что простые предложения могут иметь усеченную (эллиптическую) структуру, в которых опущен или глагол связка, или объект оценки. В художественных текстах XX века такая синтаксическая структура свидетельствует о достаточно эмоциональной ситуативной оценке: (86) *"You unsociable devil." George's eyes seemed to answer.* [387, p. 11]; (87) *I had an acrostic once sent to me upon my own name, which I was not at all pleased. I knew who it came from. An abominable puppy!* [378, p. 193] Однако, в художественном дискурсе XIX века эллипсис может использоваться также для экономии времени и краткости при выражении рациональной оценки: (88) *I think you good, gifted and lovely* [381, p. 602].

ОВ могут выступать частью сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, имеющих различную синтаксическую структуру, которая

предопределяется намерением говорящего, ситуацией в целом, а также оценочным значением, которое реализуется.

Сложносочиненные предложения, имеющие в составе ОВ, составляют незначительную часть контекстов, функционирующих в художественном дискурсе как XIX века (15% от общей выборки), так и в XX века (10% от общей выборки). В таких предложениях ОВ соединяются с оценочными или неоценочными частями предложения, с помощью соединительных (например, *and* и др.) и противительных союзов (например, *but* и др.).

Необходимо отметить, что союз *and* присоединяет ОВ с одним и тем же аксиологическим знаком. Например, (89) *Miss Woodhouse was nicely dressed and her gown was remarkably elegant* [378, p. 234]. Но чаще, с помощью второго неоценочного предложения выражается мотивировка оценки, объясняется определенная коммуникативная ситуация или аргументируется ОВ: (90) *There was a filthy crowd and we had to wait on nearly every tee* [391, p. 136]; (91) *He is a very likeable young man and he gives people excellent advice* [385, p. 346].

Необходимо отметить, что сложносочиненные предложения, имеющие в структуре союз *but*, чаще всего отражают логику спора в аксиологическом контексте. Предметом такого спора выступает обсуждение достоинств и недостатков определенного ОО. В первой части такого предложения говорящий сообщает, что объект обладает определенными положительными или отрицательными свойствами, однако во второй части всегда вербализуется возражение (контрдовод). Например, если в первой части содержится положительная оценка объекта, то во второй части можно встретить указание на:

1) обесценивающее свойство: (92) *Jane Fairfax is a very charming young woman – but not even Jane Fairfax is perfect* [378, p. 146];

2) совмещение положительной характеристики с возможностью отрицательных последствий: (93) *He's a good fellow and a man of the world, but he'll curse me like a hell* [392, p. 77];

3) совмещение положительной и отрицательной характеристики одного или нескольких объектов оценки: (94) *I was a kinder friend than you deserved, but you were humble* [390, p. 191].

Насыщенность сложноподчиненных предложений, включающих ОВ, в художественном дискурсе XIX века выше, чем в XX веке (40% – XIX век, 25% – XX век), что объясняется общей тенденцией среди коммуникантов XIX века усложнять предложения, чтобы продемонстрировать свой интеллектуальный потенциал и уровень образованности.

Если ОВ является реализуется в главной части сложноподчиненного предложении, то оно относится ко всему содержанию предложения, например (95) *It was a burning shame that you acted in that way* [380, p. 501]. Придаточное предложение здесь соотносится с объектом оценки, а именно описывает ситуацию или событие, и не раскрывает содержание оценочного слова, не аргументирует его.

Однако анализ корпуса эмпирического материала исследования показал, что ОВ выступают частью придаточного предложения с функцией дополнения. Один из подклассов такого предложения является употребление оценочного придаточного предложения после аксиологических предикатов *think, suppose*: (96) *I think that woman's beautiful* [387, p. 21]. Аксиологические предикаты способствуют снижению категоричности ОВ и выступают маркером рациональной оценки, подчеркивая, что основанием ОВ является обоснованное мнение, а не сиюминутное переживание.

ОВ могут также может входит в главную часть сложноподчиненного предложения и находится в сопоставительных отношениях с придаточным, которое указывает на условие или время проявления качеств, свойств, названных в главном предложении: (97) *“Wasn't it enough to think of going to the Chênrière and waking you up?” she laughed. “Do I have to think of everything? – as Léonce says when he's in a bad humor. I don't blame him; he'd never be miserable if it weren't for me.”* [381, p.164]

Таким образом, ОВ по структуре может соответствовать простому двусоставному предложению или входит в состав сложносочиненного или сложноподчиненного предложения. Многообразие установленных типов структур ОВ демонстрирует, что тип оценки, по своей сути, не является независимым и всегда предопределяется структурой ОВ. К тому же, оценка является частью четко структурированного коммуникативного процесса, расставляет объекты по местам в ценностной картине мира, определяя их взаимодействие в художественном дискурсе.

2.5 Синтаксические модели оценочного предиката и особенности языковой репрезентации оценочного отношения в художественных текстах XIX–XX веков

Ключевым элементом сообщения, актуализируемого в процессе акта оценки, является ОП, который выражает оценочное отношение со значением ‘+’ или ‘–’, направленное не на комплекс квалификационных признаков оцениваемого объекта, а на один оцениваемый признак.

ОП относятся к предикатам состояния [275; 331] и выступают в контекстах с одним актантом, но все же характеризуются многовекторностью и возможностью ориентации на несколько параметров (критериев, мотивировок) оценки.

ОП в высказываниях, составляющих корпус эмпирического материала исследования, соответствует предикативу синтаксической структуры предложения / высказывания – аналитической категории, включающей глагол-связку, который соотносит высказывание с тем или иным временным срезом действительности, а также именную часть, ингерентным компонентом которой является оценочная сема.

Языковые средства выражения оценки весьма разнообразны, поэтому положительное или отрицательное оценочное отношение может быть выражено в структуре ОП с помощью отдельного слова или словосочетания.

Анализ эмпирического материала позволил выделить следующие синтаксические типы моделей оценочного предиката (см. табл. 2.7):

Таблица 2.7

Типы структурных моделей оценочного предиката в художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Период Тип модели	XIX в.		XX в.	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	С полной структурой	3680	92,5	1601	75
2.	С усеченной структурой	298	7,5	534	25
	<i>Всего</i>	<i>3987</i>	<i>100</i>	<i>2135</i>	<i>100</i>

Из таблицы 2.7 видно, что в корпусе эмпирического материала двух исследуемых веков преобладают ОВ с полной структурой ОП (в XIX веке – 92,5 от всего корпуса эмпирического материала, в XX веке – 75%), которая предполагает наличие всех структурных компонентов ОП, а именно глагола-связки и именной части, включающей оценочную сему. Например: (98) “*You’re a bully,*” – said McKisco. [385, p. 67]; (99) *Miss Temple is very good and very clever* [380, p. 57].

Однако особенностью диалогической коммуникации является опора на ситуацию независимо от лингвистических и экстралингвистических факторов, что является причиной недосказанности и ненужности экспликации всех структурных компонентов ОП. Так, иногда ОП может иметь усеченную модель, в которой отсутствует глагол-связка: (100) “*You a perfect fool!*” [392, p. 43]. В примере (100) представлена эмоциональная оценка, которая характеризуется ситуативностью, потому что основывается на сиюминутном чувстве, вызванным непосредственным переживанием объекта оценки.

Как показало исследование, продуктивность ОВ с усеченной моделью ОП значительно различается в художественных текстах XIX и XX веков (298 контекстов (7,5%) в XIX веке и 534 контекстов (25%) в XX веке), что

может свидетельствовать о большей эмоциональности коммуникантов в XX веке и подверженности резкой смене эмоций, а также общей тенденцией к сокращению длины реплик для оптимизации времени общения, обусловленного ускорением темпа жизни в XX веке.

Для выявления динамики оценочного значения и анализа прагматической направленности ОВ большое значение имеет систематизация языковых средств, способствующих выражению оценочного отношения в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков.

В ходе анализа ОВ, отобранных методом сплошной выборки из художественных произведений XIX–XX веков, были определены две основные группы средств выражения оценочного значения:

1) морфолого-семантические средства (прилагательные и существительные с оценочной семой в денотативном или коннотативном значении);

2) комбинированные средства (разные модели словосочетаний, выражающих оценку) (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8

**Средства языковой репрезентация оценочного отношения
в структуре ОП**

№	Средства	Период		XX в.	
		XIX в.		Кол-во	%
I.	Морфолого-семантические (всего)	2267	57	1494	70
1.	Оценочные прилагательные	1791	45	1150	54
2.	Оценочные существительные	476	12	344	16
II.	Комбинированные (словосочетания различной структуры)	1711	43	641	30
	<i>Всего</i>	<i>3978</i>	<i>100</i>	<i>2135</i>	<i>100</i>

Данные таблицы 2.8 указывают на то, что морфолого-семантические средства репрезентации оценочного отношения значительно превосходят в количестве комбинированные средства выражения в двух периодах, что подтверждает тот факт, что коммуникантам свойственно выбирать более простые средства выражения оценки, упрощая сложность языковой структуры и тем самым облегчая ее понимание собеседником.

Рассмотрим морфолого-семантические средства репрезентации оценочного отношения подробнее (см. табл. 2.9)

Таблица 2.9

**Морфолого-семантические средства языковой репрезентации
оценочного отношения в структуре ОП**

№	Период Средства	XIX в.		XX в.	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Оценочное прилагательное	1791	79	1150	77
2.	Оценочное существительное	476	21	344	23
	<i>Всего</i>	<i>2267</i>	<i>100</i>	<i>1494</i>	<i>100</i>

Как свидетельствует таблица 2.9, подкласс прилагательных является наиболее многочисленным среди морфолого-семантических средств выражения оценки в художественных текстах XIX–XX веков (79 % – в XIX веке, 77% – в XX веке), а также превосходит другие языковые средства выражения оценки в англоязычном художественном дискурсе. Так, в общем корпусе ОВ XIX века он составил 45% (1791 контекст с ОВ), а среди ОВ, отобранных из художественных текстов XX века, – 54% (1150 контекстов с ОВ).

Высокая номинативная плотность ОВ, имеющих оценочное прилагательное в структуре ОП, в англоязычном художественном дискурсе обоих периодов объясняется, прежде всего, специфическими чертами данного класса средств. Так, в семантической структуре качественных прилагательных в большинстве случаев присутствует оценочная сема. В результате, говорящий имеет возможность сообщить о своем оценочном

отношении с помощью лишь одной единицы с оценочной коннотацией. Причем, используя прилагательное, говорящий может не только выразить позитивную или негативную оценку, но и скорректировать степень экспрессивности или эмоциональности, то есть высказать определенные оценочные нюансы (Ср. примеры (101), (102), (103)).

(101) *After welcoming their sisters, they triumphantly displayed a table set out with such cold meat as an inn larder usually affords, exclaiming, “Is not this nice? Is not this an agreeable surprise?”* [379, p. 109].

(102) *‘I think he might have been rather nice,’ he said.* [389, p. 660].

(103) *“No! not at all. It never will be settled, if the ‘it’ is what I conjecture you mean. That will never be, Edith, so give up thinking about it.” “But it would be so nice for us all,” pleaded Edith.* [388, p. 67].

Необходимо отметить, что высказывания, включающие в себя оценочные прилагательные с пейоративными или мелиоративными семами, в ОВ, функционирующих в художественном дискурсе XX века, отличаются своей интенсивностью признака, но при этом находятся в рамках литературного языка. В целом такая тенденция свидетельствует о том, что коммуниканты двух исторических периодов стремятся соблюдать общественно принятые нормы речевого поведения и не использовать табуированные прилагательные или вульгаризмы. Однако, было установлено, что в художественных текстах XX века имеется тенденция с помощью ОВ не только выразить оценочное отношение к объекту, но и передать такие фоновые негативные эмоции, как ирония, насмешка, пренебрежение и т.д.:

(104) *Tom? A poor little snob. His only ambition in life is to be a gentleman, and he hasn’t the sense to see that the more he tries the more hopeless it is* [391, p. 273].

Иногда коммуниканты в художественных текстах как XIX, так и XX века прибегают к использованию оценочных прилагательных в превосходной степени, что увеличивает категоричность всего ОВ. Например:

(105) *You will know it all in time. The most unaccountable business! But hush, hush!* [378, p. 205];

(106) *I suppose he's far and away the most popular man in Hong Kong* [392, p. 107].

Кроме этого, прилагательные в ОВ могут быть частью таких сравнительных конструкций как (107) *We cannot suppose that she has any great enjoyment at the Vicarage, but it is better than being always at home* [378, p. 146] или (108) *I would not be so fastidious as you're* [379, p. 15], посредством которых коммуниканты передают менее категоричную, но более спонтанную оценку, так как формируют оценочное суждение во время коммуникации, а не делятся заранее сформированным представлением об объекте оценки.

Интенсивность оценочного признака может также быть скорректирована за счет использования вспомогательных средств – интенсификаторов и деинтенсификаторов с оценочным прилагательным. Интенсификаторы и деинтенсификаторы дают возможность говорящему изменять количество признака. При этом, интенсификация демонстрирует, что признак превосходит нормативную величину (см. пример (109)), в то время при деинтенсификации становится понятно, что признак меньше нормы (см. пример (110)).

(109) *'When I was twenty years old I was very highly developed indeed. I was working tooth and nail. You wouldn't be bored if you had something to do; but all you young men are too idle. You think too much of your pleasure. You're too fastidious, and too indolent, and too rich.'* [389, p. 23]

(110) *"Yo'll not be daunted if father's at home, and'll be a bit gruffish at first. He took a mind to ye, yo' see, and he thought a deal o' your coming to see us; and just because he liked yo' he was vexed and put about."* [389, p. 64]

Использование интенсификаторов (*too, so, very, most, just, absolutely* и др.) повышает экспрессивность, эмоциональность, а также категоричность ОВ. Необходимо отметить, что в художественном дискурсе как XIX, так и

XX века большинство интенсификаторы принадлежат литературному языку и являются неотъемлемым элементом структуры эмоциональных ОВ.

Однако, спектр интенсификаторов в художественном дискурсе XX века расширяется за счет использования таких табуированных слов как *bloody* в сочетании с негативно-оценочными прилагательными и *damn* – с прилагательными независимо от аксиологического признака.

Для художественного дискурса XIX века, напротив, характерно использование оценочных наречий для усиления значения позитивно-оценочного или негативно-оценочного прилагательного. В контексте (11) *I am brutally selfish, blindly unjust, or fiendishly ungrateful* [380, p. 740] говорящий оценивает себя с помощью негативно-оценочных прилагательных в сочетании с негативно-оценочными наречиями, чтобы показать всю горечь и глубину своих переживаний.

Необходимо отметить, что набор деинтенсификаторов (*pretty, a bit, almost, a little* и др.) в ОВ, функционирующих в текстах двух периодов практически совпадают.

В монологической и диалогической речи персонажей XX века слова интенсификаторы и деинтенсификаторы используются значительно чаще, чем в XIX веке. Этот факт можно объяснить стремлением коммуникантов по возможности снизить или повысить негативный / позитивный тон коммуникации посредством одного слова в определенной ситуации общения, долго не раздумывая и не подбирая оценочные прилагательные с более/менее аффективным или интенсивным оценочным значением.

Еще одним приемом усиления положительной (см. (112)) или отрицательной оценки (см. (113)), который зачастую встречается в англоязычном художественном дискурсе XIX века, является использование нескольких прилагательных для характеристики лица или объекта окружающей действительности, так называемый прием усиления.

(112) *There's young Mr. Kingston; he's a nice steady young fellow* [387, p. 149].

(113) *A shockingly ugly old creature miss; almost as black as a crock* [380, p 364].

В примере (113) также используется такой стилистический прием как сравнение, в котором уродливая внешность женщины описывается опосредованно, через образ-символ (*a crock*), существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака. Интересным является тот факт, что использование сравнения внутри ОВ является характеристикой художественного дискурса XIX века, что говорит о высокой образности речи коммуникантов данного исторического периода.

Из примера (114) *How improperly had she been acting by Harriet! How inconsiderate, how indelicate, how irrational, how unfeeling had been her conduct!* [378, p. 214] становится понятным, что комплекс негативных прилагательных вместе с наречием *how*, характеризующих поведение субъекта оценки по разным критериям, создает ситуацию явной конфронтации и психологического дискомфорта. Причем, использование негативных прилагательных (*inconsiderate, irrational, indelicate*), образованных с помощью негативного префикса от позитивно-оценочных прилагательных, говорит о сильном желании говорящего указать на несоответствие поведения героини стереотипам, бытующим в обществе. Таким образом, прием концентрации оценочных прилагательных является очень эффективным способом значительно повысить общую категоричность ОВ и выразить эмоции коммуникантов в полной мере.

Вторым морфолого-семантическим средством выражения оценки является существительное с оценочной семой, которое является наименее продуктивным в художественных текстах XIX–XX веков (12% от общего корпуса эмпирического материала XIX века, 16% – в XX веке). Эта тенденция объясняется тем, что в процессе диалогического общения говорящий прибегает к использованию оценочных существительных в основном для характеристики человека (адресата, третьего лица, субъекта оценки), часто под влиянием сильных эмоций и тех ассоциаций, которые

вызывает у него адресат. Анализ материала исследования показал, что в двух исторических периодах преобладают экспрессивно-окрашенные существительные с отрицательным денотативным или коннотативным значением, не выходящие за рамки литературного языка.

В примере (115) “*You are a bully.*” said McKisco. [385, p. 67] для прямой оценки адресата используется негативно-оценочное существительное *bully* в функции прямой номинации собеседника, что делает все ОВ более категоричным и экспрессивным. Однако иногда объектом оценки является третье лицо, не участвующее в разговоре: (116) *They say he’s like a mummy* [387, p. 11]. ОВ в примере (116) можно охарактеризовать как менее категоричное, так как говорящий как будто пересказывает оценочное отношение группы лиц (*they say*), мнение которых он просто разделяет. В примере (117) *I think you’re a genius* [391, p. 24] выражает позитивное взвешенное оценочное отношение к собеседнику с помощью оценочного существительного *genius*.

Для усиления значения оценочных существительных иногда могут использоваться такие интенсификаторы как *such, rather, quite* и др.: (118) *I was such a fool!* [380, p. 85], но такие примеры не многочисленны в художественных текстах XIX–XX веков. Следует отметить, что в художественных текстах XX века встречаются случаи употребления интенсификаторов, выходящих за рамки литературного языка, которые сочетаются с негативно-оценочными существительными, чтобы передать высокую степень эмоциональности и аффективности ОВ: (119) *They are god damn stinkers* [385, p. 346].

Отличительной особенностью выражения оценочного отношения в художественных текстах XIX века считается ОП, построенный по формуле *all* + положительно-оценочное существительное: (120) *You are all goodness, and I believe there will be need of even all your goodness to allow for some parts of my past conduct* [378, p. 227].

Интересной особенностью употребления оценочных существительных в художественном дискурсе XIX–XX веков является их широкое использование в функции обращений. В этом случае, оценочный смысл всего высказывания в процессе коммуникации перекладывается на обращение – обособленный член предложения. Например: (121) *I love you, my angel!* [392, p. 65]

Комбинированные средства выражения оценки в художественном дискурсе как XIX века, так и XX века характеризуются большой частотностью – 43% от всего количества выборки и 30% соответственно. Такого рода средства представлены разными моделями словосочетаний, где основную оценочную нагрузку несет в себе именно прилагательное или существительное.

Анализ эмпирического материала исследования позволил выделить следующие модели словосочетаний в предикате ОВ высказываний:

1) **Adj_{eval}** (+ **Adj**) + **N**: (122) *He is a very likeable young man, he gives people excellent advice.* [385, p. 346];

2) **Adj** + **N_{eval}**: (123) *He was really a young gentleman.* [391, p. 5];

3) **Adj_{eval}** + **N_{eval}**: (124) *I'm a trite commonplace sinner* [380, p. 351];

4) (**eval**) **N of (eval) N**: (125) *What a hell of nuisance it is that one can't go anywhere without people staring at once* [391, p. 99];

5) **as/not so Adj_{eval} as**: (126) *I would be not so fastidious as you're* [379, p. 15];

6) **as Adj_{eval} as a N**: (127) *You are fair as a lily, and not only the pride of my life* [380, p. 547];

7) **like a N**: (128) *Christ, the place is like a pig-stay* [392, p. 49].

Стоит отметить, что наиболее продуктивной моделью оценочного словосочетания в художественном дискурсе XIX–XX веков является ОВ типа *Adj + N*, структура которых может усложняться интенсификаторами или деинтенсификаторами.

В целом средства выражения оценки в структуре ОП весьма разнообразны. Абсолютными лидерами среди средств выражения положительной и отрицательной оценки как в XIX, так и в XX веке являются

морфолого-семантические средства, причем чаще всего для выражения оценки персонажи используют прилагательные. Как уже отмечалось ранее, эту тенденцию можно объяснить многообразием слов с внутренними (узуальными) оценочными семами в классе прилагательных. Это позволяет говорящему выразить свое положительное или отрицательное оценочное отношение ярко и лаконично. Кроме этого, морфолого-семантические средства, с помощью которых реализуется оценка в двух анализируемых периодах, схожи по своему качественно-количественному составу.

Важно отметить, что в каждой подгруппе насыщенность оценочного признака может регулироваться за счет использования вспомогательных средств – интенсификаторов и деинтенсификаторов, правильное применение которых позволяет коммуниканту не только высказать свое оценочное отношение, но и скорректировать степень категоричности и экспрессивности высказывания.

2.6 Типы субъекта оценки и средства его выражения в художественных текстах XIX–XX веков

ОВ свойственна сложная онтологическая природа, так как в одном отрезки речи следует отразить субъекта, объекта, характер и иногда основание оценки. Следовательно, классифицируя ОВ, следует учитывать экстралингвистические факторы, находящие отражение в их семантике.

Поскольку специфика единиц, выражающих оценку, во многом зависит от мировосприятия и мировоззрения СО – действующего, организующего центра акта оценки, при интерпретации ОВ, составляющий корпус исследования, необходимо учитывать субъектные характеристики.

Оценивая объекты окружающего мира, субъект опирается как на стереотипные, так и на нормативные представления о характере положения дел, бытующие в социуме, также и на общепризнанную шкалу оценок, в соответствии с которыми ранжирует признаки, присущие оцениваемому объекту. Кроме этого, субъект учитывает свои чувства, стандарты, идеалы,

убеждения, знания для формирования оценочного мнения об определенном объекте. Иными словами, стандарты ценностей определенного СО в определенной мере отражают ценностную картину мира людей той или иной эпохи.

СО можно определить как конкретизированную языковую личность или группу языковых личностей, выражающих свое позитивное или негативное отношение к определенному объекту окружающей действительности с позиций определенных ценностных критериев.

Вслед за А. В. Куниным в ОВ различаем индивидуальный и коллективный субъекты оценки. СО является индивидуальным, когда оценочное отношение принадлежит только индивиду, носителю определенных ценностей и стереотипов, а коллективным, если оценочное суждение признается или разделяется группой индивидов, объединенных определенными ценностными ориентирами и стереотипными представлениями [157].

Исследование показало, что СО часто является определенным, то есть непосредственно эксплицируется в структуре данного ОВ (= определенный проксимальный) или может быть легко восстановлен и идентифицирован из контекста, в котором функционирует ОВ (= определенный дистантный). Однако, иногда СО может быть идентифицирован как неопределенный, то есть оценивающий субъект лишь подразумевается в ОВ и из контекста его трудно однозначно идентифицировать. В такого рода случаях, имеем дело с неопределенным (= имплицитным) СО.

Для полной типовой классификации субъектов оценки в художественном дискурсе важным представляется такое понятие как субъект речи. Субъект речи (говорящий) (далее СР) – это лицо, которому принадлежит то или иное высказывание. В процессе исследования ОВ в художественном дискурсе XIX–XX веков были выделены две модели соотношения субъекта оценки и субъекта речи: с одной стороны, они могут отождествляться (=совпадать), то есть говорящий осуществляет акт оценки в

определенной коммуникативной ситуации, а с другой – не быть идентичными (=не совпадать) (см. рис. 2.1).

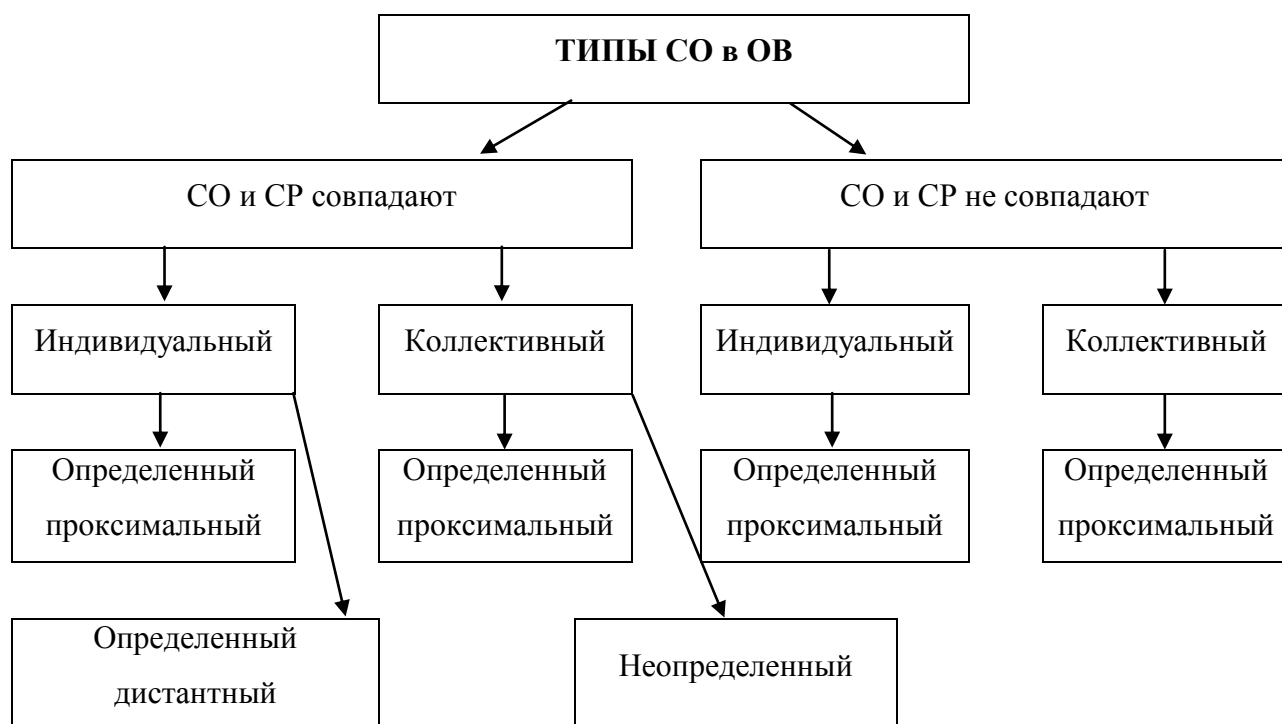

Рис. 2.1. Типы субъекта ОБ в художественном дискурсе XIX–XX веков

Анализ эмпирического материала показал, что в художественном дискурсе XIX и XX веков превалирует ОБ, в которых СО и СР совпадают (см. табл. 2.10).

Таблица 2.10

Типы СО, совпадающего с СР, в ОБ

Тип		Период	XIX в.		XX в.	
			Кол-во	%	Кол-во	%
I.	Индивидуальный (всего)		2674	96	1271	85
1.	Определенный (дистантный)		1671	60	822	55
2.	Определенный (проксимальный)		1003	36	449	30
II.	Коллективный (всего)		111	4	224	15
1.	Неопределенный (имплицитный)		83	3	149	10
2.	Определенный (проксимальный)		28	1	75	5
		<i>Всего</i>	2785	100	1495	100

СО является определенным (проксимальным), если в пропозициональной структуре ОВ он обозначается отдельным словом (существительным или местоимением), номинирующим конкретное лицо (= индивидуальный субъект) или группу лиц (= коллективный субъект), которые оценивают определенный объект действительности, руководствуясь личностными или стереотипными убеждениями.

В примере (129) *I think that woman's beautiful* [387, p. 20] СО выражен личным местоимением *I* и в процессе оценивания опирается на свои убеждения, мнения по отношению к объекту оценки. Также в примере (130) *...we all think you're perfectly marvellous...* [385, p. 11] СО является определенным и обозначается местоимением *we* в сочетании с *all*. В этом случае, СО является коллективным или множественным, то есть объект оценивается группой лиц, являющихся выразителями сходных или единых оценочных стандартов и/или стереотипов. Необходимо добавить, что аксиологический предикат *think* в примерах (129) и (130) не только вводит высказывание эксплицитную субъективность, но и подчеркивает, что оценка принадлежит концептуальному миру оценивающего субъекта, что снижает ее категоричность.

СО не всегда эксплицируется в пропозициональной структуре ОВ, а может постулироваться в контексте, в котором функционирует данные ОВ. Так, в примере (131) *“He is quite a gentleman.” – Julia smiled* [391, p. 3] субъект оценки является определенным, но дистантным участникам высказывания. Из контекста понятно, что субъектом оценки является *Julia*, т. е. оценка принадлежит индивиду и отражает его личностные оценочные стереотипы и убеждения.

СО является имплицитным, если в пропозициональной структуре ОВ отсутствуют слово, которое можно было бы отождествить с определенным лицом и/или группой лиц, от имени которых оценивается определенный объект окружающего мира. Так, в примере (132) *Lady Catherine is known as*

an arrogant, conceited woman [379, p. 103] употребляется пассивная конструкция *is known*, указывающая на имплицитное присутствие СО. Говорящий не только передает оценочное суждение о конкретном человеке, сформированное определенной группой лиц, но и относит себя к этой группе, разделяя с ними ценностные ориентиры и оценочные стереотипы.

В ходе анализа эмпирического материала было также установлено, что в ОВ СО может не совпадать с субъектом речи (говорящим). Важной особенностью такого типа ОВ является то, что СО всегда выражается в пропозициональной структуре ОВ, так как говорящий не желает быть в ответе за постороннее оценочное мнение. При этом СО может выступать второе лицо или третье лицо в единственном или множественном числе (см. табл. 2.11).

Таблица 2.11

Типы СО, не совпадающего с СР, в ОВ

Тип		Период	XIX в.		XX в.	
			Кол-во	%	Кол-во	%
I.	Индивидуальный		1074	90	521	80
1.	Определенный проксимальный (3 лицо)		835	70	448	70
2.	Определенный проксимальный (2 лицо)		239	20	64	10
II	Коллективный		119	10	128	20
1.	Определенный проксимальный (3 лицо)		119	10	128	20
		<i>Всего</i>	1193	100	640	100

Если в качестве СО выступает третье лицо или группа лиц, то говорящий не отождествляет себя с оценивающим субъектом, а только приписывает оценочную деятельность определенному лицу или группе лиц, которые участвуют в акте коммуникации. Так, в примере (133) *She says that the women who fall in love with her husband are so uncommonly second-rate* [392, p. 108–109] говорящий только сообщает собеседнику оценочное

суждение, принадлежащее третьему лицу, обозначенному в структуре ОВ личным местоимением *she*.

В примере (134) *The nuns at the convent swear by him. They think he's a hero* [392, p. 117] говорящий также не отождествляет себя с субъектом оценки, а только информирует собеседника о том, как другие лица оценивают качества знакомого для них человека. СО в этом контексте выступает группа лиц, которая выражена в пропозициональной структуре ОВ личным местоимением *they*, которое конкретизируется в контексте существительным *nuns*.

Однако, говорящий не всегда только передает собеседнику оценку третьего лица, по поводу определенного объекта. СР может одновременно как соглашаться с оценочным суждением третьего лица, так и противопоставлять ему свое оценочное суждение. Так, в примере (135) *Everybody think Mr. Martin a respectable young man, but I cannot admit him to be Harriet's equal* [378, p. 50] СР, с одной стороны, делится с собеседником положительной оценкой мистера Мартина, которое сложилось у общества, а с другой стороны и противопоставляет данной коллективной оценке свое собственное негативное отношение к нему.

Если СО репрезентуется в пропозициональной структуре ОВ личным местоимением *you*, то целью СР является уточнить об оценочном отношении собеседника к объекту оценки. Например: (136) *"I think this great intimacy between Emma and Harriet Smith is a bad thing."* said Mr. Knightley. *"Do you really think it a bad thing? – why so?"* [378, p. 29].

Но иногда СР желает уточнить, не изменилось ли оценочное отношение СО к объекту, который оценивается в определенной коммуникативной ситуации. Примером может служить контекст (137) *Well, do you think I'm such a dirty dog as you did? he asked* [392, p. 247].

Анализ корпуса эмпирического материала исследования показал, что в художественном дискурсе как XIX, так и XX веков (примерно 70% от общего объема ОВ в двух периодах) говорящий отождествляет себя с СО, что

подтверждает тот факт, что оценка является одним из инструментов построения межличностных отношений в коммуникативной ситуации.

Наиболее частотным типом СО в двух периодах является дистантный СО (43% от общего количества ОВ в XIX веке и 38% от общего объема ОВ в XX веке), который не получает прямой экспликации в высказывании, но, как правило, легко восстанавливается из контекста. Данный факт можно объяснять особенностями повествования в художественном дискурсе, в котором лицо, продуцирующее высказывание, находится за пределами прямого высказывания.

Также удалось установить, что в художественном дискурсе двух периодов ОВ с индивидуальным СО значительно превышают ОВ с коллективным СО. Это можно объяснить тем, что человеку свойственно оценивать объекты действительности, опираясь на собственные ценности и опыт.

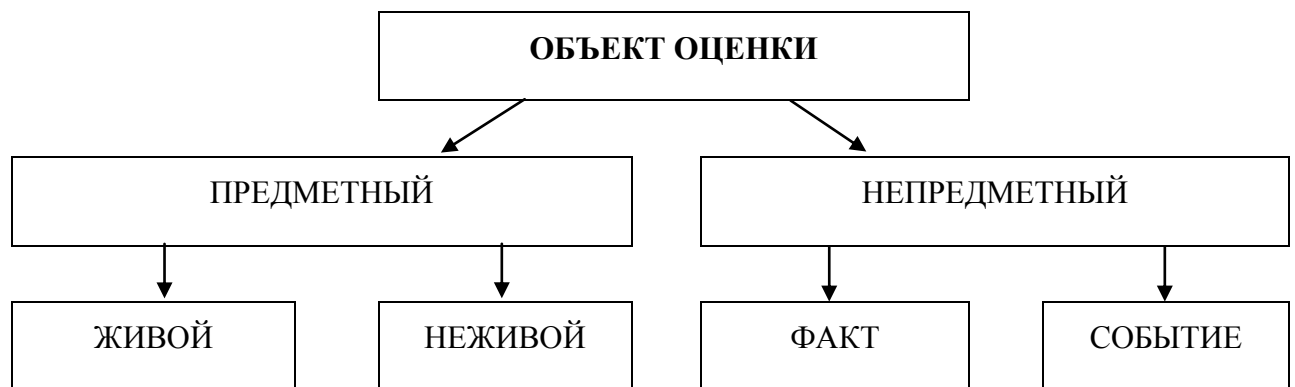
2.7 Типы объекта оценки и средства его выражения в художественных текстах XIX–XX веков

Прибывая в вещественном мире, человек, являясь мыслящим и действующим существом, начинает контактировать с объектами окружающей действительности, ощущая их физически и психологически. Результатом такого взаимодействия является желание человека включить данные объекты в практический или духовный аспекты своей жизни, а также выводы на счет их полезности, удобства, необходимости для себя на основании своих чувств и ощущений. Поэтому сущность ОВ зависит не только от СО, но и от ОО, свойства которого дают субъекту возможность выбирать основание оценки и делать аксиологический вывод.

Коммуникант, познавая себя и окружающий его мир, занимает позицию СО «по отношению ко всему, что соприкасается с ним, попадает в зону его внимания, и в сферу его жизненных интересов» [317]. Оценке подвергается все, что входит в интересы отдельного человека или группы лиц, все что необходимо ему/им духовно или физически: предметы, свойства, состояния,

понятия, идеи, теории, события, факты и т. п. Поэтому необходимо помнить, что не все объекты и явления действительности являются ценностными для оценивающего субъекта. Поэтому анализ объектов, попадающих в зону интереса СО, позволяет определить круг аксиологических интересов СО. Кроме этого, в результате взаимодействия с разного рода объектами окружающего мира индивид также формирует субъективно-объективное или только субъективное положительное или отрицательное представление о ценности ОО.

Анализ и классификация ОО может исходить из объективных свойств, своего рода «глубинной природы» объекта. В таком случае закономерно выделить два класса объектов: вещественные (или материальные) и невещественные (идеальные). В терминологии Н. Д. Арутюновой эти типы объектов именуется «предметные» и «непредметные» соответственно [14] (см. рис. 2.2).

*Рис. 2.2. Типы объекта ОВ в художественном дискурсе XIX–XX веков
(по Н. Д. Арутюновой)*

Из рисунка 2.2 видно, что предметные объекты делятся на два класса «Живое» (человек, животные, птицы и т. д.) и «Неживое» (предметы обихода, архитектура, техника, и т. д.).

Непредметные объекты можно разделить на следующие классы: свойства, качества, поступки, действия, процессы, изменения, события, факты и т. п. Рассмотрение и анализ ОВ с непредметными объектами дает возможность понять «системность» и иерархию внутри мира объективной

действительности как сложной организации. Рисунок 2.2 свидетельствует о том, что среди всех упомянутых терминов, обозначающих разные виды непредметных объектов, родовыми можно считать факты и события.

Согласно Е. А. Чернявской, факты включают суждения, мнения, сообщения, утверждения и т. д. К событиям можно отнести действия, поступки, изменения, процессы, ситуации и прочее [317]. Таким образом, «событие» трактуется как всё происходящее в реальном пространстве и времени. Исходя из этого, термин «факт» подразумевает единицу логического пространства, не имеющую связи с миром вещей, а только с миром знаний о том, что происходит в мире. Событие и факт взаимосвязаны и взаимозависимы. Например, жизнь индивида включает в себя различные отдельные события, однако при описании таких эпизодов события воспринимаются уже как факты.

Непредметные ОО «события», «действия», «ситуация» и «состояния», представляющие событийную и ментальную стороны жизни, трудно идентифицировать в художественном дискурсе. Поэтому в нашем исследовании была предпринята попытка дать определение данных непредметных ОО, которые могут классифицированы широко как «события», и установить их отличительные особенности. Для этого были проанализированы определения данных понятий из «Толкового словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [375]:

1. Событие – то, что произошло, то или иное значительное явление; факт общественной или личной жизни ((138) *I've just seen a news item that's come over Reuters. He's been killed in a local rising in Haiti.* 'Really? How awful! [395, p. 9]);

2. Действие – результат проявления деятельности, влияния, воздействия ((139) *'How did it happen, is it gruesome?' 'Oh, I don't know, there's only a paragraph.'* [395, p. 17]);

3. Ситуация – совокупность обстоятельств, положение, обстановка ((140) *'This is an awful scrape we got in'* [392, p. 235]);

4. Состояние – внешние и внутренние обстоятельства, в которых находится кто-то / что-то; физическое самочувствие, расположение духа ((141) "*You look frail and white and tired now, and if you'll allow me to say so, desperately unhappy*" [392, p.115–116]).

Из определений можно сделать вывод, что событие – это объективное явление внешнего мира независимо от создавшей его причины, будь то сила природы или действие человека, в то время как действие определяется как субъективное поведение человека, результат его психической деятельности. Что касается ситуации, то в отличие от события, она предполагает совокупность обстоятельств, которые повлекли за собой определенные события или намеренные действия человека. Состояние в отличие от ситуации отражает, скорее, внутреннее состояние человека (физической или духовное), положение дел.

Анализ материала исследования показал, что ОО всегда имеет эксплицитный характер и может выражаться в структуре ОВ словом, обозначающим ОО (определенный), или словом, указывающим на ОО в контексте ОВ (дистантный) (см. табл. 2.12).

Таблица 2.12

Типы ОО в художественном дискурсе XIX-XX веков

№	Период Тип	XIX в.		XX в.	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Определенный	2586	65	1494	70
2.	Дистантный	1392	35	641	30
	Всего	3978	100	2135	100

Из таблицы 2.12 видно, что в англоязычном художественном дискурсе как XIX, так и XX века превалирует определенный ОО, так как для избежания недопонимания в процессе коммуникации говорящему важно назвать оцениваемый объект внутри ОВ. Для анализа вышеуказанных типов ОО, необходимо установить возможные средств их репрезентации в

структуре или контексте ОВ в зависимости от аксиологической значимости лиц, действий, предметов, событий, фактов и т. п.

Так, если оценка субъекта направлена на лицо, то ОО выражается отдельным компонентом в структуре ОВ (личным местоимением или существительным), либо носит дистантный характер: (142) *He's a good chap in his way* [386, p. 36], то есть в пропозициональной структуре ОВ нет слова, указывающего на ОО, но такое слово есть в контексте: (143) "*What is she like?*" ... "*Oh, quite a nice little thing.*" [389, p. 38]. Это зависит, по нашему мнению, от степени спонтанности / обдуманности ситуации оценки, а также от коммуникативной цели высказывания. В примере (142) оценка воспринимается более взвешенной и обоснованной, сформированной на основании мнения субъекта об объекте оценки, в то время как в примере (143) оценка вызвана сиюминутным чувством и не может быть расценена как рациональное суждение.

Когда оценка направлена на предмет окружающего мира, то ОО, как правило, эксплицируется в пропозициональной структуре ОВ, однако может носить и дистантный характер. Так, в примере (144) *That's a great picture. I've seen it four times* [385, p. 105] ОО эксплицируется существительным *picture*, называющим оцениваемый предмет, в сочетании с оценочным прилагательным *great* в реме ОВ и выступает частью сложного именного сказуемого. Если ОО является дистантным, но он выражается указательными местоимениями *this*, *that* или личным местоимением *it* в пропозициональной структуре ОВ. Причем в контексте, в котором функционирует ОВ, конкретизируется или называется предмет, которому собственно дается положительная или отрицательная оценка: (145) ... *Julia took a bundle of her latest photographs. She handed one to the young man. "This one is not bad"* [391, p. 14].

Что касается оценки действия, то ОО чаще всего выражается классифицирующим словом в структуре ОВ: (146) *I wish you wouldn't make matches. – But I must for other people. It is the greatest amusement in the world* [378, p. 5]

Если субъект дает оценку события, ситуации или действия, то объект такого ОВ зачастую дистантный, то есть он представлен в пропозиции ОВ указательными местоимениями *this, that*, или безличным местоимением *it*, которые служат отсылкой к определенному ОО, описанному в данном контексте. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в таком случае ОВ используются в холистической функции и выступают способом подведения аксиологического итога. Примерами ОВ, в которых объектом оценки является событие и ситуация служат контексты (147) и (148) соответственно:

(147) *She had understood quickly that as the wife of the Government bacteriologist she was of no particular consequence. It made her very angry. “It’s too absurd,” she told her husband* [392, p. 12].

(148) *Holly’s young half-brother is coming to live with us while he learns farming. He’s there already.” “Oh!” said Winifred. “That’s a gaff!”* [387, p. 56–57].

Если объектом оценки выступает определенное место, то объект оценки эксплицируется в пропозициональной структуре ОВ отдельным словом, которое называет оцениваемое место (см. пример (149)), либо в реме ОВ (см. пример (150)).

(149) *But I’ve just been to Tahiti, it’s marvellous, everyone’s marvellous* [386, p. 13].

(150) *This is a comfortable room* [389, p. 78].

Таким образом, оценке подвергается всё, что так или иначе интересует СО: предметы, свойства, состояния, понятия, идеи, теории, события, факты и т. д.

Выводы к главе 2

1. Тематическая классификация ОВ включает в себя две тематических области «Человек» и «Окружающий мир» (см. табл. 2.1). Высокая номинативная плотность ОВ сферы «Человек» в художественном дискурсе двух периодов (XIX век – 72 % в общем корпусе ОВ; XX век – 65% в общем корпусе ОВ) свидетельствует о том, что в фокусе оценочной деятельности чаще находится индивид и его характеристики. Тематическая область

«Человек» включает в себя 11 подгрупп ОВ, внутри тематической области «Окружающий мир» удалось выделить 10 подгрупп. Набор тематических групп в каждой сфере совпадает, однако продуктивность ОВ каждой группы в англоязычном художественном дискурсе исследуемых периодов различается.

1.1. В художественном дискурсе XIX века среди ОВ, относящихся к тематической области «Человек», преобладают тематические группы с оценкой характера (1260 контекстов с ОВ – 44%), внешности (601 контекст с ОВ – 21%), а также способности (286 контекстов – 10%). Наиболее продуктивными группами ОВ в художественном дискурсе XX века является «поведение» (362 контекста с ОВ – 20%), «характер» (305 контекстов с ОВ – 22%), «внешность» (250 контекстов – 18%) (см. табл. 2.2).

1.2. Наиболее частотными группами ОВ, принадлежащими к тематической области «Окружающий мир», для художественного дискурса XIX века является «строения/места» (212 контекстов с ОВ – 19%), «погода» (178 контекстов с ОВ – 16%), а также «мероприятия» (145 контекстов с ОВ – 13%). Для художественного дискурса XX века наиболее продуктивными являются ОВ, принадлежащие к следующим тематическим группам: «события» (164 контекста с ОВ – 22%), ситуация (149 контекстов с ОВ – 20%), «строения / места» (97 контекстов с ОВ – 12%) (см. табл. 2.3).

2. Классификация ОВ по характеру оценки является одной из наиболее важных, так как позволяет рассмотреть системные изменения оценочного значения в речи и составить представление о ценностной картине мира лингвокультурного сообщества двух анализируемых периодов. По характеру оценки ОВ классифицированы на три подгруппы: положительно-оценочные, негативно-оценочные и ОВ с комбинированной оценкой (см. табл. 4). Анализ материала исследования показал, что в художественном дискурсе XIX века чаще встречаются положительно-оценочные ОВ (1790 контекстов – 45%), однако разница в количественных показателях с негативно-оценочными высказываниями не велика и составляет всего лишь 3%.

Номинативная плотность негативно-оценочных высказываний возрастает в художественном дискурсе XX века и составляет 1131 контекстов с ОВ (52%), что связано с изменением психологического и эмоционального состояния представителей лингвокультурологического сообщества XX века, спровоцированным политическими, социальными и экономическими переменами. Негативно-оценочные высказывания значительно превосходят положительно-оценочные высказывания, которые составляют всего лишь 769 контекстов (36%).

ОВ с комбинированной оценкой незначительно преобладают в XIX веке (518 контекстов с ОВ (13%) – в XIX веке, 235 контекстов с ОВ (11%) в XX веке), что связано с намерением говорящих ослабить категоричность отрицательного ОВ, подкрепив его положительной характеристикой другого аспекта.

Проведенное исследование позволило выделить семантические типы ОВ (эмоциональный, рациональный и эмоционально-рациональный) и сформулировать их основные различия в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. Для художественного дискурса как XIX, так и XX веков характерна высокая продуктивность высказывания с эмоциональной оценкой, причем их частотность повышается в XX веке. ОВ эмоционального типа характеризуются большей степенью категоричности и экспрессивности в XX веке, что свидетельствует о демократизации норм речевого поведения, ослаблении общественно-закрепленных речевых норм, стремлении к самовыражению говорящего.

3. В художественном дискурсе XIX века чаще встречаются ОВ рационального типа (40% – в XIX веке, 25% – в XX веке), которым свойственна меньшая субъективность и мотивированность нормами и стандартами общения, закрепленными в обществе.

4. Оценочное отношение может быть выражено ОВ со структурой простого предложения или входить в состав сложноподчиненного или сложносочиненного предложения (см. табл. 2.6). В художественном дискурсе

XIX–XX веков превалируют ОВ, представленные простым двусоставным предложением (1790 контекстов с ОВ (45%)) в XIX веке; 1345 контекстов с ОВ (63%) – в XX веке), которые могут быть повествовательными и вопросительными, иметь полную или усеченную структуру.

Сложносочиненные предложения, имеющие в составе ОВ, являются немногочисленными в художественном дискурсе XIX–XX веков (597 контекстов с ОВ (15%) и 256 контекстов с ОВ (12%) соответственно). Насыщенность сложноподчиненных предложений, имеющих в своей структуре ОВ, выше в художественном дискурсе XIX века на 15%, что объясняется желанием представителей лингвокультурного сообщества XIX века намеренно усложнять структуру предложения, чтобы продемонстрировать свой уровень образованности и интеллектуальный потенциал.

5. ОП является ключевым элементом любого ОВ, так как в нем реализуется положительное или отрицательное отношение к определенному объекту действительности. ОП в высказываниях, составляющих корпус эмпирического материала, соответствует предикативу синтаксической структуры предложения, выраженного следующей формулой: глагол-связка (*to be, to seem, to look*) в сочетании с оценочным прилагательным, существительным или словосочетанием. В художественном дискурсе анализируемых периодов чаще представлены ОП с полной структурной моделью (3680 контекстов с ОВ (92,5%) – в XIX веке и 1601 контекст с ОВ (75%) – в XX веке), которая предполагает наличие всех структурных компонентов ОП (см. табл. 2.7).

6. Существуют две основные группы средств выражения положительного или отрицательного оценочного отношения: морфолого-семантические (оценочные прилагательные, оценочные существительные) и комбинированные (оценочные словосочетания различной структуры), которые характеризуются различной количественными показателями в художественном дискурсе XIX и XX веков (см. табл. 2.8). Морфолого-семантические средства репрезентации оценочного отношения значительно превалируют в двух исследуемых периодах

(2267 контекстов с ОВ (57%) – в XIX веке и 1494 контекста с ОВ контекста (70%) в XX веке), что говорит о тенденции к выбору коммуникантами простых средств вербализации оценки для упрощения процесса понимания сообщения собеседником. Среди морфолого-семантических средств репрезентации оценки наибольшей номинативной плотностью в двух периодах отличаются оценочные прилагательные, причем данная подгруппа по своей численности превосходит все другие средства языковой оценки в художественном дискурсе XIX–XX веков, включая комбинированные средства. В художественном дискурсе XX века наблюдается снижение номинативной плотности ОВ, в которых оценочное отношение выражено комбинированными средствами (в XIX веке – 43% контекстов с ОВ, в XX веке – 30%).

7. Специфика использования выражающих оценку языковых единиц, а также структурные особенности ОВ во многом зависят от мировоззрения и мировосприятия человека, который оценивает объекты действительности. СО может быть индивидуальным или коллективным, эксплицироваться в структуре ОВ отдельным словом (определенный) или в контексте ОВ (дистантный), или иногда подразумеваться в ОВ (имплицитный). ОВ с индивидуальным СО значительно превышают ОВ с коллективным СО в художественном дискурсе двух период. Также наиболее частотным типом СО в художественном дискурсе XIX–XX веков является дистантный СО (43% от общего количества ОВ в XIX веке и 38% от общего количества ОВ в XX веке).

В художественном дискурсе XIX–XX веков говорящий может отождествлять себя и не отождествлять себя с СО. ОВ, в которых субъект речи идентичен СО составляет примерно 70% от всего корпуса ОВ в двух периодах. Это свидетельствует о том, что ОВ является одним из инструментов выстраивания межличностных отношений в процессе коммуникации.

8. Анализ ОВ в художественном дискурсе двух исторических периодов, позволил классифицировать ОО на предметные, включающие живое (человек, животные, птицы и т. д.) и неживое (предметы обихода, здания, техника и т. д.), а также не предметные. В художественном дискурсе двух

анализируемых периодов, чаще всего ОО ОВ выступает человек и его характеристики, а также места, события и ситуации. Что касается репрезентации ОО в структуре ОВ, то ОО всегда эксплицируется либо отдельным словом в структуре ОВ, либо указывается в контексте, в котором функционирует ОВ.

Основные положения данной главы отражены в публикациях автора [203; 206; 207; 209; 210; 212; 214; 215; 216; 217; 219; 362; 363].

ГЛАВА 3

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX–XX ВЕКОВ

Одним из наиболее перспективных направлений лингвистики является изучение категории оценки в свете лингвопрагматического подхода. Оценка рассматривается как субъективно-объективное или объективно-субъективное отношение говорящего к ценностной значимости объекта окружающей мира и объясняется через коммуникативные интенции соответствующих речевых актов (далее РА). Такой подход выводит на первое место коммуникативную деятельность человека, а язык называет его главной конституирующей характеристикой и важнейшей составляющей.

Уже упоминалось в работе, что художественный диалог является продуктом художественно-литературной коммуникации (термин Н. Н. Мироновой), субъектами которой, помимо автора и читателя, становятся персонажи [180, с. 150–151]. Поэтому анализ художественного диалога с применением антропоцентрического принципа делает возможным исследование речевого поведения персонажей в процесс их речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации.

Для современного функционально-ориентированного подхода в языкознании характерно понимание высказываний как целенаправленных речевых действий. Это можно объяснить тем, что высказывание представляет собой речевое произведение, характеризующееся интенцией говорящего, его желанием выделить те или иные элементы ситуации, его стремлением сделать вербализируемую им мысль понятной получателю сообщения. Особенностью диалогического высказывания является то, что в нем реализуется не только логико-семантические, но также прагматические и психологические механизмы, в основе которых лежат оценки.

В настоящей главе выявляются и описываются коммуникативно-прагматические особенности РА оценки. Представлена типология РА оценки по аксиологическому характеру оценки, а также осуществлена классификация РА оценки согласно прагматической цели говорящего и коммуникативной ситуации, отражены параметры их дифференциации, а также описана их продуктивность в художественном дискурсе анализируемых веков. В главе рассматриваются говорящий, СО и ОО с точки зрения их взаимодействия в РА оценки, описываются гендерные особенности в различных конфигурациях адресантно-адресатных отношений персонажей в коммуникации.

3.1 Типы актов оценки в речи персонажей художественного дискурса XIX–XX веков

В прагмалингвистических исследованиях высказывание, языковой основой которого является предложение, рассматривается как элементарное речевое образование, используемое для достижения определенной коммуникативной цели [172]. Особенностью диалогического высказывания является то, что в нем реализуется не только логико-семантические, но также прагматические и психологические механизмы, в основе которых лежат оценки.

По мнению ряда ученых (Н. Д. Арутюновой [13], Ф. С. Бацевича [25], В. Г. Гака [67], Т. ван Дейка [83], Дж. Остина [221], Дж. Серля [260], И. П. Сусова [280]), высказывание выступает средством реализации речевого акта, который может отождествляться с предложением или совокупностью предложений. На этом основании ОВ, лежащие в основе порождаемого и передаваемого говорящим адресату оценочного сообщения, отождествляются нами с оценочными РА.

Проблемой для классификации оценочных РА является установление их категориальных признаков, которые бы сделали возможным их системное описание. В отечественной лингвистике изучением проблемы оценочных РА занималась Е. М. Вольф [62]. Исследовательница отмечает, что рассматривает ОВ как особый вид иллокутивных актов, цель которых

заключается в изменении эмоционального состояния говорящего и/или осуществлении эмоционального воздействия на партнера по коммуникации путем одобрения или неодобрения. Е. М. Вольф, вслед за Дж. Серлем, называет такие ОВ экспрессивами в узком смысле [367].

Считаем, что категориальные признаки оценочных РА, описанные Е. М. Вольф [62], отражают специфику только части таких речевых актов, потому что не все РА, актуализирующие оценку, ориентированы эмоционально на партнера по коммуникации. Кроме этого, перлокутивный эффект оценочных РА не всегда заключается в модификации эмоционального состояния адресата. Поэтому к оценочным мы предлагаем считать РА, иллокутивная сила которых связана с оценочной деятельностью коммуниканта, прямо или опосредованно.

В высказывании необходимо различать его пропозиционный смысл и иллокутивную силу. По мнению Н. Д. Арутюновой, пропозиция – это стабильное семантическое ядро высказывания, обозначающее действительное или возможное положение дел [13]. Под иллокутивной силой высказывания понимается коммуникативное намерение говорящего и совокупность условий, необходимых для его реализации. Как отмечает И. П. Сусов, иллокутивные силы, вмещающие в себя интенцию говорящего, которая декодируется адресатом, называются прагматической составляющей пропозиционного содержания, или прагматическим значением. По мнению ученого, вершину иерархии структур ОВ образует коммуникативно-прагматическая структура, которой непосредственно подчинена семантическая структура [280].

Вслед за Е. Н. Стариковой считаем, что в пределах одного и того же РА возможно совмещение нескольких прагматических значений (первичного и вторичного), которое происходит вследствие прагматического совмещения. В таком случае, речь идет о двуиллокутивных речевых актах – речевых образованиях, оформленных одним высказыванием, способным выполнять несколько акторечевых функций, которые находятся между собой в отношении

взаимной поддержки [272]. Такие РА называем в нашей работе РА с прямой оценкой (см. пример (151) *'Pretty little widow'. 'What foolish, impudent creatures!' cried my mother, laughing and covering her face* [383, p. 56]).

Корпус эмпирического материала исследования включает также РА с сопутствующей оценкой. Такие РА не могут выполнять одновременно несколько прагматических функций, а оценочное отношение в них реализовано посредством прагматической или логических пресуппозиций. Основное иллокутивное значение таких РА не имеет прямой связи с оценочной деятельностью адресанта, но подразумевает ее наличие как условие успешного протекания РА, например: (152) *'It's quiet an interesting film. Let's watch it!* [385, p. 59].

3.1.1 Классификация РА с прямой оценкой

Большая часть исследуемых РА (в XIX веке – 3501 контекстов с ОВ (88%), и в XX веке – 1772 контекста с ОВ (83%)) соответствуют определению двуиллокутивных РА, и характеризуется прагматической бивалентностью. Высказывания такого типа включают две иллокутивные направленности: ассертивную [367], которая подразумевает передачу негативного или позитивного суждения субъекта оценки об объекте оценки, и экспрессивную, цель которой – эмоционально повлиять на коммуниканта.

В ходе исследования двуиллокутивные РА, были разделены по аксиологическому характеру оценки, присущей им, на позитивно-оценочные, негативно-оценочные РА и РА с комбинированной оценкой, в которых представлена как положительная, так и отрицательная оценка (см. табл. 3.1). Необходимо отметить, что положительная или отрицательная заряженность оценочных РА чаще всего определяется оценочным словом в пропозициональной структуре ОВ (см. табл. 3.1).

**РА с прямой оценкой в англоязычном художественном дискурсе
XIX–XX веков**

№	Период Тип	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Позитивно-оценочный	1576	45	638	36
2.	Негативно-оценочный	1470	42	939	53
3.	РА с комбинированной оценкой	455	13	195	11
	<i>Всего</i>	3501	100	1772	100

Из таблицы 3.1 видно, что в XIX веке незначительно превалирует позитивно-оценочные РА, а в XX веке продуктивность негативно-оценочных РА велика, в сравнении с позитивно-оценочными РА. РА с комбинированной оценкой характеризуются невысокой коммуникативной плотностью в англоязычном художественном дискурсе двух анализируемых периодов.

Посредством контекстуального и интенционального анализа РА с положительно-оценочной семой были разделены на следующие группы: 1) РА одобрения; 2) РА похвалы; 3) РА комплимента; 4) РА лести; 5) РА самопохвалы.

Стоит отметить, что общей инвариантной иллокутивной целью выше перечисленных РА является выражение положительного оценочного отношения к ОО, а именно его непосредственных качеств или деятельности. Чтобы определить категориальные признаки каждого из анализируемых положительно-оценочных РА, обратимся к анализу словарных дефиниций, представленных в двух словарях [375; 377]. Изучая дефиниции одобрения удалось выяснить, что оно понимается как «одобрительный отзыв, похвала» [375], а также «чувство, что что-то или кто-то – хороший или приемлемый; позитивное отношение» [377]. В свою очередь, похвала толкуется как «одобрение, хороший отзыв о ком-нибудь / чем-нибудь» [375] или как «слова, демонстрирующие ваше одобрение или восхищение кем-то / чем-то»

[377]. Комплимент трактуется в словарях как «лестный отзыв, приятные, любезные слова» [375] или как «комментарий, выражающий одобрение или похвалу кого-то» [377]. Лесть определяется как «угодливое восхваление, лицемерие» [375]. Интересным является определение лести, предложенное в OLD: «хорошие слова о ком-то, часто не искренние, потому что ты хочешь, чтобы кто-то сделал что-то для тебя или ты хочешь угодить кому-то или порадовать» [377].

Анализ словарных дефиниций показал, что одобрение, похвала, лесть и комплимент в своей семантике пересекаются. Например, невозможно различить одобрение и похвалу, исходя из словарных определений, на том основании, что эти слова образуют дефиниционный круг – одно явление интерпретируется за счет другого. Определения комплимента содержат семы «приятность», «любезность», «вежливость», а иногда и «восхищение», что позволяет выявить этикетный характер комплимента, а также некоторое преувеличение в угоду собеседнику. Не удивительно, что словарные дефиниции лести вмещают семы «лицемерие», «неискренность», «угодливость», так как лестные высказывания чаще всего являются способом достижения корыстных интенций говорящего, направленных на партнера по коммуникации. В семантике лести и комплимента также имеется объединяющий их признак – преувеличенность, что значительно отличает эти РА от похвалы и одобрения.

В англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков среди позитивно-оценочных РА наиболее продуктивным являются РА, посредством которых реализуются похвала и одобрение. Наименее частотным в художественном дискурсе двух анализируемых периодов является РА лести (см. табл. 3.2).

Количественные характеристики двуиллокутивных РА положительной оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Период Тип РА	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Похвала	551	35	191	30
2.	Одобрение	489	31	179	28
3.	Комплимент	315	20	160	25
4.	Самопохвала	142	9	64	10
5.	Лесть	79	5	44	7
	<i>Всего</i>	1576	100	638	100

Среди ОВ с негативной семой целесообразно выделить следующие группы: 1) РА неодобрения; 2) РА порицания / осуждения; 3) РА оскорбления; 4) РА критики / упрека; 5) РА самопорицания (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3

Количественные характеристики двуиллокутивных РА отрицательной оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков

№	Период Тип РА	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Порицание / осуждение	514	35	254	27
2.	Неодобрение	449	30	215	23
3.	Самопорицание	221	15	122	13
4.	Критика / упрек	176	12	188	20
5.	Оскорбление	118	8	160	17
	<i>Всего</i>	1470	100	939	100

Исследуя семантику слов неодобрение, порицание, осуждение, критика и упрек посредством анализа словарных определений, удалось выяснить, что

неодобрение определяется как «отрицательная оценка, порицание» [375], а также «чувство, что тебе не нравится какая-то идея, действие или чье-то поведение потому что ты думаешь, что это плохо, не приемлемо или имеет плохое влияние на кого-то» [377]. Порицание толкуется как «выражение неодобрения, осуждения» [375] или «выражение очень сильного неодобрения (зачастую с точки зрения морали)» [377]. Осуждение, в свою очередь, как «неодобрительное мнение, порицание» [375], однако в англо-английском словаре уточняется спектр применения осуждения, чаще всего осуждают за то, что «кто-то сделала что-то неправильно» [377].

Значение существительного «оскорбление» раскрывается через значение глагола «оскорбить» в толковом словаре «тяжело обидеть чьи-то чувства, унижить кого-то действием» [375]. В OLD дано такое определение оскорблению: «комментарий или действие, которые осуществляются с целью обидеть кого-то [377]. Критика определяется как «отрицательное суждение, указание на недостатки» [375] или «выражение неодобрения кого-то/чего-то или мнения о их недостатках или плохих качествах» [377]. Что касается семантики упрека, то она схожа с критикой, но имеет более точечное ситуативное применение: «когда говоришь очень строго, потому что кто-то сделал что-то неправильно» [377].

Анализ семантики вышеизложенных понятий позволил сделать следующие выводы о коммуникативных особенностях оценочных РА.

РА как одобрения, так и неодобрения преимущественно возникают как реакция коммуниканта на реплику партнера по коммуникации, то есть в рамках следующего коммуникативного хода. Объектом оценки РА одобрения и неодобрения могут служить идеи, неодушевленные предметы, события, явления и т. д., а собеседник является лишь адресатом оценочного сообщения.

(153) *'It is Nicole's garden,' said Dick. 'What a beautiful garden!'* Mrs. Speers exclaimed.' [385, p. 123]

(154) *“I think this great intimacy between Emma and Harriet Smith is a bad thing.” said Mr. Knightley [379, p. 67]*

В вышеуказанных примерах говорящий сообщает в пропозиционном содержании высказывания о том, что объект оценки соответствует / не соответствует ценностям, нормам, стандартам, и тем самым оценивает объект позитивно (см. пример (153)) либо негативно (см. пример (154)).

По мнению Н. А. Трофимовой, РА похвалы, порицания, комплимента и оскорбления могут быть отнесены к классу инфлюктивов, так как такие РА предполагают выражение эмотивно-оценочного отношения говорящего, а также служат инструментом эмоционального воздействия на адресата, к которому говорящий прибегает для того, чтобы мотивировать собеседника на исполнения своих социальных и межличностных ролей [293].

РА похвалы, так же как и порицания, функционируют в диалогическом общении в качестве иницирующего или ответного коммуникативного хода. Объект оценки в РА похвалы и порицания составляют моральные и интеллектуальные качества, внешность, манеры или поступки партнера по коммуникации или лица, отсутствующего в момент коммуникации.

РА похвалы передают объективную положительную оценку объекта, его признание. Однако если собеседник является объектом похвалы, то основная иллюкутивная цель такого РА – поддержать адресата, его самоуважение, уверенность и т. д.

(155) *The door opened and Michael Gosselyn looked up. Julia came in. “What’s that young man doing here?” She asked. “He’s the accountant. He comes from Lawrence and Hamphreys”. “He looks very young. He is a gentleman.” Julia said with a smile [391, p. 6]*

(156) *‘But Miss Temple is the best –isn’t she?’ Miss Temple is very good and very clever.’ [380, p. 37].*

В примере (155) говорящим положительно оцениваются манеры третьего лица, присутствующего при акте коммуникации, в то время как в

примере (156) положительную оценку находят умственные способности третьего лица, отсутствующего в момент коммуникации.

РА порицания отличаются наименьшей строгостью отрицательной оценки, для выражения которой говорящий выбирает неаффективные, иногда общеоценочные предикаты. Для такого типа РА характерна иерархичность статусных ролей. Примером может служить контекст (157): *'You naughty little thing!' she said. 'Why don't you come when you are called?'* [380, p. 26]

РА осуждения отличается от порицания тем, что осуждение представляет негативную оценку действий или поступков адресата, которые, по мнению говорящего, являются нарушением нравственных норм поведения. Примером может служить контекст (158) и (159):

(158) *"You're a stupid fool," said he* [385, p. 23].

(159) *"I think they are, without exception, the most vulgar girls in Highbury"* [378, p. 54].

РА комплимента характеризуется конвенциональной природой и является этикетным, формульным элементом коммуникации. Основная цель такого РА – установление контакта с собеседником и расположение его к себе. РА комплимента формулируются в рамках иницилирующего коммуникативного хода и всегда относятся к настоящему времени. Объектом РА комплимента являются внешность, манеры, поступки адресата ОВ.

(160) *'We know who you are,' spoke up the woman in evening dress. 'You're Rosemary Hoyt and I recognized you in Sorrento and asked the hotel clerk and we all think you're perfectly marvellous and we want to know why you're not back in America making another marvellous moving picture'* [385, p. 45].

(161) *Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell* [391, p. 67].

Так, в примерах (160) и (161) оценочное отношение субъекта к ОО выражено в пропозициональном содержании высказываний аффективными прилагательными *marvellous* и *swell*. В примере (160) аффективное прилагательное соединяется с интенсификатором *perfectly*, что

свидетельствует о большей степени заинтересованности адресанта. Иллокутивная цель данных оценочных РА состоит в выражении одобрения, адресованного слушающим, в форме комплимента, что позволит изменить их эмоциональное состояние и расположить к людям и атмосфере вокруг.

РА оскорбления, так же как РА комплимента формулируются в рамках иницирующего коммуникативного хода и всегда относятся к настоящему времени. Однако перлокутивная цель такого РА – задеть чувства адресата, обидеть его или унизить. Зачастую к РА оскорбления характеризуются употреблением эмоционально-оценочной лексикой, высоким уровнем экспрессивности и аффективности.

(162) *"You a perfect fool!"* [386, p. 117].

(163) *"God only knows what I 'ave to put up with," said Evie darkly. "You old cow"* [391, p.108].

Примеры (162) и (163) характеризуются употреблением дерогативной лексики (*fool, cow*). Отсутствием глагола-связки в двух примерах говорит о сиюминутном характере оценки.

РА лести характеризуется присутствием в мотивации говорящего расчета и корысти, что помогает обнаружить анализ контекста, в котором функционирует ОВ, и анализ пресуппозиций. РА такого типа создаются как ответный или иницирующийся коммуникативный ход и ориентированы на адресата-собеседника. Объектом РА лести выступает чаще всего внешность адресата, его интеллектуальные и моральные качества, умения, поведение и др.

Так, в примере (164) (*Silly little fool, trying to flatter me. As if I didn't know that.*) *"It's very sweet of you to put it like that. You're a pretty little thing"* [392, p. 131] говорящий продуцирует псевдоположительную оценку поведения собеседника с целью создания приятного впечатления о себе.

РА критики и упрека основываются на пресуппозиции, что какой-то поступок, ситуация, факт противоречат стереотипным представлениям говорящего, и тем самым вызывают негативную оценку. Иллокутивной целью говорящего является изменение поведения собеседника. Если имеет

место негативная оценка действий адресата, которые не затрагивают интересы говорящего, то в коммуникативной ситуации реализуется РА критики. Примером может служить контекст (165): *You are over-scrupulous, surely. I dare say Mr. Bingley will be very glad to see you* [379, p.12].

Если же действиями адресата затронуты интересы говорящего, то в коммуникативной ситуации реализуется РА упрека. Пример (166): *'Hardened girl!' exclaimed Miss Scatcherd; 'nothing can correct you of your slatternly habits!'* [380, p. 236].

РА со значением самопохвалы отличаются от выше перечисленных и описанных позитивно-оценочных РА тем, что говорящий одновременно является субъектом и объектом оценки. Очевидным является тот факт, что коммуникант имеет завышенную самооценку и не отличается скромностью по отношению к себе. Например, пример (167) *I can do that because I'm a bloody good actress* [391, p. 156].

В РА самопорицания говорящий выступает субъектом и объектом оценки, однако иллюкутивная цель такого РА – вызвать сочувствие, сожаление, понимание у слушающего: пример (168) *"Have you asked her to marry you?" "How could I? A damned rotter like me"* [392, p. 134].

Положительно-оценочным и негативно-оценочным РА актам свойственны определенные семантические и категориальные признаки, которые реализуются в процессе коммуникации.

3.1.2 Особенности РА с сопутствующей оценкой

В ходе анализа контекстов, составляющих корпус языкового материала исследования, удалось выделить также РА с сопутствующей оценкой, которые составляют 840 контекстов в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков (477 контекстов – 12% в XIX веке и 363 контекста – 17% в XX веке).

Особенностью таких РА является тот факт, что оценочное отношение говорящего к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его

ценностной значимости, является в РА этого типа сопутствующим явлением. Иллокутивная направленность таких РА не имеет тесную связь с оценочной деятельностью говорящего, но предполагает ее наличие для успешной коммуникации.

Интенция (мотив) говорящего в таких РА, чаще всего, не совпадает с пропозицией РА и может быть, как правило, определена из коммуникативной ситуации или эксплицитно представлена в самом сообщении в случае необходимости. Также установить характер коммуникативной интенции РА с сопутствующей оценкой, его иллокутивную цель, оценить его прагматический эффект можно только в широком контексте с учетом его взаимосвязей с другими предложениями/высказываниями.

В РА такого типа оценочное отношение не является основным иллокутивным признаком, а присутствует лишь в качестве прагматических или логических пресуппозиций. При этом их первичная иллокуция может быть выражена различными способами. К таким оценочным РА можно отнести совет, рекомендацию, разрешение, запрет, извинение, пожелание и т. п. Стоит отметить, что РА сопутствующей оценкой оценочная модальность соединяется с другими модальностями.

В лингвистической литературе многократно рассматривалась связь оценки и рекомендации / совета. Так, по мнению Р. Хэара, «фактические свойства, обуславливающие предикацию объекта референции как хорошего, служат основой для рекомендации объекта, вследствие чего оценочные слова имеют в языке особую функцию, а именно функцию рекомендации» [311]. На этом основании можно сделать вывод, что все РА с сопутствующей оценкой предполагают имплицитную рекомендацию или совет, и в результате, требуют прагматического анализа ОВ для выявления интенций говорящего.

Так, в примере (169) *It would be a bit awkward for you to see her just this once now that John's father is dead?* [387, p. 145] иллокутивная цель РА – дать совет слушающему. Чтобы совет выглядел более убедительным, говорящий

подкрепляет его выражением собственной негативной оценки к возможным действиям слушающего.

Значительную роль в определении коммуникативной интенции конкретного РА с сопутствующей оценкой и его иллокутивных функций также играет фактор ситуации, т.е. ситуативный контекст. По мнению В. Г. Гака, ситуация – это совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковые элементы при формировании самого высказывания [67].

Первичной интенцией говорящего в РА, представленном в примере (170) *Fleur dragged at his (Soames') arm. Ah! Let's go! It's a ghastly show* [389, p. 38], является требование покинуть выставку. Собственно ОВ выражает негативное отношение говорящего к объекту оценки, и, тем самым, аргументирует его настойчивое требование. Если учитывать ситуативный контекст при анализе примера (170), представленного в книге Дж. Голсуорси «Сдается в наем», нужно вспомнить, что Флер только пришла на выставку в галерею и хочет уйти не потому, что экспонаты ей не понравились или ей скучно, а потому что она встретила Джона и Ирен.

3.2 Модификация соотношения адресата и объекта оценки в оценочных речевых актах

На наш взгляд, одна из наиболее значительных ролей в сфере личного диалогического общения в художественном дискурсе принадлежит адресату. В рамках данного исследования под «адресатом» понимается партнер по диалогической коммуникации, которому адресовано оценочное суждение.

Анализ языкового материала позволил классифицировать РА оценки по принципу соотношения ОО с адресатом РА, когда объектом оценки является человек. Удалось выделить следующие типы РА: РА с прямым адресатом оценки, РА с непрямым адресатом оценки и эгоцентричные РА (см. табл. 3.4).

**Количественная характеристика РА оценки
по принципу соотношения адресата и объекта оценки**

№	Период Тип РА	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	С прямым адресатом оценки	1174	41	854	61,5
2.	С непрямым адресатом оценки	1217	42,5	368	26,5
3.	Эгоцентричный	473	16,5	166	12
	<i>Всего</i>	2864	100	1388	100

Когда объект оценки и адресат РА совпадают, тогда речь идет об РА оценки с прямым адресатом. Так, в контексте (130) *'You are the most wonderful little wife, he whispered. He pressed his mouth to hers'* [391, p. 64] прямым адресатом высказывания выступает индивид – объект оценки, который присутствует в момент реализации РА, направленного непосредственно на него. Иллокутивной целью говорящего является выразить свое положительное отношение к адресату. Кроме этого, субъект речи желает осуществить определенное прагматическое воздействие, цель которого вызвать у слушающего реакцию, соответствующую коммуникативной ситуации.

Из таблицы 3.4 видно, что насыщенность РА с прямым адресатом оценки различается в художественном дискурсе двух исследуемых периодов. Так, в художественном дискурсе XX века количество таких РА составляет 61,5% (854 контекста с ОБ), а в XIX веке – всего лишь 41% от корпуса эмпирического материала, отражающего межличностную коммуникацию. Это говорит о том, для коммуникации XX свойственно более открытое эмоциональное общение, в котором оценочные отношения характеризуются спонтанностью и сиюминутностью.

Если объект оценки и адресат РА не совпадают, то речь идет об оценочных РА с непрямым адресатом, например: (171) *'The door opened and*

Michael Gosselyn looked up. Julia came in. "What's that young man doing here?" She asked. "He's the accountant. He comes from Lawrence and Humphreys". "He looks very young. He is a young man of tact." Julia said with a smile' [391, p. 3].

В примере (171) участниками оценочного РА является говорящий, адресат и третье лицо, присутствующее при акте коммуникации и является ОО. Необходимо отметить, что субъект речи обращается как бы к адресату, не являющемуся ОО, но, направляет оценочное суждение на третье лицо, оценивая его. Оценочные РА такого типа не являются продуктивными для художественного дискурса как XIX, так и XX века, так как несут в себе элемент интриги и могут быть не поняты или не услышаны человеком, которому они адресуются.

Однако третье лицо, выступающее ОО, не всегда присутствует во время экспликации оценки. Примером служит (172) *Walter seems an unusually intelligent young man. Do you like him? I don't think I do very much. He irritates me a little, Kitty answered quickly' [392, p. 27]*, в котором главной интенцией говорящего является выразить собственное отношение к ОО, и тем самым инициировать адресата согласится или не согласится с высказанным оценочным суждением. РА оценки такого типа преобладают среди РА с непрямым адресатом оценки в художественном дискурсе XIX и XX веков.

Необходимо отметить, что частотность РА с непрямым адресатом оценки характерна больше для межличностного диалога персонажей XIX века и составляет 42,5%. Такого типа РА акты зачастую употребляются в коммуникативной ситуации сватовства или заочного знакомства с потенциальным партнером, а также в коммуникативной ситуации, в которой обсуждаются гости, приглашенные на какие-то мероприятия. Примером может служить контекст (173) *Emma laughed and told Harriet 'Elton is a very good sort of man, and a very respectable vicar of Highbury...' [378, p. 34]* или (174) *Mr. Weston turning again to Emma, 'but you must not be expecting such a very fine young man; I dare say he is really nothing extraordinary' [378, p. 95].*

Также в художественном дискурсе XIX века встречаются РА оценки, ОО которых является непрямым, но обобщенным и выражаться личным местоимением *they* (175) именем собственным (176)

(175) *You'll like Ireland, I think: they're such warm-hearted people there, they say* [380, p. 478].

(176) *The Lucases are very artful people indeed, sister* [379, p. 168].

Иногда ОО совпадает с адресатом РА оценки, тогда имеем дело с эгоцентрическими РА, например: (177) *'You're a poet, my dear! Jon sighed. "Oh, Golly! No go!" "Try! I used to at your age." "Did you? Mother says 'try' too; but I'm so rotten.'* [387, p. 61]. В контексте (177) субъект отрицательно оценивает свой талант к стихосложению в процессе диалогического общения. Главной интенцией говорящего выступает желание найти поддержку у слушающего, инициировать похвалу.

Однако эгоцентричные речевые акты не всегда реализуются в диалогической речи персонажей. Они могут выступать частью монологической речи, например, контекст (178) *'Luckily I'm a good actress,' – said Julia to reassure herself* [391, p. 128]. В такого рода случаях, главной интенцией говорящего является желание подбодрить себя (пример (178)) или, наоборот, пожалеть себя в непростой жизненной ситуации.

3.3 Конфигурация коммуникативных адресантно-адресатных отношений в речи персонажей в художественном дискурсе XIX–XX веков: гендерный аспект

Коммуникативное взаимодействие персонажей в художественном произведении осуществляется по правилам и канонам реальной коммуникации, на основе модели и опыта человеческого общения [273]. Гендерные стереотипы коммуникативного поведения мужчин и женщин отражаются в изображенной художественной коммуникации, а именно в диалогическом речевом взаимодействии персонажей, что в частности выражается в использовании разных по природе ОВ в коммуникативных ситуациях.

В диалоге есть два основных актанта: говорящий (адресант) X и адресат Y, на которого направлено высказывание [62].

Человеческий фактор, который играет важную роль при анализе РА, подразумевает наличие ряда аспектов разной природы: от этнических особенностей и языковой компетенции до внешнего вида и индивидуальных предпочтений и привычек. Разделяя мнение Ю. С. Старостиной, считаем, что наиболее важными аспектами человеческого фактора являются: социально-культурный статус партнеров по коммуникации, их биолого-физиологические данные, а также психологические характеристики коммуникантов в определенной момент речи [374].

Социально-культурный статус предполагает наличие широкого спектра признаков. С одной стороны, определенной социальной принадлежности человека, подкрепленной его профессиональным образованием и должностью, а, с другой стороны, находятся культурные обычаи и нормы, присущие места и времени проживания человека. Возраст и пол коммуниканта принадлежат к классу биолого-физиологических данных и обуславливают особенности его речевого поведения, отражающие его мировоззрение. В группу психологических характеристик говорящего входит его психологический тип и определенное психологическое состояние в конкретный момент коммуникации, т. е. его настроение, эмоции и т. д.

Экспликация оценочного смысла соотносится с социальным, речевым, психологическим, интеллектуальным и физическим аспектами личности адресанта (говорящего) и адресата. Коммуникативные роли, выполняемые партнерами по коммуникации, неодинаковы по своему статусу, и поэтому они образуют своеобразную иерархию, возглавляемую ролью говорящего, который часто выступает лидером коммуникации. Однако роль лидера речевого взаимодействия может и принадлежать адресату ОВ, в зависимости от обстоятельств в каждой конкретной ситуации общения.

Если адресант инициирует коммуникацию, то он/она своим коммуникативным поведением выполняет самоидентификацию – он/она знает о

своей коммуникативной роли, о своем социальном статусе, о функциональном статусе в данной дискурсивной интеракции, также о своей интенции и т. д. Адресат, занимающий второе место в иерархии коммуникативных ролей, во время интеракции пытается определить, уточнить или дополнить речевой ход говорящего. Поэтому только интеграция усилий говорящего и адресата приводит к эффективному речевому взаимодействию.

По принципу адресантно-адресатного взаимодействия партнеров по коммуникации, ОВ, составляющие корпус эмпирического материала, были разделены на четыре группы:

1) ОВ, где мужчины оценивают женщин:

(179) *Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell, he said breathlessly* [391, p. 106];

2) ОВ, где мужчины оценивают мужчин:

(180) *What does that chap Profond do in England? He yachts. Ah! Soames exclaimed; He's a sleepy chap* [387, p. 28];

3) ОВ, где женщины оценивают мужчин:

(181) *He's a good swimmer, Rosemary said* [385, p. 14];

4) ОВ, где женщины оценивают женщин:

(182) *What is she like? ... Oh, quite a nice little thing. Actressy. – said Mrs. Townsend* [392, p. 38–39].

Для коммуникативных ситуаций общения, рассматриваемых в работе, характерны персональная адресованность, то есть индивидуальное обращение партнеров по коммуникации к друг другу, взаимные интересы и понимание темы разговора, а также внимание коммуникантов к организации обратной связи в процессе общения. Кроме этого, адресат ОВ всегда присутствует в момент коммуникации в том же пространстве и времени, что и адресант, и поэтому активно влияет на характер речевого общения.

Продуцируя оценку адресата в ситуации общения, говорящий не только анализирует коммуникативную ситуацию, стараясь выбрать наиболее адекватную форму выражения оценки, в зависимости от преследуемой

иллокутивной цели, а также основывается на своем социальном опыте, знаниях о мире, определенных нормах и стереотипах общения, закрепленных в обществе. Поэтому структура и семантика ОВ, на наш взгляд, предопределяется коммуникативной сферой, к которой относится конкретная ситуация общения. Анализирую корпус эмпирического материала, удалось выделить четыре коммуникативные сферы, отличающиеся этикетными стереотипами общения: семейные, дружеские, любовные и профессиональные отношения.

Необходимо отметить, что ОВ принадлежащие к таким коммуникативным сферам, как семейные, дружеские и профессиональные отношения, продуцируются коммуникантами, представляющими как гомогенные (Мужчина → Мужчина, Женщина → Женщина), так и гетерогенные пары (Мужчина → Женщина, Женщина → Мужчина). В то время как, внутри коммуникативной сферы любовные отношения рассматриваются оценочные суждения, принадлежащие гетерогенным парам коммуникантов.

В каждой из представленных сфер общения коммуниканты исполняют определенные социальные роли. Л. П. Крысин, трактуя этот термин, фокусирует внимание на коммуникативном аспекте, определяя социальную роль как форму социального поведения, обусловленную статусом индивида в социальной группе, которая находит свою реализацию в определенной коммуникативной ситуации [150]. А. Д. Швейцер считает, что к компонентам статуса стоит отнести возраст коммуникантов, их пол, а также принадлежность к определенной социальной группе. В то же время, лингвист определяет ролевые отношения как взаимоотношения между партнерами по коммуникации, которые зависят от конкретной социальной ситуации и изменяются под ее влиянием [295].

Социальные роли можно считать заданными заранее, так как в каждом лингвокультурном сообществе существует ролевая матрица или «матрица общения» (термин Дж. Гамперца) – совокупность типовых социальных

ролей, характерных для поведения членов данного общества [350]. Распределение социальных ролей между коммуникантами зависит от инициатора РА. В процессе коммуникативного взаимодействия говорящий помещает адресата на ту или другую ступень иерархической лестницы, опираясь на свой статус. Анализируя коммуникативные ситуации, в которых используются ОВ, удалось определить две модели соотношения социальных ролей коммуникантов в интерперсональном взаимодействии в ситуациях оценки:

- 1) социальная роль X выше / ниже социальной роли Y;
- 2) социальные роли X и Y равнозначные [12; 15].

Так, в первой модели имеем дело с асимметричными статусными отношениями коммуникантов, а во второй модели – с симметричными.

3.4.1 Гендерный аспект адресантно-адресатных отношений в положительно-оценочных речевых актах

Довольно часто мужчины и женщины, произнося одни и те же фразы, имеют разные мотивы, коммуникативные цели, а также по-разному интерпретируют слова друг друга. Так, похвалу либо другое положительно-оценочное высказывание можно воспринимать как проявление солидарности или как демонстрацию превосходства, доминирования в межличностных отношениях.

С помощью гендерного анализа положительно-оценочные РА, составляющие корпус эмпирического материала исследования, удалось классифицировать на следующие подгруппы, отражающие адресантно-адресатные отношения коммуникантов (см. табл. 3.5)

**Количественная характеристика положительно-оценочных
высказываний по принципу адресантно-адресатного взаимодействия
коммуникантов**

№	Тип конфигурации	Позитивно-оценочные высказывания			
		XIX в		XX в	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Женщина → Мужчина	425	45	158	40
2.	Мужчина → Женщина	303	32	178	45
3.	Женщина → Женщина	170	18	27	7
4.	Мужчина → Мужчина	47	5	32	8
	Всего	945	100	395	100

Данные таблицы 3.5 показывают, что среди позитивно-оценочных РА наиболее продуктивной конфигурацией для англоязычного художественного дискурса XIX века является та, в которой женщины оценивают мужчин, а для XX века, где мужчины оценивают женщину. Данный факт можно объяснить трансформацией ценностной картины мира коммуникантов, связанной с изменением набора обязанностей, объема ответственности и социальных ролей коммуникантов, имеющих разную гендерную характеристику. Кроме этого, исследование показало, что для коммуникантов в англоязычном художественном дискурсе двух веков характерен большой интерес к оцениванию лиц противоположного пола, т. е. преобладают ОВ, продуцируемые внутри гетерогенных / разнополых типах конфигураций адресантно-адресатных отношений коммуникантов (в художественном дискурсе XIX века – 728 ОВ или 77%; в художественном дискурсе XX века – 336 ОВ или 85%).

Данные таблицы 3.5 позволяют сделать вывод, что в художественном дискурсе XIX века адресантами положительно-оценочных высказываний выступают женщины (595 контекстов с ОВ или 63%), в то время как в

художественном дискурсе XX века наблюдается тенденция к увеличению положительно-оценочных высказывания, продуцируемых мужчиной (210 контекстов с ОВ или 53%). В художественном дискурсе XIX века мужчины и женщины в равной степени выступают объектом положительной оценки, в то время как в художественном дискурсе XX века преобладают ОВ, в которых объектом положительного суждения выступают женщины (205 контекстов с ОВ или 52%).

Анализируя прагматический потенциал ОВ и коммуникативную интенцию говорящего, необходимо помнить о том, что коммуникативная сфера и коммуникативная роль адресанта влияет на выбор оценочных средств. Анализ положительно-оценочных ОВ, составляющих корпус эмпирического материала исследования, также позволил выделить наиболее продуктивные коммуникативные сферы актуализации ОВ для англоязычного художественного дискурса XIX и XX веков (см. табл. 3.6).

Таблица 3.6

Количественная характеристика положительно-оценочных высказываний по принципу коммуникативной сферы их функционирования

№	Коммуникативная сфера	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Семейные отношения	416	44	134	34
2.	Дружественные отношения	255	27	71	18
3.	Любовные отношения	217	23	147	37
4.	Профессиональные отношения	57	6	43	11
	<i>Всего</i>	945	100	395	100

Исходя из статистических данных, представленных в таблице 3.6, понятно, что в художественном дискурсе XIX века наибольшей продуктивностью и значимостью отличаются коммуникативные сферы семейных (416 контекстов с ОВ или 44%) и дружественных (255 контекстов с

ОВ или 27%) отношений, в то время как в художественном дискурсе XX века высокой коммуникативной значимостью характеризуются сферы любовных (147 контекстов с ОВ или 37%) и семейных (134 контекстов с ОВ или 34%) отношений. Коммуникативной сфере профессиональных отношений свойственна низкая номинативная плотность ОВ в художественном дискурсе двух исследуемых периодов.

Внутри коммуникативной сферы «семейные отношения» были выделены ситуации, в которых реализуются асимметричные статусные отношения, как сверху-вниз, так и снизу-вверх.

Примером асимметричных статусных отношений снизу-вверх могут служить положительно-оценочные ОВ, продуцируемые сыном в адрес матери выполняющей коммуникативную функцию одобрения. ОП выражен чаще всего общеоценочным прилагательным, существительным с оценочной семой или общеоценочным адъективным словосочетанием, что предопределяет смысловое развитие ситуации оценки.

Так, в примере (183) *You've been a very good mother. You've done something for which I shall always be grateful to you, you've left me alone* [391, p. 272] ОП эксплицируется с помощью адъективного словосочетания, в котором общеоценочный предикат *good* сочетается с интенсификатором *very*, что указывает на высшую степень проявления признака. Кроме этого, в контексте вербализируется мотив оценки, сопровождающий общеоценочный смысл и эксплицирующий оценочные стереотипы говорящего, что дает основание характеризовать ОВ как рациональное.

ОВ в контексте (184) *Mother was an angel said Jon to Fleur* [387, p. 134] можно квалифицировать как эмоционально-рациональное, так как ОП, представленный существительным с оценочной семой *angel*, с одной стороны, отражает стереотипные представления говорящего об объекте оценки (*an angel – a person, especially a woman, who is kind, pure, or beautiful* [377]), а, с другой стороны, является его реактивной оценочной характеристикой, вызванной определенной коммуникативной ситуацией.

Примером асимметричных статусных отношений сверху-вниз могут служить коммуникативные ситуации, в которых родители оценивают своих детей. Большинство ОВ, с помощью которых отец/мать выражает оценочное суждение, составляют частнооценочные высказывания, в которых говорящий позитивно оценивает способности объекта ((185) *As a child she was pretty smart* [389, p. 187], черты характера объекта ((186) *Well, said Soames, looking her up and down, you're rather punctual sort of young woman* [387, p. 18]) реализуется положительная эмоционально-рациональная оценка.

Внутри коммуникативной сферы «семейные отношения» были выделены ситуации, в которых реализуются симметричные статусные отношения, например, позитивно-оценочные оценочные суждения в адрес супруга или супруги. Особенностью ОВ, продуцируемых мужчиной-супругом, является употребление в пропозициональной структуре ОВ общеоценочных прилагательных, позитивное значение которых усиливается различными интенсификаторами. В примере (187) *She's been an awfully good wife to me, you now* [393, p. 80] общеоценочный предикат *good* в сочетании с интенсификатором *awfully* выражает высшую степень оцениваемого признака, подчеркивая глубокую эмоциональную привязанность к объекту оценки. В данном примере говорящий вербализирует субъективное оценочное отношение, соотнося качества оцениваемого объекта с нормой и стереотипными представлениями, существующими в данном обществе. Превосходная степень общеоценочного прилагательного также служит средством обозначения наивысшей степени признака объекта оценки, например, контекст (188) *You are the most wonderful little wife,' he whispered* [390, p. 64]. Существительное *wife* в контекстах (187) и (188) выполняет не только вспомогательную квалифицирующую функцию, указывая на принадлежность конкретно-референтного лица к определенному классу, но также определяет объем общеоценочного предиката, сужая семантические границы оценочного признака до социальной роли жены. ОВ этой группы могут быть высказывания как с прямым, так и с непрямым адресатом.

Интересным является тот факт, что среди ОВ этой группы встречаются ОВ, посредством которых оцениваются качества жены, отвечающие стереотипному образу идеальной женщины в любом обществе: женщина-мать, женщина-друг, женщина-леди. Примерами могут служить контексты (189), (190), (191) соответственно:

(189) *She was a wonderful mother. Charlie always said that of her* [392, p. 10];

(190) *But she's always been an excellent friend for me, said Charles* [392, p. 80];

(191) *She is all the same a very great lady* [390, p. 160].

Что касается ОВ, в которых женщина оценивает мужчину-супруга, то на первое место выходят такие характеристики адресата, как личностные качества, а также успехи и достижения супруга. Интересно, что внешность мужчины в таких коммуникативных ситуациях очень редко входит в фокус внимания женщины.

В сфере любовные отношения ОВ реализуются в коммуникативных ситуациях флирта и любовной игры, поэтому такие ОВ имеют только позитивно-оценочную сему. В этой коммуникативной сфере мужчины- и женщины-адресанты не обращают внимание на характер и поведение адресата противоположного пола, наиболее важным для них является внешность, красота и молодость объекта.

Чаще всего оценочное отношение выражается частнооценочными предикатами, актуализирующими эстетический аспект оценки, причем их значение усиливается стилистическими приемами, интенсификаторами или использованием превосходной степени прилагательного. Так, в примере (192) *You're beautiful, he said. A little beautiful than ever* [394, p. 309] оценка объекта выражается аффективным частнооценочное прилагательным *beautiful*, значение которого усиливается его повторным использованием в контексте в ОВ со значением сравнительной оценки, что указывает на большую насыщенность признака оцениваемого объекта.

В контекстах (193) и (194) эксплицируется наивысшая степень признака объекта оценки посредством сочетания частнооценочного прилагательного с интенсификатором, или с помощью использования превосходной степени.

(193) *You are terribly attractive woman* [395, p. 113].

(194) *You were the nicest sight I ever looked at* [389, p. 105].

Необходимо отметить, что особенностью ОВ этой группы является тот факт, что объект и адресат оценки совпадают, потому что такие ОВ имеют форму комплимента, который утрачивает всякий смысл, если объект оценки отсутствует при актуализации ОВ в коммуникативной ситуации.

Говоря о коммуникативной сфере «дружественные отношения», необходимо отметить, что в ней реализуются только симметричные статусные отношения. Также оценочные суждения, произнесенные мужчиной-другом в адрес мужчин и женщин, разнятся по форме и коммуникативной интенции. Чаще всего мужчина-друг оценивает внешность женщины в коммуникативной ситуации комплимента, поэтому ОВ выступает средством поддержания дружелюбной и дружеской атмосферы, а также помогает заполучить благосклонное отношение и расположение женщины. Примером может служить контекст (157):

(195) *'Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell' he startled* [391, p. 106].

Если речь идет о гомогенных парах, то внимание мужчин будет сфокусировано, скорее всего, на личностных качествах партнера по коммуникации, а также его успехах в разных сферах жизни. Необходимо отметить, что положительно-оценочные высказывания, где адресантом и адресатом ОВ является женщина, являются нетипичными для художественного дискурса XIX–XX веков.

Что касается ОВ, продуцируемых женщинами по отношению к мужчинам, нужно отметить тот факт, похвала является неким практическим ходом для женщины, который имеет своей целью улучшение отношений с собеседником и создание благоприятной обстановки общения. Так, в

примере женщина выражает прямую эксплицитную оценку мужчине-другу, высказывая свою благодарность и восхищение:

(196) *Oh, Charles, how can you! You are sweet* [391, p. 67].

Женщины обычно хвалят мужчин за личные качества, поступки, а также достижения.

В коммуникативной сфере «профессиональные отношения» мужчины, оценивая женщину, проявляют себя диаметрально противоположно, продуцируя сугубо эмоциональные или рациональные ОВ. Так, ОВ в примере (197) *She was so damn brave, said Dick* [385, p. 355] характеризуется как эмоциональное, о чем свидетельствует соединение нейтрального интенсификатора *so* и нецензурного просторечного *damn* с частнооценочным прилагательным *brave*. В контексте (198) *I think you are a genius* [391, p. 23], наоборот, актуализируется взвешенное рациональное оценочное суждение, о чем свидетельствует использование аксиологического предиката *think*, который снижает категоричность высказывания, подчеркивая тот факт, что оценка относится к концептуальному миру говорящего.

Речевой акт похвалы, приведенный в примере (199), выражается мужчиной, который принадлежит к высшему обществу, по отношению к женщине низшего сословия – его служанке. Он обладает всеми свойствами похвалы, типичной мужчине: длинная реплика, которая привлекает и удерживает внимание слушающего, наличие прямого средства выражения оценки, т. е. положительно-оценочных прилагательных *very good, civil, pretty-spoken, very pretty, right, excellent*, градация оценки *very good servant – excellent servant*. Также основанием для похвалы являются черты характера женщины и её профессионализм. Стоит отметить, что оценочный акт реализуется в ходе обсуждения, т. е. через третье лицо.

(199) *I am very glad I did think of her; and I am sure she will make a very good servant: she is a civil, pretty-spoken girl; I have a great opinion of her. Whenever I see her, she always curtseys and asks me how I do, in a very pretty manner; and when you have had her here to do needlework, I observe she always*

turns the lock of the door the right way and never bangs it. I am sure she will be an excellent servant... [378, p. 98].

Ведущей темой мужских разговоров является обсуждение и одобрение профессии, карьерных достижений, финансового положения:

(200) *“I should like to introduce you to Miss Lambert,” said Michael. Then with the air of an ambassador presenting an attache to the sovereign of the court to which he is accredited: “This is the gentleman who is good enough to put some order into the mess we make of our accounts”* [391, p. 7].

Так, в примере (200) оценка вводится в ходе представления объекта третьему лицу и оценивается лишь с точки зрения работы, выполняемой им. В высказывании используется деинтенсификатор *enough*, который указывает на, так называемую «скупую» похвалу.

Комплименты, произнесенные мужчиной мужчине, немногочисленны и лаконичны. С точки зрения социолингвистики, мужское социальное поведение рассматривается как нормативное, не требующее излишних комментариев.

Необходимо отметить, что женщины в большинстве случаев выражают свое положительно-оценочное отношение к другим женщинам за их личные качества либо внешний вид. Однако часто положительная оценка сочетается со скрытым порицанием и воспринимается как колкость, что и продемонстрировано в примере (201).

(201) *“Oh!” cried Emma, “I know there is not a better creature in the world: but you must allow, that what is good and what is ridiculous are most unfortunately blended in her”* [378, p. 56].

В контексте (201) женщина-адресант обсуждает другую женщину с мужчиной и, оценивая её, употребляет косвенную эксплицитную оценку (оборот *there is not...*), за которой следует упоминание её недостатка.

Стоит также подчеркнуть, что английскому художественному дискурсу свойственно употребление, так называемой «пустой» похвалы с целью выражения вежливости. В этом случае чаще всего женщина оценивает

женщину, а социальное положение собеседников нивелируется. Данные речевые акты предписаны правилами этикета. Таким образом, несмотря на то, что похвала считается неискренней, адресат ее принимает, а адресантом используется стратегия «вежливость-маска».

(202) (*"Hard as nails. And with an eye to the main chance. Doing the colonel's daughter on me."*) *"It's awfully nice of you to come round I'm afraid it's not much of a play, but when one's starting like I am one has to put up with what one can get. I was rather doubtful about it when they sent it me to read, but I took a fancy to the part."* *"You were charming," said Julia* [391, p. 267].

В данном примере истинную интенцию адресанта комплимента определяет контекст: своё пренебрежительное отношение женщина скрывает, высказывая неискреннюю похвалу начинающей актрисе с целью ободрения.

3.4.2 Гендерный аспект адресантно-адресатных отношений в негативно-оценочных речевых актах

С помощью гендерного анализа негативно-оценочные РА, составляющие корпус эмпирического материала исследования, удалось классифицировать на следующие подгруппы, отражающие адресантно-адресатные отношения коммуникантов (см. табл. 3.7).

Таблица 3.7

Количественная характеристика негативно-оценочных высказываний по принципу адресантно-адресатного взаимодействия коммуникантов

№	Тип конфигурации	Негативно-оценочные высказывания			
		XIX в.		XX в.	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Женщина → Мужчина	461	57	259	43
2.	Мужчина → Женщина	105	13	132	22
3.	Женщина → Женщина	194	24	151	25
4.	Мужчина → Мужчина	48	6	60	10
	<i>Всего</i>	<i>808</i>	<i>100</i>	<i>602</i>	<i>100</i>

Согласно данным, представленным в таблице 3.7, в англоязычном художественном дискурсе XIX и XX веков среди негативно-оценочных высказываний высокой номинативной плотностью обладают ОВ, посредством которых женщины оценивают мужчин. Кроме этого, удалось установить, что для партнеров по коммуникации больше заинтересованы в продуцировании негативно-оценочных суждений в адрес коммуникантов противоположного пола (в художественном дискурсе XIX века – 566 ОВ или 70%; в художественном дискурсе XX века – 336 ОВ или 65%). Однако в художественном дискурсе исследуемых периодов высока номинативная плотность негативных ОВ, в которых реализуется тип конфигурации адресантно-адресатных отношений Женщина → Женщина.

Из таблицы 3.7 видно, что в художественном дискурсе XIX и XX веков адресантам негативно-оценочных высказываний выступают женщины (в художественном дискурсе XIX века – 655 контекстов с ОВ или 81%; в художественном дискурсе XX века – 410 контекстов с ОВ или 68. В художественном дискурсе XIX, как и XX века мужчины являются адресатом и/или объектом негативной оценки в подавляющем большинстве ОВ, составляющих корпус материала исследования (XIX век – 509 контекстов с ОВ; XX век – 319 контекстов с ОВ или 53%).

Анализируя прагматический потенциал ОВ и коммуникативную интенцию говорящего, необходимо помнить о том, что коммуникативная сфера и коммуникативная роль адресанта влияет на выбор оценочных средств. Анализ негативно-оценочных ОВ, составляющих корпус эмпирического материала исследования, также позволил выделить наиболее продуктивные коммуникативные сферы актуализации ОВ для англоязычного художественного дискурса XIX и XX веков (см. табл. 3.8).

**Количественная характеристика негативно-оценочных высказываний
по принципу коммуникативной сферы их функционирования**

№	Период Коммуникативная сфера	XIX век		XX век	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Семейные отношения	275	34	163	27
2.	Дружественные отношения	259	32	132	22
3.	Любовные отношения	250	31	259	43
4.	Профессиональные отношения	24	3	48	8
	<i>Всего</i>	808	100	602	100

Данные, представленные в таблице 3.8, говорят о том, что в художественном дискурсе XIX века наибольшей коммуниктивной значимостью отличаются коммуникативные сферы семейных (275 контекстов с ОВ или 34%) и дружественных (259 контекстов с ОВ или 32%) отношений, в то время как в художественном дискурсе XX превалируют ОВ, относящиеся к коммуникативной сфере любовных (259 контекстов с ОВ или 43%) и семейных (163 контекстов с ОВ или 27%) отношений. Коммуникативной сфере профессиональных отношений свойственная низкая номинативная плотность ОВ в художественном дискурсе двух анализируемых периодов.

Говоря о семейной коммуникативной сфере, нужно отметить, что ассиметричные отношения в основном реализуются в ОВ, в которых мужчина-отец/женщина-мать выражают негативное оценочное суждение по отношению к своим детям. Большинство такого рода ОВ составляют частнооценочные высказывания, в которых говорящий негативно оценивает поведение и поступки адресата ((203) *It's an infernal mischance; I've done my best to discourage it. I consider my daughter crazy* [387, p. 247]. Чертам

характера объекта также может даваться негативная оценка: (204) *I want someone to amuse Fleur; she's restive* [387, p. 27].

Что касается реализации симметричных отношений, то здесь превалируют ОВ, в которых супруги негативно оценивают друг друга. Причем, мужчинами негативно оцениваются черты характера и интеллектуальные способности женщин ((205) *I knew you were silly and frivolous and empty-headed. But I love you* [392, p. 69]), а также их поведение и поступки ((206) *'What's the matter, darling?' 'Don't talk to me. You dirty little bitch, you've made me cry'* [391, p. 35], а также их поступки и поведение. Высказывание в примере (206) является эмоционально-оценочным, так как в его пропозициональной структуре используется дерогативная лексика и отсутствует глагол-связка, что свидетельствует высокой степенью реактивности и ситуативности. В фокусе женского внимания обычно поведение мужчин и их личностные качества, а также не успешность в разных сферах жизни.

Интересным является тот факт, что в сфере «любовные отношения» негативно-оценочные высказывания свойственны женщинам-адресантам по отношению к их любовникам, как следствие неудавшихся романтических отношений. Объектом оценки может служить личностные качества мужчин-адресатов, их поведение и поступки.

Что касается коммуникативной сферы дружеские отношения, то мужчины оценивают негативно характер женщины (контекст (207)), манеру общения или поведение (контекст (208)).

(207) *Baby is a trivial and selfish woman, said Dick to oneself* [385, p. 357].

(208) *Nobody cares whether you drink or not – She hesitated, even when Abe hardest, he never offended people like you do. You are so dull, he said* [385, p. 456].

Проанализировав языковые средства, используемые мужчинами для негативного оценивания объекта, представляется возможным сделать вывод, что они выражают порицание и его виды (укор и упрек) более прямолинейно.

(209) *"Silly old bitch", he said behind her* [391, p. 59].

(210) *What a filthy mind you've got, Julia! You are such a fool!* [391, p. 78].

В примерах (209) и (210) адресант эксплицирует негативное оценочное суждение по отношению к своим собеседницам за их бестактность. Стоит отметить, что мужчинам свойственно использование обидных для женщин прямых негативно-оценочных средств.

Основанием для порицания мужчины женщиной также чаще всего является его непрестижная профессия, низкий материальный достаток и отсутствие достижений. Например, (211) *That may be, and I may have seen him fifty times, but without having any idea of his name. A young farmer, whether on horseback or on foot, is the very last sort of person to raise my curiosity. The yeomanry are precisely the order of people with whom I feel I can have nothing to do* [377, p. 89]. Приведенный пример (211) демонстрирует имплицитное порицание по отношению к мужчине, который не принадлежит к высшему обществу по происхождению, следовательно, он сам не вызывает у говорящего никакого интереса.

Порицания, произнесенные женщиной, носят чаще всего имплицитный характер, выражаются косвенно. Так, следующая реплика произносится женщиной-адресантом по отношению к её хорошему товарищу, с мнением которого она не согласна:

(212) *You are not the best in it. We think so very differently on this point, Mr. Knightley, that there can be no use in canvassing it. We shouldn't be angry because of it.* [378, p. 94]. Так, адресант, предлагая достаточно категоричное оценочное высказывание в начале (*You are not the best in it*), старается снизить напряжение и избежать возможного конфликта. Целью порицания является не столько негативная оценка поступка собеседника, а стремление успокоить и помочь ему скорректировать своё поведение.

Тем не менее, не стоит исключать случаи, когда женские порицания содержат негативно-оценочную лексику и приобретают более эксплицитный характер. В этом случае мы имеем дело с эмоциональным порицанием, которое может быть адресовано и мужчинам, и женщинам:

(213) “*Pompous old ass*”, she hissed as she went down in the lift [391, p. 56].

(214) “*You shut your trap, you old cow*”, said Julia, who could be very vulgar when she chose [391, p. 90].

Можно сделать вывод, что для женщин характерна бóльшая эмоциональность и меньшая искренность, чем для мужчин.

Выводы к главе 3

1. Универсальным категориальным признаком оценочных РА является его иллокутивная сила, прямо или косвенно связанная с оценочной деятельностью коммуниканта. Эмпирический корпус материала включает РА с прямой оценкой (имеют несколько оценочных иллокутивных смыслов, которые находятся между собой в отношении взаимной поддержки) и РА с сопутствующей оценкой (могут совмещать в себе несколько прагматический функций, однако оценочное отношение в них представлено в форме логических или прагматических пресуппозиций).

2. В художественном дискурсе как XIX, так и XX века чаще всего представлены двуиллокутивные РА с прямой оценкой (в XIX веке – 1646 контекстов (88%), и в XX веке – 786 контекстов (83%)). В ходе исследования РА такого типа были разделены подгруппы: позитивно-оценочные РА, негативно-оценочные РА и РА с комбинированной оценкой. В художественном дискурсе XIX века преобладают позитивно-оценочные РА (737 контекстов – 44,8%), в то время как в XX веке большей насыщенностью характеризуются негативно-оценочные РА (413 контекстов – 52,6%) (см. табл. 3.1).

В ходе проведенного исследования РА с положительно-оценочной и негативно-оценочной семой были разделены согласно ОО и интенции говорящего на следующие группы (см. табл. 3.2, 3.3): РА одобрения / неодобрения, которые ориентированы только на неодушевленные предметы, события, ситуации и т. д.; РА похвалы / порицания, объектом которых является человек и его характеристики; РА самопохвалы / самопорицания, объектом которых является сам СО; РА комплимента, характеризующейся

конвенциональной природой; РА оскорбления, цель которых – задеть чувства адресата; РА лести, отличительной особенностью, которого является неискренность и корысть; РА критики / упрека.

Наибольшей продуктивностью в XIX и XX веке (см. табл. 3.2) обладают РА, посредством которых реализуется похвала и одобрение, в то время как наименее продуктивным является РА лести в обоих исторических периодах. Внутри негативно-оценочных РА преобладают также РА неодобрения и порицания в двух исследуемых исторических периодах (см. табл. 3.3). В художественном дискурсе XX века, в сравнении с XIX веком значительно представлены РА критики / упрека (83 контекста – 20%) и РА оскорбления, что объясняется всеобщим негативным настроением, царящим в обществе XX века.

РА с сопутствующей оценкой нешироко представлены в художественном дискурсе XIX–XX века и составляют 385 контекстов в XIX–XX веках (225 контекстов – 12 % в XIX веке и 160 контекстов – 17% в XX веке). В такого рода оценочных РА оценочная модальность соединяется с другими модальностями (совета, рекомендации, разрешения и т. д.), а оценка является лишь сопутствующим фактом.

3. Языковой материал исследования позволил классифицировать РА оценки, в которых ОО является человек, по принципу соотношения ОО с адресатом РА. Удалось выделить следующие 3 группы: РА с прямым адресатом оценки, РА с непрямым адресатом оценки и эгоцентричные РА. В художественном дискурсе XIX века чаще встречаются РА с непрямым адресатом оценки, при актуализации которого ОО не присутствует. Для художественного дискурса XX века наиболее продуктивным является РА с прямым адресатом оценки. Это свидетельствует о разнице коммуникативных ситуаций общения, а также канонов общения, существующих в двух исследуемых периодах.

4. Основными аспектами, предопределяющими сущность РА оценки, являются фактор адресанта и адресата. В содержании адресантного аспекта

РА оценки отражаются социальные роли говорящего (социальное положение, возраст, гендер, профессия и т. п.), его коммуникативные и психологические характеристики, куда входят коммуникативные компетенция, способности, темперамент и т. д. Адресант чаще всего определяет содержание сообщения и его иллокутивную силу. В этом смысле можно говорить о направляющей роли говорящего в РА. Адресатный аспект, в свою очередь, включает слушателя в совокупности его социальных и ситуативных ролей, знаний о мире, мотивов и целей. Социально-ситуативные характеристики адресата важны для определения интерперсональной линии коммуникации адресант-адресат в РА оценки.

5. По принципу адресантно-адресатного взаимодействия партнеров по коммуникации ОВ, составляющие корпус эмпирического материала, делятся на четыре группы: ОВ, где мужчины оценивают женщин; ОВ, где мужчины оценивают мужчин; ОВ, где женщины оценивают мужчин; ОВ, где женщины оценивают женщин. Среди позитивно-оценочных РА наиболее продуктивной конфигурацией для англоязычного художественного дискурса XIX века является та, в которой женщины оценивают мужчин, а для XX века – Мужчина → Женщина. В англоязычном художественном дискурсе XIX и XX века среди негативно-оценочных высказываний высокой номинативной плотностью отличается группа РА, посредством которых женщины оценивают мужчин.

Основные положения данной главы отражены в публикациях автора [208, 211, 213, 218, 225].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. ОВ является наиболее распространенным способом квалификации действительности в художественном дискурсе, который благодаря богатству выразительных средств эффективен для понимания мировоззренческих универсалий лингвокультурного сообщества в определенный исторический период.

2. Тематическая классификация ОВ включает две фундаментальных тематических области «Человек» и «Окружающий мир» на том основании, что оценка является антропоцентрической категорией и соотносится с человеком и его характеристиками, а также со всеми аспектами действительности, которые затрагивают его интересы. Коммуникативная плотность ОВ, относящихся к области «Человек», выше в художественном дискурсе обоих периодов. Тематические области «Человек» и «Окружающий мир» включают 11 и 10 групп ОВ соответственно. В художественном дискурсе XIX века среди ОВ, относящихся к тематической области «Человек», преобладают тематические группы с оценкой характера, внешности, умственных способностей. Наиболее продуктивными группами ОВ в художественном дискурсе XX века являются характер, поведение / манеры, внешность. Наиболее частотными группами ОВ тематической области «Окружающий мир» в художественном дискурсе XIX века являются строения / места, погода, мероприятия, XX века – события, ситуации, строения / места.

3. В художественном дискурсе XIX века преобладают ОВ с положительной оценкой, а в XX веке – ОВ с негативной оценкой. Политические, экономические и социальные перемены в обществе XX века способствовали трансформации картины мира коммуникантов, их мироощущения и психологического состояния. Это способствовало изменениям аксиологического характера оценки. В XX веке наблюдается существенное превосходство негативно-оценочных высказываний над положительно-оценочными, в то время как в художественном дискурсе XIX века положительно-оценочные высказывания незначительно преобладают.

4. Динамические изменения оценки, вербализируемые в художественном дискурсе XIX–XX веков, также прослеживаются в варьировании соотношения оценочных высказываний с эмоциональным и рациональным семантическим типом оценочного значения. В XX веке имеется тенденция к нарастанию коммуникативной плотности ОВ с эмоциональной оценкой, что объясняется ситуативным характером оценки и ее ориентацией на эмоциональное состояние отдельного человека. Концентрация ОВ рационального типа выше в художественном дискурсе XIX века, что позволяет сделать вывод, о мотивированности оценки нормами и стандартами общения, закрепленными в обществе. В художественном дискурсе XX века увеличивается экспрессия и аффективность оценочных средств, а также меняется набор средств градуирования оценочного признака – появляются интенсификаторы, относящиеся к нелитературному языку.

5. Предикат эмоционального ОВ выражается аффективным прилагательным в сочетании со словами-интенсификаторами или существительным. В рациональных ОВ предикат репрезентируется прилагательным в сочетании со словом-деинтенсификатором, собственно оценочная часть может вводиться аксиологическим предикатом. В отличие от рациональной, эмоциональная оценка часто вербализуется в восклицательных предложениях. Большинство элементов оценочной рамки эмоционального высказывания выражается имплицитно. Эксплицитно выражены в большинстве случаев только объект оценки и сам оценочный элемент. Рациональная оценка, как правило, объективируется с помощью полных распространенных предложений.

6. Структура предложений, с помощью которых выражается оценочное отношение, разнообразна в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков. ОВ могут выступать в виде отдельного простого двусоставного предложения или в составе другого предложения. В художественном дискурсе XIX–XX веков преобладают ОВ, представленные простыми двусоставными предложениями, которые могут быть повествовательными и вопросительными, иметь полную или усеченную структуру.

7. Тенденция к сокращению синтаксической структуры ОВ прослеживается в двух исследуемых периодах, однако это стремление усиливается в художественном дискурсе XX века, о чем свидетельствует значительное превосходство ОВ со структурой простого предложения (63%) над другими синтаксическими типами ОВ. Коммуникативная плотность сложноподчиненных предложений, включающих ОВ, в художественном дискурсе XIX века выше, чем в XX веке (40% – в XIX веке, 25% – в XX веке), что объясняется общей тенденцией среди коммуникантов XIX века усложнять предложения, чтобы продемонстрировать свой интеллектуальный потенциал и уровень образованности.

8. ОП является ключевым элементом любого ОВ, так как в нем реализуется положительное или отрицательное отношение к объекту действительности. ОП в высказываниях, составляющих корпус эмпирического материала исследования, соответствует предикативу синтаксической структуры предложения, выраженного следующей формулой: глагол-связка (*to be, to seem, to look*) в сочетании с оценочным прилагательным, существительным или словосочетанием. В художественном дискурсе исследуемых периодов чаще представлены ОП с полной структурной, которая предполагает наличие всех структурных компонентов ОП.

9. Морфолого-семантические средства репрезентации оценочного отношения значительно превалируют в двух исследуемых периодах, что свидетельствует о тенденции к выбору коммуникантами простых средств вербализации оценки для упрощения процесса понимания сообщения собеседником. Среди морфолого-семантических средств репрезентации оценки наибольшей частотностью в двух периодах отличаются оценочные прилагательные, превосходя по численности другие средства языковой оценки в художественном дискурсе XIX–XX веков, включая комбинированные средства. Кроме лексических средств градуирования оценочного признака (интенсификаторов и деинтенсификаторов) используются грамматические средства, такие как восклицательные предложения, инверсия.

10. В художественном дискурсе XIX–XX веков морфолого-семантические средства языковой репрезентации оценочного отношения в структуре ОП являются наиболее продуктивными, что подтверждает тот факт, что коммуникантам свойственно выбирать более простые средства выражения оценки, упрощая сложность языковой структуры для облегчения ее понимания собеседником, хотя в XIX веке сохраняется тенденция к использованию словосочетания различной структуры для выражения оценочного отношения.

11. Преобладание в художественном дискурсе двух веков РА одобрения / неодобрения, похвалы / порицания свидетельствует о том, что интенции субъекта оценки в большинстве случаев прозрачны и он желает поделиться результатами своей оценочной деятельности с другими участниками коммуникации. Однако в XX веке прослеживается тенденция к усилению продуктивности использования РА оскорбления и упрёка. Это указывает на снижение норм речи, эмоциональную мобильность коммуникантов и излишнюю экспрессивность. В художественном дискурсе XIX века чаще встречаются РА с непрямым адресатом оценки, при актуализации которого объект оценки не присутствует, а для XX века наиболее продуктивным является РА с прямым адресатом оценки. Это свидетельствует о разнице коммуникативных ситуаций общения, а также канонов общения, существующих в двух исследуемых периодах.

12. Рассматриваемые аспекты реализации оценочного высказывания в художественном дискурсе анализируемых периодов демонстрируют динамику ценностной картины мира представителей лингвокультурного сообщества, отражают изменения общественной жизни, стремление к коммуникативной компрессии и транспарентности, тенденции к большей градуированности степени проявления оценочного признака, что находит отражение в языковой картине мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ОВ – оценочное высказывание

РА – речевой акт

ОП – оценочный предикат

ОО – объект оценки

СО – субъект оценки

СР – субъект речи

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакова, М. Л. Гендерный аспект функционирования дискурсивных элементов в англоязычной лингвокультуре (на материале интервью и художественного дискурса) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / М. Л. Авакова. – Пятигорск, 2017. – 30 с. – Текст : непосредственный.
2. Агапова, С. Г. Прагмалингвистический аспект англоязычной диалогической речи : 10.02.04 «Германские языки», 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / С. Г. Агапова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 42 с. – Текст : непосредственный.
3. Азнаурова, Э. С. Роль слова в создании прагматической направленности высказывания / Э. С. Азнаурова. – Текст : непосредственный // Семантики и типология разносистемных языков: сб. науч. тр. – Ташкент, 1984. – С. 118–132.
4. Акимова, Э. Н. Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях / Э. Н. Акимова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 427–430.
5. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 224 с. – Текст : непосредственный.
6. Алефиренко, Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Вестник КемГУ: Филология. – Кемерово, 2012. – № 4 (52). – Т. 3. – С. 16–21.
7. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика. – 472с. – Текст : непосредственный.
8. Аристова, Н. С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения (на материале английской художественной литературы XIX–XX вв.) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук. – Н. Новгород, 2007. – 13 с. – Текст : непосредственный.
9. Арнольд, И. В. Функции коннотативных компонентов значений в поэтическом тексте / И. В. Арнольд. – Текст : непосредственный // Структура и

семантика предложения и текста в германских языках: межвуз. сб. научн. тр. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1989. – С. 3–9.

10. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 390 с. – Текст : непосредственный.

11. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156–250.

12. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.

13. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы, категории прагматики / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 5–23.

14. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с. – Текст : непосредственный.

15. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – [2-ое изд.]. – М.: ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.

16. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.

17. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография / Л. В. Баева. – Астрахань, 2004. – 275 с. – Текст : непосредственный.

18. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с. – Текст : непосредственный.

19. Банару, Б. И. Оценка, модальность, прагматика / Б. И. Банару. – Текст : непосредственный // Языковое общение. – Калинин, 1987. – С. 14–18.

20. Банин, Е. Н. Место оценочности в значении слова / Е. Н. Банин, В. А. Банин. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного педагогического университета. – Киров, 2002. – № 6. – С. 55–58.

21. Баранов, А. Н. Иллокутивной вынуждения в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин. – Текст : непосредственный // Вопросы

языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

22. Барышникова, Г. В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVIII–XX веков): 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Г. В. Барышникова. – Волгоград, 2004. – 25 с. – Текст: непосредственный.

23. Бахтин, М. М. Проблемы речевых жанров / М. М. Бахтин. – Текст: непосредственный // Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.

24. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986. – 445 с. – Текст: непосредственный.

25. Бацевич, Ф. Нариси з лінгвістичної прагматики: монографія / Ф. Бацевич. – Львів: ПАІС, 2010. – 336 с. – Текст: непосредственный.

26. Белова, Н. Н. Семантика оценки в именах прилагательных: 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / Н. Н. Белова. – М., 2011. – 28 с. – Текст: непосредственный.

27. Белянин, В. П. Психологическое литературоведение / В. П. Белянин. – М.: Генезис, 2006. – 320 с. – Текст: непосредственный.

28. Бессонова, И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / И. В. Бессонова. – Москва: РГБ, 2003. – 183 с. – Текст: непосредственный.

29. Бессонова, О. Л. Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований лица в английском, французском и украинском языках): 10.02.15 «Общее языкознание»: диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / О. Л. Бессонова. – Донецк: ДонНУ, 2002. – 184 с. – Текст: непосредственный.

30. Бессонова, О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти / О. Л. Бессонова. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с. – Текст: непосредственный.

31. Бессонова, О. Л. Отражение представлений о социальных ролях в картине мира носителей неблизкородственных языков / О. Л. Бессонова. – Текст : непосредственный // Педагогика: история, перспективы, 2020. – Т. 3. – № 4. – С. 71–83.

32. Бехта, І. А. Оповідний дискурс в англomовній художній прозі : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук / І. А. Бехта. – Київ, 2010. – 38 с. – Текст : непосредственный.

33. Биценко, Т. О. Исторична динаміка експресивів негативної емоційності в англійському дискурсі XVI-XX ст. : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидат філологічних наук / Т. О. Биценко. – Харків, 2004. – 20 с. – Текст : непосредственный.

34. Блох, М. Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации / М. Я. Блох. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 73–85.

35. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1986. – 382 с. – Текст : непосредственный.

36. Блох, М. Я. Структура и семантика оценочной конструкции / М. Я. Блох, Н. В. Ильина. – Текст : непосредственный // Функциональная семантика смысловых структур. – М.: МГПИ, 1986. – С. 14–23.

37. Бобырева, Е. В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога : 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. В. Бобырева. – Волгоград, 1996. – 23 с. – Текст : непосредственный.

38. Богданов, В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с. – Текст : непосредственный.

39. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1993. – 68 с. – Текст : непосредственный.

40. Богуславский, В. М. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы / В. М. Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 237 с. – Текст : непосредственный.

41. Бодуэн де Куртене, И. А. Избранные труды по общему языкознанию :

[в 2 томах] / И. А. Бодуэн де Куртене. – М.: Академия наук СССР, 1963. – Т. 1. – 391 с. – Текст : непосредственный.

42. Бойко, Я. В. Естетична оцінка у поетичному тексті: лінгвокогнітивний аналіз (на матеріалі лірики англійського романтизму) : 10.02.04 «Германські мови» : дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Я. В. Бойко. – Донецьк, 2013. – 286 с. – Текст : непосредственный.

43. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Из-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 123 с. – Текст : непосредственный.

44. Болдырев, Н. Н. Проблема вербальной коммуникации в когнитивном контексте / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 5–14.

45. Бондаренко, Я. А. Дискурс акцентуированных языковых личностей: коммуникативно-когнитивный аспект (на материале персонажной речи в современной американской художественной прозе) : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Я. А. Бондаренко. – Киев, 2002. – 22 с. – Текст : непосредственный.

46. Бондарева, Н. О. Структурно-семантичні і комунікативно-прагматичні особливості висловлювань із концептом «порада» : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. О. Бондарева. – К., 2005. – 13 с. – Текст : непосредственный.

47. Бондарко, А. В. Текст. Структура и семантика / А. В. Бондарко – Текст : непосредственный // Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. – М., 2001. – Т. 1. – С. 4–13. – Текст : непосредственный.

48. Борисенко, Н. Д. Гендерний аспект репрезентації персонажного мовлення в англійських драматичних творах кінця ХХ ст. : 10.02.04 «Германські мови» : дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. Д. Бондаренко. – Житомир, 2003. – 231 с. – Текст : непосредственный.

49. Бороботько, В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) : 10.02.19 «Общее языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / В. Г. Бороботько. –

Краснодар, 1998. – 48 с. – Текст : непосредственный.

50. Бороботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Бороботько – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 288 с. – Текст : непосредственный.

51. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина. – Текст : непосредственный // Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 333–342.

52. Буяр, І. Є. Лексико-семантичне поле оцінки в англійській мові: лінгвокультурний і гендерний аспекти: 10.02.04 «Германські мови»: автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / І. Є. Буяр. – Чернівці, 2013. – 20 с. – Текст : непосредственный.

53. Вара, Н. Г. Модусы ценностной концептуализации в английском рекламном дискурсе / Н. Г. Вара. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 110–114.

54. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие для вузов / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с. – Текст : непосредственный.

55. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 251–275.

56. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русское слово, 1996. – 412 с. – Текст : непосредственный.

57. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М., 1977. – 312 с. – Текст : непосредственный.

58. Виноградов, В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с. – Текст : непосредственный.

59. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М., 1994. – 381 с. – Текст : непосредственный.

60. Вишивана, Н. В. Прикметники оцінки у сучасній німецькій мові: 10.02.04 «Германські мови»: автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. В. Вишивана. – К., 2000. – 15 с. – Текст : непосредственный.

61. Волкова, Я. А. Трансформация коммуникативных и эмоциональных ценностей в русской лингвокультуре / Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.5> (дата обращения: 15.02.2021).

62. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – [2-е изд.]. – М.: УРСС, 2002. – 247 с. – Текст : непосредственный.

63. Гаврилова, Е. Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки», 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. Д. Гаврилова. – Тамбов, 2005. – 16 с. – Текст : непосредственный.

64. Гаврилова, Е. Д. Особенности структурного строения оценочных категорий / Е. Д. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 2005. – Вып. 11. – С. 164–167.

65. Гак, В. Г. Синтаксис эмоции и оценок / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность in memorandum Е. М. Вольф. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 20–72.

66. Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». – 1997. – № 3. – С. 87–95.

67. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва: Школа «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», 1998. – 524 с. – Текст : непосредственный.

68. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистики английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Из-во лит. на иностр. яз, 1958. – 459 с. – Текст : непосредственный.

69. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с. – Текст : непосредственный.

70. Гёте, Е. Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. Ю. Гёте. – Воронеж, 2004. – 268 с. – Текст : непосредственный.

71. Гинзбург, Л. Я. В литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Л: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1979. – 223 с. – Текст : непосредственный.

72. Гладь, С. В. Емотивність художнього тексту: семантико-когнітивний аспект (на матеріалі сучасної англійської прози) : 10.02.04. «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / С. В. Гладь. – К., 2000. – 19 с. – Текст : непосредственный.

73. Гнезділова, Я. В. Емоційність та емотивність сучасного англійського дискурсу: структурний і прагматичний аспекти : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Я. В. Гнезділова. – К., 2007. – 22 с. – Текст : непосредственный.

74. Гончарова, Н. В. Аксіологічна структура англійського діалогічного дискурсу (на матеріалі художньої прози) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. В. Гончарова. – К., 2002. – 19 с. – Текст : непосредственный.

75. Горошко, Е. А. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ) : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. А. Горошко. – М.: РАН Ин-т языкознания, 1996. – 27 с. – Текст : непосредственный.

76. Горячев, А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / А. А. Горячев. – Санкт-Петербург, 2010. – 296 с. – Текст : непосредственный.

77. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева. – Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007. – 288 с. – Текст : непосредственный.

78. Григорян, С. С. Семантическая структура групп английских прилагательных положительной оценки и особенности их функционирования в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / С. С. Григорян. – М., 1988. – 16 с. – Текст : непосредственный.

79. Гридин, В. Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики : 10.02.19 «Общее языкознание» : автореферат

диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / В. Н. Гридин. – М., 1976. – 22 с. – Текст : непосредственный.

80. Гришаева, Л. И. Дискурс, дискурсивное событие и текст / Л. И. Гришаева. – Текст : непосредственный // Номинация и дискурс: материалы докл. междунар. науч. конф. – Минск: Минск. гос. лингвист. ун-т, 2006. – С. 11–13.

81. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М., 1993. – 59 с. – Текст : непосредственный.

82. Гусліста, Л. О. Негативна етична оцінка в контекстах осуду (на матеріалі сучасної публіцистики) : 10.02.02 «Російська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Л. О. Гусліста. – Харків, 2002. – 15 с. – Текст : непосредственный.

83. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Т. А. ван Дейк ; [пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова]. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с. – Текст : непосредственный.

84. Дементьев, В. В. Основы теории непрямо́й коммуникации : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / В. В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 39 с. – Текст : непосредственный.

85. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с. – Текст : непосредственный.

86. Джандалиева, Е. Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. Ю. Джандалиева. – Волгоград, 2008. – 26 с. – Текст : непосредственный.

87. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : монографія / під заг. ред. І. С. Шевченко. – Харків, 2005. – 354 с. – Текст : непосредственный.

88. Дробницкий, О. Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей / О. Г. Дробницкий. – Текст : непосредственный // Проблема ценности в философии. – М.–Л., 1966. – С. 25–40.

89. Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Т. В. Дубровская. – М., 2001. – 22 с. – Текст : непосредственный.

наук / Т. В. Дубровская. – Саратов, 2003. – 25 с. – Текст : непосредственный.

90. Евтушенко, О. А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / О. А. Евтушенко. – Волгоград, 2006. – 22 с. – Текст : непосредственный.

91. Загнитко, А. П. Лингвистика текту: Теория и практикум : [научно-учебное пособие] / А. П. Загнитко. – Донецк: ДонНУ, 2006. – 288 с. – Текст : непосредственный.

92. Зайнульдинов, А. А. Лексикографическое описание эмоционально-оценочной лексики в русском и испанском языках / А. А. Зайнульдинов, Керо Э. Ф. Хервилья. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2019. – № 2. – С. 96–110. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004304-3>.

93. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 627 с. – Текст : непосредственный.

94. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – Москва-Воронеж, 2001. – 432 с. – Текст : непосредственный.

95. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 224 с. – Текст : непосредственный.

96. Ігіна З. О. Модальні слова у персонажному мовленні: семантичний та прагматичний аспекти (на матеріалі прози англійського й американського модернізму) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / З. О. Ігіна. – К., 2009. – 21 с. – Текст : непосредственный.

97. Иванова, Г. Ф. Ментальные сферы языка: оценка: монография / Г. Ф. Иванова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – 124 с. – Текст : непосредственный.

98. Иванченко, А. И. Дискурс как реализация коммуникативных намерений в различных ситуациях общения / А. И. Иванченко – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 2. – С. 13–15.

99. Ивин, А. А. Основание логики оценок / А. А. Ивин. – М.: Издательство московского университета, 1970. – 230 с. – Текст : непосредственный.

100. Ильинова, Е. Ю. Современные направления изучения текста и дискурса в аспекте диахронии / Е. Ю. Ильинова, Л. А. Кочетова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 4. – С. 18–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.

101. Ильющенко, Н. С. Оценочный компонент коннотации фразеологических единиц в английском и русском языках (на материале фразеологических единиц, характеризующих внешние признаки человека) / Н. С. Ильющенко. – Текст : непосредственный. // Вестник МГОУ. – № 2. – 2011. – С. 143–148.

102. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики / О. С. Иссерс. – [5-ое изд.]. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с. – Текст : непосредственный.

103. Кавера, Н. В. Семантична типологія предикатів стану : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. В. Кавера. – К., 2008. – 24 с. – Текст : непосредственный.

104. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : [учебное пособие] / О. Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 151 с. – Текст : непосредственный.

105. Канонич, С. И. Ономаσιологический аспект связи между ситуацией речи и текстом / С. И. Канонич. – Текст : непосредственный // Коммуникативные единицы языка. – 1985. – Вып. 252. – С. 65–72.

106. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с. – Текст : непосредственный.

107. Карасик, В. И. Языковые ключи / И. В. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с. – Текст : непосредственный.

108. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – [изд. 7-е.]. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. – 264 с. – Текст : непосредственный.

109. Касторнова, О. Н. К вопросу о разграничении оценочности и эмоциональности в высказываниях со словами категории оценки / О. Н. Касторнова. – Текст : непосредственный // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы 8-го регионального научного семинара. –

Иркутск, 2005. – С. 120–124.

110. Кашина, Т. А. Языковая реализация концепта «FOI» (вера) в дневнике Поля Клоделя / Т. А. Кашина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики. – М., 2013. – С. 216–222.

111. Кирюшкина, А. А. Прагматическое значение оценочного высказывания / А. А. Кирюшкина. – Текст : непосредственный // Личность – слово – социум: Материалы VIII международной научно-практической конференции, 28-29 апреля 2008 г. – Минск: Паркус плюс, 2008. – Ч. I. – С. 110–114.

112. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М.: Канон+, 2008. – 437 с. – Текст : непосредственный.

113. Кенжебалина, Г. Н. Оценочные глаголы в коммуникативной деятельности носителей языка / Г. Н. Кенжебалина. – Павлоград: Издательство «Кереку», 2010. – 99 с. – Текст : непосредственный.

114. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / А. А. Кибрик. – Москва, 2003. – 380 с. – Текст : непосредственный.

115. Ким, Л. Л. Эмоционально-оценочная лексика русского языка (К вопросу об эмоциональной лексике) / Л. Л. Ким. – Текст : непосредственный // Ученые записки Андиганского пединститута. – Андиган, 1956. – Вып. 3. – С. 51–63.

116. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты: монография / А. В. Кирилина. – Москва, 1999. – 155 с. – Текст : непосредственный.

117. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации : 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / А. В. Кирилина. – М., 2000. – 38 с. – Текст : непосредственный.

118. Киричук, Л. М. Прагмасемантичні особливості категорії оцінки в рекламному тексті (на матеріалі реклами журналу “time”) : 10.02.04 «Германські мови»: автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата

філологічних наук / Л. М. Киричук. – К., 1999. – 15 с. – Текст : непосредственный.

119. Киров, Е. Ф. Цепь событий и дискурс в философии языка / Е. Ф. Киров. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета. Серия «Филология». – Н. Новгород, 2001. – Вып. 1 (3). – С. 31–52.

120. Кирюшкина, А. А. Прагматическое значение оценочного высказывания / А. А. Кирюшкина. – Текст : непосредственный // Личность – слово – социум: материалы VIII международной научно-практической конференции, 28–29 апреля 2008 г. – Минск Паркус плюс, 2008. – Ч. I. – С. 110–114.

121. Кислицина, Н. М. Прикметники зі значенням узагальненої позитивної оцінки як фрагмент мовної картини світу (на матеріалі російської, української та англійської мови) : 10.02.17 «Порівняльно-типологічне мовознавство» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. М. Кислицина. – К., 2002. – 16 с. – Текст : непосредственный.

122. Клочко, Л. І. Висловлювання похвали в комунікативно-діяльнісній парадигмі спілкування (на матеріалі англійської мови) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Л.І. Клочко. – Харків, 2004. – 22 с. – Текст : непосредственный.

123. Клочко, К. А. Однокомпонентные высказывания: семантика и функции (на материале произведений современной и классической художественной литературы на русском и английском языках) : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / К. А. Клочко. – Пермь, 2010. – 20 с. – Текст : непосредственный.

124. Кожина, А. Н. Способы выражения оценки в противительных высказывания / А. Н. Кожина. – Текст : непосредственный // Организация речевого произведения и его составляющих. – Челябинск, 1988. – С. 24–32.

125. Козачишина, О. Л. Лингвистические проявления гендерных характеристик англоязычных художественных текстов (на материале американской прозы XX века) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат

диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / О. Л. Козачишина. – Киев, 2003. – 23 с. – Текст : непосредственный.

126. Козьма, М. П. Подтекст как вторичная моделирующая система (на материале художественных произведений английских и американских писателей) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / М. П. Козьма. – Самара, 2008. – 19 с. – Текст : непосредственный.

127. Кокина, К. В. Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе / К. В. Кокина. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019.– Т. 18. – № 2. – С. 195–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>.

128. Колесник, С. Н. Оценочные номинации и их функционирование в тексте (на материале английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / С. Н. Колесник. – К., 1988. – 18 с. – Текст : непосредственный.

129. Колесник, О. Г. Оценочные единицы с коммуникативным интенсификатором в устном спонтанном дискурсе (на метариале английского и русского языков начала XXI века) : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / О. Г. Колесник. – Пятигорск, 2008. – 25 с. – Текст : непосредственный.

130. Колодина, Н. И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста (на материале русского и английского языков) : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Н. И. Колодина. – Воронеж, 2002. – 22 с. – Текст : непосредственный.

131. Колшанский, В. Г. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1974. – 80 с. – Текст : непосредственный.

132. Колшанский, Г. В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Из-во “Наука”, 1975. – 240 с. – Текст : непосредственный.

133. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка /

Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 165 с. – Текст : непосредственный.

134. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – [Изд. 2-е, доп.]. – М: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с. – Текст : непосредственный.

135. Конопелько, Е. В. Эмоциональный перлокутивный эффект и его интерпретация участниками коммуникации (на материале современного английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. В. Конопелько. – Л., 1990. – 16 с. – Текст : непосредственный.

136. Копров, В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В. Ю. Копров. – Воронеж: Издатель, 2010. – 328 с. – Текст : непосредственный.

137. Космеда, Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки / Т. Космеда. – Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 350 с. – Текст : непосредственный.

138. Космеда, Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: засоби вираження оцінки в українській та російській мовах : 10.02.02 «Російська мова», 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук / Т. А. Космеда. – Харків, 2001. – 32 с. – Текст : непосредственный.

139. Косторнова, О. Н. К вопросу о разграничении оценочности и эмоциональности в высказываниях со словами категории оценки / О. Н. Косторнова. – Текст : непосредственный // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы 8-го регионального научного семинара. – Иркутск, 2005. – С. 120–124.

140. Кошель, Г. Г. Оценочные предикатные номинации в современном английском языке (на материале дерогативных наименований лица) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Г. Г. Кошель. – М., 1980. – 27 с. – Текст : непосредственный.

141. Кошель, Г. Г. Критерии разграничения типов оценки / Г. Г. Кошель. – Текст : непосредственный // Вопросы лексикологии английского языка. – Москва, 1980. – Вып. 160. – С. 247–257.

142. Кошкарева, Н. Н. Лексико-семантические изменения как отражение ценностных приоритетов носителей русского языка / Н. Н. Кошкарева. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 89–98.

143. Кочетова, Л. А. Динамика оценочной стратегии рекламного дискурса / Л. А. Кочетова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2013. – Т. 12. – № 1. – С. 103–108.

144. Крамаренко, М. Л. Аксіологічна прагмасемантика англомовного рекламного тексту : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / М. Л. Крамаренко. – Донецьк, 2005. – 21 с. – Текст : непосредственный.

145. Красавин, И. Т. Текст, дискурс, контекст: введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Красавин. – М.: Канон +, 2008. – 542 с. – Текст : непосредственный.

146. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с. – Текст : непосредственный.

147. Кремих, И. И. Оценка в лексической семантике / И. И. Кремих. – Текст : непосредственный // Парадигматические характеристики лексики. – М., 1986. – С. 18–34.

148. Криницька, О. І. Реалізація комунікативних стратегій у художньому тексті (на матеріалі української модерної драми кінця ХІХ – початку ХХ століття) : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. І. Криницька. – Івано-Франківськ, 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.

149. Крисанова, Т. А. Висловлювання негативної оцінки адресата в сучасній англійській мові (комунікативно-прагматичний аспект) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Т. А. Крисанова. – К, 1999. – 17 с. – Текст : непосредственный.

150. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 285 с. –

Текст : непосредственный.

151. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1986. – 158 с. – Текст : непосредственный.

152. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М., 2000. – С. 7–25.

153. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 72–81.

154. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

155. Кузенко, Г. М. Структурно-семантичні та комунікативно-прагматичні особливості емотивних висловлювань негативної оцінки (на матеріалі англомовного художнього дискурсу): 10.02.04 «Германські мови»: автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Г. М. Кузенко. – Харків, 2006. – 20 с. – Текст : непосредственный.

156. Кузнецова, Н. Е. К вопросу о некоторых способах выражения оценки / Н. Е. Кузнецова, Е. В. Шевченко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Стилль. – Курган, 2004. – С. 71–79.

157. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : [учеб. пос. ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. В. Куни. – [3-е изд., стереотип.]. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с. – Текст : непосредственный.

158. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Г. В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 16 с. – Текст : непосредственный.

159. Лагутин, В. И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагматической теории драмы) / В. И. Лагутин. – Кишнев: Штиинца, 1991. – 95 с. – Текст : непосредственный.

160. Лазарев, В. В. Методологические основы и методический потенциал

теории речевых актов / В. В. Лазарев. – Текст : непосредственный // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – С. 3–17.

161. Ларионов, А. И. Система лексико-грамматических средств выражения дезидеративной оценки в русском и немецком языках (сопоставительные аспекты) : 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / А. И. Ларионов. – Краснодар, 1999. – 21 с. – Текст : непосредственный.

162. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Краснодар: Из-во УРСС, 2010. – 216 с. – Текст : непосредственный.

163. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова и др. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с. – Текст : непосредственный.

164. Луганская, Е. В. Аксиологическая оценка в гендерном аспекте: на материале англоязычных открытых писем : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. В. Луганская. – М.: РГБ, 2005. – 188 с. – Текст : непосредственный.

165. Лукенчук, А. В. Прикметники оцінки в сучасній англійській мові : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / А. В. Лукенчук. – Львів, 1993. – 16 с. – Текст : непосредственный.

166. Лукьянова, Н. А. О соотношении понятий «экспрессивность», «эмоциональность», «оценочность» / Н. А. Лукьянова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Наука, 1976. – Вып. 5. – С. 34–42.

167. Магас, Н. М. Семантика та структурні типи речень з ментальними предикатами : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. М. Магас. – Івано-Франківськ, 2010. – 21 с. – Текст : непосредственный.

168. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.

169. Малышкин, К. Ю. Категоричность как семантико-прагматическая

категория высказывания (на материале современного русского языка) : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / К. Ю. Малышкин. – Омск, 2015. – 21 с. – Текст : непосредственный.

170. Мамедова, А. Н. Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / А. Н. Мамедова. – Ставрополь, 2020. – 29 с. – Текст : непосредственный.

171. Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т. В. Маркелова. – М.: МПУ, 1993. – 125 с. – Текст : непосредственный.

172. Маслова, В. А. Введение в прагмалингвистику : [учебное пособие] / В. А. Маслова. – М.: Наука. Флинта, 2007. – 289 с. – Текст : непосредственный.

173. Матвеева, А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой – чужой» (на материале современного английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / А. А. Матвеева. – Уфа, 2011. – 24 с. – Текст : непосредственный.

174. Медникова, Э. М. Прагматика и семантика коммуникативных единиц / Э. М. Медникова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные единицы языка. – 1985. – Вып. 252. – С. 159–168.

175. Меркулова, Н. О. Засоби тема-рематичного поділу висловлення : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. Н. Меркулова. – Дніпропетровськ, 2006. – 18 с. – Текст : непосредственный.

176. Милевская, Т. В. Дискурс, речевая деятельность, текст / Т. В. Милевская. – Текст : непосредственный // Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации. - Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. – Вып. 1. – С. 88–91.

177. Милосердова, Е. В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка) / Е. В. Милосердова. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. –

181 с. – Текст : непосредственный.

178. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с. – Текст : непосредственный.

179. Милёхина Т. А. В сочетании разговорных и книжных особенностей в художественном диалоге / Т. А. Милёхина. – Текст : непосредственный // Вопросы стилистики. – Саратов, 1988. – С. 79–87. – Текст : непосредственный.

180. Михайлов, Н. Н. Теория художественного текста / Н. Н. Михайлов. – М.: Academia, 2006. – 220 с. – Текст : непосредственный.

181. Москаленская, А. И. Способы выражения негативной оценки в диахронии (на материале имен существительных, обозначающих одушевленные предметы): 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / А. И. Москаленская. – Киев, 1987. – 24 с. – Текст : непосредственный.

182. Мур Дж. Э. Принципы этики / Дж. Э. Мур. – М.: Прогресс, 1984. – 326 с. – Текст : непосредственный.

183. Мурясов, Р. З. Опыт анализа оценочного высказывания / Р. З. Мурасов, А. С. Самигуллин, А. Л. Федорова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 2004. – № 5. – С. 68–78.

184. Муханов, И. Л. К вопросу о соотношении понятий «эмоции», «экспрессия», «оценка» / И. Л. Муханов. – Текст : непосредственный // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. – М., 1990. – С. 68–73.

185. Мякишева, Е. В. Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. В. Мякишева. – Омск, 2009. – 21 с. – Текст : непосредственный.

186. Нагель, В. В. Оцінні найменування осіб в українській мові кінця ХХ початку ХХІ століття: 10.02.01 «Українська мова»: автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / В. В. Нагель. – Дніпропетровськ, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.

187. Наер, В. Л. Дискурс и речь: речевое произведение / В. Л. Наер. –

Текст : непосредственный // Сборник научных трудов МГЛУ. – М., 2006. – С. 7–15.

188. Нариси з лінгвістичного аналізу дискурсу: до проблеми типології та характеристики: колективна монографія / М. О. Зайцева, Т. М. Артеменко, І. П. Липко, В. Я. Міщенко. – Харків: Бурун і К, 2014. – 204 с. – Текст : непосредственный.

189. Наумук, О. В. Когнітивні та прагматичні характеристики порад у сучасній англійській мові : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. В. Наумук. – Донецьк, 2010. – 20 с. – Текст : непосредственный.

190. Нейленко, Л. Л. Семантико-прагматические свойства высказываний со значением согласия (на материале английского диалога) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Л. Л. Нейленко. – Пятигорск, 2004. – 19 с. – Текст : непосредственный.

191. Ніколаєнко, Л. С. Мотиваційна основа аксіологічно маркованих композитних номінацій в англійській та українській мовах : 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Л. С. Ніколаєнко. – К., 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.

192. Никитина, Л. Б. Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (к проблеме образа человека в современном русском языке) : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Л. Б. Никитина. – Бернаул, 1996. – 21 с. – Текст : непосредственный.

193. Никулина, Е. Г. Функционирование эмоционально-оценочной лексики в аффективной диалогической интеграции (на материале англоязычной художественной литературы конца XX и начала XXI вв.) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. Г. Никулина. – Нижний Новгород, 2016. – 22 с. – Текст : непосредственный.

194. Новиков, Л. А. Избранные труды / Л. А. Новиков. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – Т. 1. Проблемы языкового значения. – 672 с. – Текст :

непосредственный.

195. Новиков, В. П. Основные характеристики коммуникативного акта оценки / В. П. Новиков. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – 67 с. – Текст : непосредственный.

196. Образцова, Е. М. Линейная организация высказывания как межъязыковая универсалия (на материале английского, русского и украинского языков) : монография / Е. М. Образцова. – Одесса: Фенікс, 2010. – 321 с. – Текст : непосредственный.

197. Овсянникова, Н. В. Гендерно-ориентированный анализ языковых выражений самооценки (на материале русских, британских и американских текстов) : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Н. В. Овсянникова. – Воронеж: РГБ, 2006. – 210 с. – Текст : непосредственный.

198. Одарчук, Н. А. Семантика та прагматика висловлювань відмови в англomовному художньому дискурсі : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Н. А. Одарчук. – К., 2004. – 20 с. – Текст : непосредственный.

199. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / А. В. Олянич. – Волгоград, 2004. – 43 с. – Текст : непосредственный.

200. Онищенко, I. В. Категорія оцінки та засоби її вираження в публіцистичних та інформаційних текстах : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / I. В. Онищенко. – Дніпропетровськ, 2005. – 20 с. – Текст : непосредственный.

201. Орлова, Е. И. Образ автора в литературном произведении : [учебное пособие] / Е. И. Орлова. – М., 2008. – 44 с. – Текст : непосредственный.

202. Осовська, I. М. Висловлювання-відмова: структурно-семантичний та комунікативно-прагматичний аспекти (на матеріалі сучасної німецької мови) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / I. М. Осовська. – К., 2003. – 15 с. – Текст : непосредственный.

203. Осташова, О. И. Прилагательное как средство выражения оценочного отношения / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських та германських мов і літератур: Х міжвуз. конф. молодих вчених, 24-25 січня 2012 р. : матеріали. – Донецьк, 2012. – С. 127–129.

204. Осташова, О. И. Экспликация оценок в оценочном высказывании / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських та германських мов і літератур: XI міжвуз. конф. молодих вчених, 29-30 січня 2013 р. : матеріали. – Донецьк, 2013. – С. 129–132.

205. Осташова, О. І. Художній дискурс як царина реалізації категорії оцінки / О. І. Осташова. – Текст : непосредственный // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2012-2013 рр. – Донецьк, 2013. – Т. 2. – С. 39–40.

206. Осташова, О. І. Мовні засоби вираження структурних компонентів оцінного висловлювання / О. І. Осташова. – Текст : непосредственный // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – Житомир, 2013. – Вип. № 4 (70). – С. 204–207.

207. Осташова, О. И. Типы оценки в англоязычных художественных текстах XIX–XX вв / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету ім. Л. Українки: Серія: Філологія. – Вип. № 20 (269). – Луцьк, 2013. – С. 227–231.

208. Осташова, О. І. Моделі співвідношення об'єкта оцінки та адресата оцінного висловлювання в художньому дискурсі / О. І. Осташова. – Текст : непосредственный // Україно-російської школи-конференції молодих учених, 26-29 березня 2014 р. : матеріали. – Донецьк, 2014. – С. 208–210.

209. Осташова, О. І. Способи вираження суб'єкта в оцінних висловлюваннях в англomовному художньому дискурсі / О. І. Осташова. – Текст : непосредственный // Науковий вісник Чернівецького університету «Германська філологія». – Чернівці, 2014. – Вип. 692–693. – С. 136–138.

210. Осташова, О. І. Особливості реалізації категорії оцінки в художньому англomовному дискурсі / О. І. Осташова. – Текст : непосредственный //

Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. – Одеса, 2014. – Вип. 10. – Т. 1. – С. 160–163.

211. Осташова, О. И. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний с оценочным предикатом в англоязычном художественном дискурсе / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – Вып. 3: Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – С. 721–729.

212. Осташова, О. И. Оценочные высказывания в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Материалы международной конференции молодых ученых «Современные исследования языка и литературы», 26–28 марта 2015 г. – Донецк, 2015. – С. 101–104.

213. Осташова, О. И. Гендерный аспект конфигурации адресантно-адресатных отношений в оценочных высказываниях: на материале англоязычного художественного дискурса / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Материалы Международной лингвистической семинара «Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках», 16–17 ноября 2015 г.. – Донецк: ДонНУ, 2015. – С. 71–74.

214. Осташова, О. И. Структурно-семантические особенности функционирования оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации: сборник научных статей: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 69–79.

215. Осташова, О. И. Способы экспликации оценочного предиката в англоязычном художественном дискурсе XIX–XX веков / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. – № 4. – С. 465–472.

216. Осташова, О. И. Способы выражения структурных компонентов оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета Серия Б: Гуманитарные науки». – Донецк:

ДонНУ, 2017 – № 3. – С. 67–73.

217. Осташова, О. И. Языковые способы выражения структурных компонентов оценочного высказывания / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора, М. В. Пименовой. Сер. «Концептуальные исследования». – Санкт-Петербург, 2019. – С. 192–198.

218. Осташова, О. И. Конфигурация коммуникативных адресантно-адресатных отношений в оценочных высказываниях: гендерный аспект / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета Серия Б. Гуманитарные науки. – Донецк: ДонНУ, 2020. – № 1. – С. 98–104.

219. Осташова, О. И. Типы оценки в англоязычных художественных текстах XIX–XX вв. / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – № 2 (48). – С. 19–27.

220. Осташова, О. И. Особенности речевых актов оценки в художественном дискурсе XIX–XX веков / О. И. Осташова. – Текст : непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – № 4 (50). – С. 27–37.

221. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1986. – Вып. XVII. – С. 133–150.

222. Островська, О. М. Лінгвостилістичні засоби реалізації категорії оцінки (на матеріалі американської художньої прози): 10.02.04 «Германські мови»: автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. М. Островська. – Львів, 2001. – 24 с. – Текст : непосредственный.

223. Павлюк, Л. Текст і комунікація: основи дискурсивного аналізу : [посібник] / Л. Павлюк. – Львів: ПАІС, 2009. – 76 с. – Текст : непосредственный.

224. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучевой. – [3-е изд.]. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с. – Текст : непосредственный.

225. Пазыч, Н. В. Средства языковой номинации отрицательной оценки в

современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Н. В. Пазыч. – К., 1986. – 23 с. – Текст : непосредственный.

226. Писанова, Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки / Т. В. Писанова. – М.: Издательство ИКАР, 1997. – 320 с. – Текст : непосредственный.

227. Пініч, І. П. Окличні висловлювання в сучасному англomовному діалогічному дискурсі: семантика та функціонування : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / І. П. Пініч. – К., 2009. – 23 с. – Текст : непосредственный.

228. Пірус, Г. О. Предикати відношення в українській мові: семантико-граматичний аспект : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Г. О. Пірус. – К., 2004. – 24 с. – Текст : непосредственный.

229. Плеханова, Т. Ф. Художественный текст как диалог и дискурс / Т. Ф. Плеханова. – Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2006. – № 5 (25). – С. 74–84.

230. Плисак, Д. В. Художественная коммуникация VS дискурс: к проблеме соотношения понятий / Д. В. Плисак. – Текст : непосредственный // Язык: Научно-теоретический журнал по языкознанию. – Одесса: АСТРОПРИНТ, 2012. – № 18. – С. 208–211.

231. Полевая, И. В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ) : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / И. В. Полевая. – Москва, 2014. – 204 с. – Текст : непосредственный.

232. Попов, Ю. В. О предикации текста / Ю. В. Попов, Т. П. Трегубович. – Текст : непосредственный // Сборник Калининского государственного университета: Семантика и прагматика синтаксических единиц. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 134–142.

233. Попова, Л. Г. О прагмалингвистическом подходе к изучению художественного текста в сопоставительном аспекте / Л. Г. Попова. – Текст : непосредственный // Текст-дискурс-картина мира. Межвузовский сборник

научных трудов. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – Вып. 1. – С. 41–46.

234. Попова, З. Д. Когнитивно-семантический анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с. – Текст : непосредственный.

235. Попова, З. Д. Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Текст-дискурс-картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – Вып. 1. – С. 4–8.

236. Попова, С. Н., Синкевич, Е. Н. Аналогия коннотативных корреляций с оценочной доминантой на уровне слова / С. Н. Попова, Е. Н. Синкевич. – Текст : непосредственный // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексики и фразеологии: межвуз. тематический сборник научных трудов. – Калинин: Из-во КГУ, 1987. – С. 90–98.

237. Почепцов, О. Г. Основы прагматического описания предложения / О. Г. Почепцов. – К.: Издательское объединение “Вища школа”, 1986. – 116 с. – Текст : непосредственный.

238. Приходько, Г. І. Способи вираження оцінки в сучасній англійській мові : монографія / Г. І. Приходько. – Запоріжжя, 2001. – 256 с. – Текст : непосредственный.

239. Приходько, А. И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы ее выражения в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / А. И. Приходько. – Белгород, 2004. – 43 с. – Текст : непосредственный.

240. Прохоров, Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации : 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание учёной доктора филологических наук / Ю. Е. Прохоров. – Москва-Екатеринбург, 2006. – 312 с. – Текст : непосредственный.

241. Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах / О. Л. Бессонова (гл. ред.), О. С. Сарбаш, О. В. Трофімова, С. В. Олійник, І. Д. Стоянова. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 360 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження; Т.7). – Текст : непосредственный.

242. Пьянзина, И. Н. Прагматика оценки в субъязыке современной

британской прессы : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / И. Н. Пьянзина. – Н. Новгород, 2000. – 17 с. – Текст : непосредственный.

243. Раклов, Ф. В. Диахронический анализ общечеловеческой ценности «успех» / Ф. В. Раклов. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: язык и специальность. – 2018. – Т. 15. – С. 92–97. – DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97.

244. Резун, В. В. Аспекты теории текста // Очерки о тексте. Теоретические вопросы коммуникации и текста / В. В. Резун, А. И. Мамалыга, М. Д. Феллер. – Текст : непосредственный. – М.: РИО «Киевский университет», 1998. – С. 288–296.

245. Речевые акты в лингвистике и методике: межвузовский сборник трудов / отв. ред. В. В. Лазарев, П. И. Шлейвис. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – 227 с. – Текст : непосредственный.

246. Рудик, І. М. Комунікативно-прагматичні типи висловлювань зі значенням згоди / незгоди в сучасній англійській мові : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / І. М. Рудик. – Харків, 2000. – 13 с. – Текст : непосредственный.

247. Савчук, І. І. Основи теорії мовленнєвої комунікації: [навчальний посібник] / І. І. Савчук. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І.Франка, 2008. – 82 с. – Текст : непосредственный.

248. Сальникова, Ю. А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прессы США (на материале современных информационно-аналитических газетных статей) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Ю. А. Сальникова. – М., 2010. – 24 с. – Текст : непосредственный.

249. Самигуллин, А. С. Языковая периферия концепта «оценка»: введение в проблематику / А. С. Самигуллин. – Текст : непосредственный // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. – М. : РАН, Институт языкознания, 2005. – Кн. 2. – С. 45–61.

250. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной

компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с. – Текст : непосредственный.

251. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К.: Брама, 2004. – 335 с. – Текст : непосредственный.

252. Селиверстова, О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания / О. Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1990. – 151 с. – Текст : непосредственный.

253. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / А. Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с. – Текст : непосредственный.

254. Семантика и проблемы интенциональности : сборник научных трудов. – М.: ИНИОН АН СССР, 1988. – 303 с. – Текст : непосредственный.

255. Семантика и прагматика высказывания / Г. М. Костюшкина, Е. Ч. Дахалаева, С. Н. Михалева, А. И. Одинец, Л. Н. Сорокопуд, Т. В. Шапочкина. – М., 2006. – 525 с. – Текст : непосредственный.

256. Семенюк, О. А. Семантична структура речень із предикатами емоційного стану в сучасній українській мові : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. А. Семенюк. – Івано-Франківськ, 2005. – 21 с. – Текст : непосредственный.

257. Серажим, К. Дискурс як соціальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалах сучасної газетної публіцистики) / К. Серажим. – К., 2002. – 220 с. – Текст : непосредственный.

258. Сергеева, Л. А. Семантическая категория оценки в ее отношении к аксиологическим категориям / Л. А. Сергеева. – Текст : непосредственный // Степени интенсивности и их выражения в английском языке. – М.: Издательство АКД, 1967. – С. 57–65.

259. Серебрякова, Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Р. В. Серебрякова. – Воронеж, 2002. – 21 с. – Текст : непосредственный.

260. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль. – Текст :

непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – 1986. – Вып. XVII. – С. 151–169.

261. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж.Р. Серль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – 1986. – Вып. XVII. – С. 170–221.

262. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 232 с.

263. Скаженик, Е. Н. Категория оценки в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах (на материале речи студентов) : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. Н. Скаженик. – Тагонрог, 2002. – 19 с. – Текст : непосредственный.

264. Сиротинина, О. Б. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка / О. Б. Сиротинина. – М.: Едиториал, УРСС, 2003. – 312 с. – Текст : непосредственный.

265. Скворцова, Е. В. Лексико-семантические аспекты асимметрии положительной и отрицательной зон оценки (на материале русского и английского языков) : 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. В. Скворцова. – Орел, 2012. – 20 с. – Текст : непосредственный.

266. Слышкин, Г. Г. Тенденции развития современного дискурса / Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: СОГУ, 2021. – № 1. – С. 14–31.

267. Слюсарева, Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – М., 1981. – 206 с. – Текст : непосредственный.

268. Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура : сборник статей в честь, Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 879 с. – Текст : непосредственный.

269. Соловйова, Л. Ф. Вираження аксіологічних категорій у сучасній англійській мові (атрибути, предикативи і елятиви оцінки) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня

кандидата филологических наук / Л. Ф. Соловйова. – Харьков, 2003. – 19 с. – Текст : непосредственный.

270. Солодилова, И. А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы) : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / И. А. Солодилова. – Уфа, 2014. – 538 с. – Текст : непосредственный.

271. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: Логос, 1998. – 296 с. – Текст : непосредственный.

272. Старикова, Е. Н. Зарубежные теории речевой деятельности / Е. Н. Старикова. – Текст : непосредственный // Язык и идеология. – Киев: Вища школа. Из-во при Киев. ун-те, 1981. – С. 114–131.

273. Старостина, Ю. С. Прагматический потенциал негативной оценки в английской стилизованной разговорной речи : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Ю. С. Старостина. – Самара, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.

274. Старостина, Ю. С. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе : монография / Ю. С. Старостина, А. А. Харьковская. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – 140 с. – Текст : непосредственный.

275. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения : монография / Ю. С. Степанов. – М., 1981. – 360 с. – Текст : непосредственный.

276. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. – 156 с. – Текст : непосредственный.

277. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 129–154.

278. Столнейкер, Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 419–438.

279. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике.

Теория речевых актов. – 1986. – Вып. XVII. – С. 130–149.

280. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова книга, 2009. – 345 с. – Текст : непосредственный.

281. Суதுжко, В. В. Феномен оценки в социальном бытии и познании : 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / В. В. Суதுжко. – Саратов, 2013. – 36 с. – Текст : непосредственный.

282. Сысоева, Е. С. Оценочные онтропонимы в английском языке и культуре / Е. С. Сысоев. – Росто-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 206 с. – Текст : непосредственный.

283. Теляя, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Теляя. – М.: Наука, 1986. – 340 с. – Текст : непосредственный.

284. Теляя, В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Теляя. – М.: Наука, 1991. – 205 с. – Текст : непосредственный.

285. Теляя, В. Н. В различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки / В. Н. Теляя. – Текст : непосредственный // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. In memoria Е. М. Вольф. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 31–38.

286. Темиргазина, З. К. Оценочные высказывания в современном русском языке : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / З. К. Темиргазина. – Республика Казахстан, 1999. – 51 с. – Текст : непосредственный.

287. Тер-Григорьян, М. Г. Рівневе вираження оцінки в усному англomовному дискурсі (на матеріалі сучасної англійської мови) : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / М. Г. Тер-Григорьян. – Одеса, 2009. – 19 с. – Текст : непосредственный.

288. Тимофеева, I. C. Семантично-синтаксична структура речень з предикатами фізичного стану особи : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / I. C. Тимофеева. – Івано-Франківськ, 2011. – 22 с. – Текст : непосредственный.

289. Тисленкова, И. А. Возрастные характеристики речи персонажей

современной английской драматургии (80-е годы XX века) : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / И. А. Тисленкова. – Волгоград, 2004. – 24 с. – Текст : непосредственный.

290. Ткаченко, С. Г. Градуальность в английской фразеологии: лингвокультурологический аспект : монография / С. Г. Ткаченко. – Донецк: ООО «Фолиант» (Санкт-Петербург), 2019. – 192 с. – Текст : непосредственный.

291. Токарева, Е. Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале современного английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. Н. Токарева. – Уфа, 2005. – 204 с. – Текст : непосредственный.

292. Трипольская, Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты : монография / Т. А. Трипольская. – Новосибирск, 1999. – 166 с. – Текст : непосредственный.

293. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография / Н. А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с. – Текст : непосредственный.

294. Трофімова, О. В. Фразеологічна репрезентація негативних емоцій в англійській та українській національних картинах світу : 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» : дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. В. Трофімова. – Донецьк: ДонНУ, 2011. – 245 с.

295. Трусова, А. Ю. Средства снижения категоричности оценки в современном английском языке : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / А. Ю. Трусова. – Нижний Новгород, 2003. – 223 с. – Текст : непосредственный.

296. Туранский, И. И. Экспрессивность, мера количества экспрессивности и интенсификации высказывания / И. И. Туранский. – Текст : непосредственный // Стилистика как общепилологическая дисциплина. – Калинин, 1989. – С. 108–114.

297. Тюпа, В. И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с. – Текст :

непосредственный.

298. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы. На материале английского языка / А. А. Уфимцева. – М.: КомКнига, 2010. – 245 с. – Текст : непосредственный.

299. Фефилов, А. И. Прагматические компоненты языковых единиц / А. И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Коммуникативно-прагматическая функция языковых единиц. – Куйбышев: Куйбышевский государственный институт, 1990. – С. 7–13.

300. Федотова, Е. И. Коммуникативно-функциональные и семантические особенности предложений оценочного типа в современном английском языке (объект оценки – адресат): 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Е. И. Федотова. – К., 1987. – 24 с. – Текст : непосредственный.

301. Фомина, Ю. А. Функциональный потенциал номинативных оценочных высказываний в современном русском языке : 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Ю. А. Фомина. – Нижний Тагил, 2009. – 20 с. – Текст : непосредственный.

302. Формановская, Н. И. Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с. – Текст : непосредственный.

303. Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность in memorandum Е. М. Вольф : сборник трудов – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – 168 с. – Текст : непосредственный.

304. Фурс, Л. А. Оценка межличностных отношений в английском языке / Л. А. Фурс, А. Н. Худанян. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3. – С. 154–158.

305. Фэ, Х. Семантика высказывания / Хоанг Фэ. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 399–405.

306. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с. – Текст : непосредственный.

307. Ханский, А. О. Коммуникативные стратегии вербального утешения :

10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / А. О. Ханский. – Тверь, 2002. – 15 с. – Текст : непосредственный.

308. Харченко, С. В. Семантико-синтаксична та комунікативна структура речень у спонукальній модальності : 10.02.01 «Українська мова» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / С. В. Харченко. – Київ, 2001. – 20 с. – Текст : непосредственный.

309. Хидекель, С. С. Природа и характер языковых оценок / С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель. – Текст : непосредственный // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1983. – С. 11–16.

310. Хникіна, О. О. Семантичні та комунікативно-прагматичні особливості висловлювань обвинувачення у сучасній англійській мові : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / О. О. Хникіна. – Львів, 2010. – 26 с. – Текст : непосредственный.

311. Хэар, Р. М. Описание и оценка / Р. М. Хаэр. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 183–195.

312. Цинкерман, Т. Н. Об опыте диахронического подхода к установлению динамики ценностей англоязычного воспитательного дискурса / Т. Н. Цинкерман. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2015. – Т. 14. – № 5. – С. 101–107. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.11>.

313. Чахоян, Л. П. Коммуникативная интенция в структуре речевого произведения / Л. П. Чахоян, Г. Д. Невзорова. – Текст : непосредственный // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – С. 17–21.

314. Чекулай, И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : 10.02.04 «Германский языки» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / И. В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 44 с. – Текст : непосредственный.

315. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнорович, Л. В. Сахарный. – М.: Наука, 1991. – 240 с. – Текст : непосредственный.

316. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др.; отв. ред. Т. В. Булыгина. – М.: Наука, 1992. – 281 с. – Текст : непосредственный.

317. Чернявская, Е. А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи (на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия, А. С. Пушкина) : 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Е. А. Чернявская. – Брянск, 2001. – 270 с. – Текст : непосредственный.

318. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : [учебной пособие] / Е. А. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с. – Текст : непосредственный.

319. Чурилина, Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной доктора филологических наук / Л. Н. Чурилина. – Санкт-Петербург, 2003. – 44 с. – Текст : непосредственный.

320. Шакирова, С. Н. Эмоционально-оценочная актуализация слова в художественном тексте (на материале существительных современного английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / С. Н. Шакирова. – Одесса, 1985. – 17 с. – Текст : непосредственный.

321. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград, 1983. – 95 с. – Текст : непосредственный.

322. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. – С. 34–57.

323. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с. – Текст : непосредственный.

324. Шевченко, И. С. Историческая динамика прагматики предложения:

английское вопросительное предложение 16-20 вв.: монография / И. С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с. – Текст : непосредственный.

325. Шевченко, С. Е. Функциональная категория экспрессивности и ее реализация модификаторами / С. Е. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии. – СПб, 2000. – Вып. 6. – С. 81–85.

326. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: ракурсы адресанта и адресата / Е. В. Шелестюк. – Челябинск: Энциклопедия, 2008. – 151 с. – Текст : непосредственный.

327. Шипицина, Л. Ю. Использование оценочной лексики в немецких сетевых СМИ и блогах: сравнительный анализ / Л. Ю. Шипицина. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 87–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.9>.

328. Шмелева, А. А. Оценочность в прагмасемантике высказывания / А. А. Шмелева. – Текст : непосредственный // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. – Бирск, 2004. – С. 109–114.

329. Штакина, Л. А. Когнитивно-коммуникативная специфика дискурса деловой сферы / Л. А. Штакина. – Текст : непосредственный // Восточнославянская филология. – Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – Вып. 9(35) Языкознание. – С. 123–134.

330. Шумихина, В. В. Адресат и его характеристика в эмоционально-оценочных высказываниях: лингвокультурологический аспект (на материале английского и немецкого языков) : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной кандидата филологических наук / В. В. Шумихина. – Москва, 2005. – 178 с. – Текст : непосредственный.

331. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба. – Текст : непосредственный // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 77–100.

332. Щученко, В. А. Образы русской культуры: к проблеме объективного осмысления национального ценностного мира / В. А. Щученко. – Текст :

непосредственный // Ценностный мир русской культуры. – СПб., 1995. – С. 5–26.

333. Яковлева, Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании / Е. С. Яковлева. – Текст : непосредственный // Семантика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 278–302.

334. Якушина, Р. М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Р. М. Якушина. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2003. – 22 с. – Текст : непосредственный.

335. Яндиева, З. Д. Коммуникативные стратегии в гендерном рекламном тексте : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / З. Д. Яндиева. – Нальчик, 2011. – 25 с. – Текст : непосредственный.

336. Яровая, Л. С. Лексико-семантическая группа английских глаголов с общим значением оценки : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной кандидата филологических наук / Л. С. Яровая. – М., 1985. – 16 с. – Текст : непосредственный.

337. Яценко, М. О. Актуалізація аксіологічного змісту концептів маскуліністсь та фемініністсь у сучасному англійському художньому дискурсі : 10.02.04 «Германські мови» : автореферат дисертацій на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / М. О. Яценко. – Харків, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.

338. Яшенкова, О. В. Основы теории мовної комунікації: [навчальний посібник] / О. В. Яшенкова. – Київ: Видавничий центр «Академія», 2010. – 312 с. – Текст : непосредственный.

339. Bach, K. Speech Acts / K. Bach. – Текст : непосредственный // Mind and language. – Oxford; N.Y., 1994. – Vol. 9. – № 2. – P. 124–162.

340. Bach K. Speech Acts and Pragmatics / K. Bach. – Текст : электронный // Blackwell Guide to the Philosophy of Language, 2004. – URL: <http://userwww.sfsu.edu/~kbach/Spch.Prag.htm>.

341. Bednarek, M. Evaluation in media discourse. Analysis of a newspaper corpus / M. Bednarek. – London / New York: Continuum, 2006. – 272 p. – Текст :

непосредственный.

342. Bessonova, O. Evaluative designations of person in non-cognate languages / O. Bessonova. – Текст : непосредственный // Language in the new millennium. Applied-linguistic and cognitive-linguistic considerations. – Berlin: Petr Lang, 2018. – P. 77–93.

343. Bolinger, D. Aspects of Language / D. Bolinger. – N.Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1975. – 682 p. – Текст : непосредственный.

344. Brinton, L. J. Historical Discourse Analysis / L. J. Brinton. – Текст : непосредственный // The Handbook of Discourse Analysis / edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 138–160.

345. Bucher, J. The Pollyanna hypothesis / J. Bucher, Ch. Osgood. – Текст : непосредственный // Journal of verbal learning and verbal behaviour. – 1969. – Vol. 8. – P. 1–8.

346. Burton, D. Dialogue and Discourse (A Sociolinguistic Approach to Modern Drama Dialogue and Naturally Occurring Conversation) / D. Burton. – [1st ed.]. – London: Rutledge, 1980. – 224 p. – Текст : непосредственный.

347. Channell, J. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse / J.Channell; ed. by S. Hunston and G. Thompson. – Oxford University Press, 2000. – 225 p. – Текст : непосредственный.

348. Conrad, S. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse / S. Conrad, D. Biber; ed. by S. Hunston and G. Thompson. – New York: Oxford University Press, 2000. – 225 p. – Текст : непосредственный.

349. Grace, P. Logic and Conversation / P. Grice. – Текст : непосредственный // Syntax and Semantics: in 4 vol. – N.Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 25–69.

350. Gumperz, J. J. Discourse Strategies Studies in International Sociolinguistics / J. J. Gumperz. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 204 p. – Текст : непосредственный.

351. Heller, M. Discourse and Interection / M. Heller. – Текст : непосредственный // The Handbook of Discourse Analysis / edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 250–264.

352. Hunston, S. The evaluation of status in multi-modal speech / S. Hunston. –

Текст : непосредственный // *Functions of language*. – 2008. – No 15(1). – P. 64–83.

353. Hunston, S. *Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language* / S. Hunston. – New York: Routledge, 2011. – 236 p. – Текст : непосредственный.

354. Jucker, A. H. *English historical pragmatics: Problems of data and methodology* / A. H. Jucker. – Текст : электронный // Gabriella di Martino and Maria Lima (eds.). *English Diachronic Pragmatics*. Napoli: CUEN, 2000. – P. 17–55. – URL: https://www.researchgate.net/publication/288026730_English_historical_pragmatics_Problems_of_data_and_methodology (дата обращения: 24.08.2021).

355. Kendall, Sh. *Discourse and Gender* / Sh. Kendall, D. Tannen. – Текст : непосредственный // *The Handbook of Discourse Analysis* / edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 548–568.

356. Hess-Luttich, E.W.B. *Dramatic Discourse* / E.W.B. Hess-Luttich. – Текст : непосредственный // *Discourse and Literature*. – Amsterdam; Philadelphia, 1985. – P. 199–214.

357. Martin, J. R., P.R.R. *White The Language of Evaluation. Appraisal in English* / J. R. Martin, P.R.R. – N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2005. – 99 p. – Текст : непосредственный.

358. Morris, C. *Verities of human values* / C. Morris. – Chicago; London: The Univ. of Chicago press, 1968. – 00 p. – Текст : непосредственный.

359. Myhill, J. *Typology and Discourse Analysis* / J. Myhill. – Текст : непосредственный // *The Handbook of Discourse Analysis* / edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 161–174.

360. Norrick, N. R. *Discourse and Semantics* / N. R. Norrick. – Текст : непосредственный // *The Handbook of Discourse Analysis* / edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 76–99.

361. Nowell-Smith, P. *Ethics Hardcover* / P. Nowell-Smith. – Oxford: Blackwell, 1957. – 283 p. – Текст : непосредственный

362. Ostashova, O. *Predicate as a component of evaluative utterance* / O. Ostashova. – Текст : непосредственный // *Book of papers XVII Tesol-Ukraine*

International Conference: English in globalized world March, 15-16, 2012. – Kamianets-Podilsky, 2012. – P. 131–132.

363. Ostashova, O. I. Evaluative utterance in the English-speaking fictional discourse of the 19th and 20th centuries (Humanities across the borders) / O. I. Ostashova. – Текст : непосредственный // Hornackova Klápicova, E. Smetanova, E. (eds.): Humanities Across the Borders: More Interdisciplinary Issues. – Madrid: Ediciones Xorki, 2016. – P. 149–162.

364. Sapir, E. Grading. A Study in Semantics Philosophy of Science / E. Sapir. – Текст : непосредственный // Philosophy of Science. – 1944. – Vol. 11. – No. 2. – P. 93–116.

365. Schiffirin, D. Discovering the context of an utterance / D. Schiffirin. – Текст : непосредственный // An interdisciplinary journal of the language sciences. – Mouton de Gruyter, 1987. – Vol. 25-1. – P. 11–32.

366. Schiffirin, D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context / D. Schiffirin. – Текст : непосредственный // The Handbook of Discourse Analysis / edited by Deborah Schiffirin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 54–75.

367. Searle, John R. Foundations of Illocutionary / John R. Searle, D. Vanderveken. – Logic – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 356 p. – Текст : непосредственный.

368. Stevenson, Ch. Z. Fact and Values (studies in ethical analysis) / Ch. Z. Stevenson. – London, 1964. – 356 p. – Текст : непосредственный.

369. Thompson, G. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse / ed. by S. Hunston and G. Thompson. – Oxford University Press, 2000. – P. 1–22. – Текст : непосредственный.

370. Tracy, K. Discourse Analysis in Communication / K. Tracy. – Текст : непосредственный // The Handbook of Discourse Analysis / edited by Deborah Schiffirin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton. – Blackwell Publishers Ltd, 2001. – P. 725–750.

371. Wright, G. H. Von The varieties of goodness / G. H. Wright. – Текст : непосредственный // Ethics, 74 (3) – London, 1963. – P. 223–225.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

372. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст : непосредственный.

373. Новейший философский словарь. – [3-е изд., исправл.]. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий). – ISBN 985-428-636-3. – Текст : непосредственный.

374. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2003. – URL: <http://stylistics.academic.ru> (дата обращения: 13.10.2021). – Текст : электронный.

375. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведова, С. И. Ожегова. – URL: <http://ozhegov.info/slovar> (дата обращения: 17.10.2021). – Текст : электронный.

376. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 589 с. – Текст : непосредственный.

377. Oxford Learner's Dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 02.11.2021). – Текст : электронный.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

378. Austen, J. Emma / J. Austen. – URL: <http://giove.isti.cnr.it/demo/eread/Libri/joy/Emma.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

379. Austen, J. Pride and Prejudice / J. Austen. – Санкт-Петербург: Издательство КАРО, 2009. – 478 р. – Текст : непосредственный.

380. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – URL: <https://www.ucm.es/data/cont/docs/119-2014-04-09-Jane%20Eyre.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

381. Chopin, K. The Awakening / K. Chopin. – URL: <https://booksvoooks.com/nonscrolablepdf/the-awakening-pdf-kate-chopin.html> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

382. Collins, W. The Woman in White / W. Collins. – URL: http://www.gasl.org/refbib/Collins__Woman_in_White.pdf (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

383. Dickens, Ch. David Copperfield / Ch. Dickens. – URL: [http://englishonlineclub.com/pdf/Charles%20Dickens%20-%20David%20Copperfield%20\[EnglishOnlineClub.com\].pdf](http://englishonlineclub.com/pdf/Charles%20Dickens%20-%20David%20Copperfield%20[EnglishOnlineClub.com].pdf) (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

384. Elliot, G. Middlemarch / G. Elliot. – URL: <http://triggs.djvu.org/djvu-editions.com/ELIOT/MIDDLEMARCH/Download.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

385. Fitzgerald, F. S. *Tender is the night* / F. S. Fitzgerald. – URL: <http://www.planetebook.com/ebooks/Tender-is-the-Night.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

386. Fowles, J. R. *The French Lieutenant's Woman* / J. R. Fowles. – URL: <https://literariness.org/wp-content/uploads/2019/07/John-Fowles-The-French-Lieutenant%E2%80%99s-Woman-Little-Brown-Co-2011.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

387. Galsworthy, J. *To Let* / J. Galsworthy. – Москва: Менеджер, 2004. – 287 p. – Текст : непосредственный.

388. Gaskell, E. *North and South* / E. Gaskell. – URL: <https://pdfcorner.com/wp-content/uploads/2019/05/North-And-South-Book-Pdf.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

389. James, H. *The portrait of a Lady* / H. James. – URL: <https://www.bartleby.com/ebook/adobe/311.pdf> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

390. Lawrence, D. H. *Sons and Lovers* / D. H. Lawrence. – URL: https://planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/Sons_and_Lovers_NT.pdf (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

391. Maugham, W. S. *Theatre* / W. S. Maugham. – Москва: Менеджер, 1998. – 304 p. – Текст : непосредственный.

392. Maugham, W. S. *The painted veil* / W. S. Maugham. – Москва: Менеджер, 2004. – 272 p. – Текст : непосредственный.

393. Maurier, D. *Rebecca* / D. Du Maurier. – URL: https://vk.com/doc9553335_437832733?hash=e1eca66e6beeeb4d7b&dl=bd73acea3856c9e478 (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

394. Murdoch, J. I. *The Sandcastle* / J. I. Murdoch. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/41942-iris-murdoch-the-sandcastle.html> (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.

395. Spark, M. *The Girls of Slender Means* / M. Spark. – URL: https://royallib.com/read/Spark_Muriel/the_girls_of_slender_means.html#0 (дата обращения: 14.10.2021). – Текст : электронный.